

А. В. АНИКИН

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ

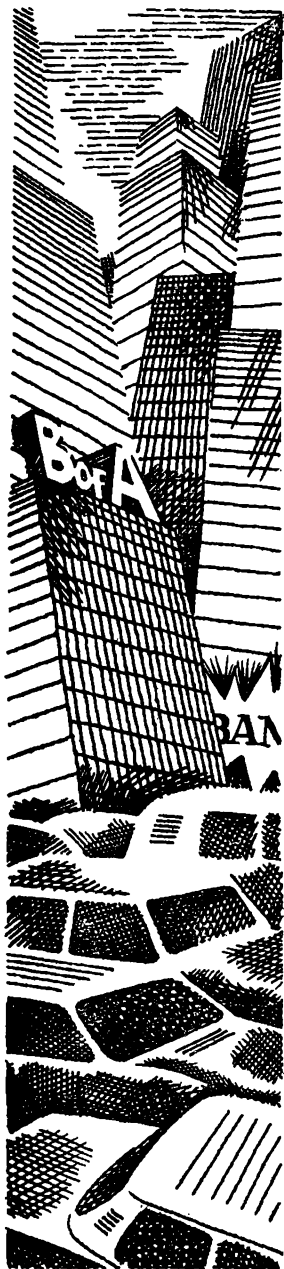

А. В. АНИКИН

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ

**ЗОЛОТО
И
КАПИТАЛИЗМ**

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978

Аникин А. В.

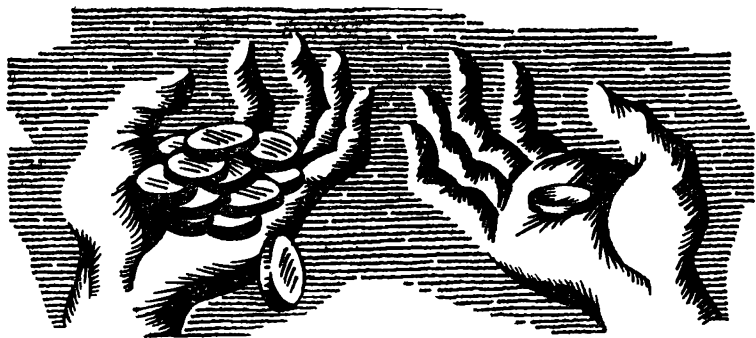
- А67** Желтый дьявол. Золото и капитализм. — М.: Мол. гвардия, 1978. 208 с., ил.
В пер.: 60 коп. 65 000 экз.

Профессор А. В. Аникин — автор ряда научно-популярных и научно-художественных книг: «Адам Смит» (1968); «Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса» (1971, 1975); «Валютный кризис на Западе» (1975). Его новая книга рассказывает об истории и современных проблемах денежного металла. Золото сыграло важную роль в развитии капитализма и поныне служит символом богатства и власти в странах капитала. С золотом связаны многие острые вопросы экономики современного Запада.

Книга А. В. Аникина сочетает научную содержательность с художественной формой изложения. Из нее можно узнать много интересного о судьбах желтого металла от времен фараонов до наших дней.

**ББК 65.011.5
33.049**

А 70302—300
078(02)—78 001—78

1. ВВЕДЕНИЕ: ЗОЛОТО В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Каждый видел золото. Многие имеют какие-нибудь золотые вещи: кольца, браслеты, серьги, часы, зубные коронки. Может быть, вам знакомы и золотые монеты, русские или иностранные.

Каждый знает, что золото дорого. Точнее сказать, в небольшом весе и объеме оно содержит большую ценность. Такой же вес серебра стоит в десятки, меди — в сотни, а железа — в тысячи раз меньше. Золото — драгоценный металл.

Золото, конечно, красиво. Оно обладает интенсивным желтым цветом, который может иметь разные оттенки в зависимости от пробы (содержания чистого золота в сплаве) и характера примесей. Само слово *золото* в славянских и других индоевропейских языках происходит от названия желтого цвета. Особенно красивыми могут быть изделия из золота, если они выполнены рукой мастера или по талантливому проекту художника. Древне-египетское, скифское, фракийское золото — величайшие сокровища музеев мира.

Как говорится, золото и в грязи блестит: оно не ржавеет, как железо, не покрывается синевато-зеленым окислом, как медь, даже не темнеет, как серебро. Золотые предметы, пролежавшие в земле или на дне моря не одно столетие, выглядят так, как будто они вчера вышли из

рук мастера. Недаром золото называют *благородным* металлом.

Этот металл обладает физическими и химическими свойствами, которые делают его применение целесообразным, а иногда необходимым в некоторых областях промышленности, в том числе новейших — электронике, космической технологии.

Однако, если бы дело ограничивалось этим, желтый металл представлял бы интерес прежде всего для геологов, физиков, инженеров, художников, археологов, но не для экономистов и социологов. И в таком случае вопрос о золоте, может быть, был бы проще.

Но каждый, несомненно, слышал, что золото — это *деньги*. Деньги же — явление экономическое и социальное. От устройства общества зависит, какую роль играют в нем деньги. В известном смысле справедливо и обратное утверждение: если мы видим, как функционируют в данном обществе деньги, мы можем судить о его характере, об имущественных, экономических отношениях между людьми.

Эпохи развития человечества отличаются, в частности, тем, какие деньги им свойственны. Гомеровская Греция не знала еще металлических монет, и деньгами были куски железа и меди или быки. В прошлом веке во всем мире ходили золотые или серебряные монеты, а также банкноты (особые бумажные деньги, выпускаемые банками), которые были в обычных условиях разменны на металл по номиналу. В современной Америке деньги — это прежде всего записи на счетах в банках, которыми можно оплатить что угодно, в том числе купить участок земли, предприятие или, что более обычно, пакет акций (пай) в предприятии. В нашей стране деньги по форме такие же — либо записи на счете в Государственном банке и сберегательной кассе, либо бумажные деньги (банковские и казначейские билеты), либо, наконец, монеты из сплавов недрагоценных металлов. Но сфера их действия ограничена и подчинена интересам общества; никто не может купить на деньги землю, многоквартирный дом или пай в предприятии. Для современных денег как при капитализме, так и при социализме лучше всего подходит термин *кредитно-бумажные деньги*.

В каком смысле золото в нашем обществе является

деньгами? И является ли оно деньгами? Из обыденного опыта это далеко не очевидно. В магазин с золотом не пойдешь и за квартиру платить не станешь. Никому не придет в голову говорить, например, что автомобиль или телевизор стоит столько-то и столько-то граммов золота.

Все товары у нас имеют цены в советских рублях, и золото в этом отношении не отличается от других товаров. Если у вас есть золото и вам нужны деньги — обыкновенные, всем известные бумажные деньги, — то золото надо сначала продать. Скажем, снести в скупку. Или заложить в ломбарде, если вам дороги как память часы вашего дедушки или браслет бабушки. Но продать и заложить можно и шубу, и транзистор, и серебряные ложки. Есть ли разница? Какая-то, очевидно, есть. Золото отличается особой портативностью, однородностью, долговечностью. Кроме того, у него есть трудноуловимое, но тем не менее реальное свойство: вековая традиция, привычка выделять его из бесконечного ряда товаров. Когда хотят словесно придать какому-нибудь товару особую ценность, говорят «белое золото» — хлопок, или «черное золото» — нефть.

Многие экономисты, исследуя деньги в социалистическом обществе, считают, что золото у нас практически утратило денежные функции. Золотой запас государства играет известную роль в поддержании устойчивости наших кредитно-бумажных денег, потому что золото представляет собой очень ценный товар, в частности, легко реализуемый за границей. В Большой Советской Энциклопедии читаем: «В социалистических странах централизованный золотой запас служит в основном в качестве резерва для международных расчетов, связанных с внешними экономическими отношениями»¹. Советский рубль имеет твердое, зафиксированное законом золотое содержание — 0,987412 грамма чистого золота. Оно служит как база для установления соотношений рубля с иностранными валютами (валютных курсов) и имеет значение преимущественно в сфере международных расчетов.

Другие экономисты считают, что наши кредитно-бумажные деньги связаны с золотом, причем не только благодаря функции золота как мировых денег, но и в чисто внутренних экономических процессах. Они полагают, что кредитно-бумажные деньги получают покупа-

тельную способность по отношению к товарам только в качестве представителей золота.

Но каковы бы ни были эти разногласия, все согласны с тем, что золото играет важную роль во внешнеэкономической сфере, особенно в отношениях СССР с капиталистическими странами. В 1921 году В. И. Ленин в ярком образе выразил наше отношение к золоту. В статье «О значении золота теперь и после победы социализма» он писал, что с золотом связаны бесчисленные преступления капитализма, в частности мировая война: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира». Но, предупреждал Ленин, такое употребление металла, покрытого кровью и грязью, явно нецелесообразно, пока социализм существует на нашей планете рядом с капитализмом. «Пока же: беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле»².

Этот совет звучит в высшей степени своевременно, особенно в условиях последних лет, когда цена золота на мировом рынке резко повысилась и постоянно колеблется; ранее несколько десятилетий она была искусственно закреплена на низком и почти неизменном уровне.

Конечно, люди будущего общества сами решат, как им наилучшим образом распорядиться запасами желтого металла и в каких размерах его производить. За последние десятилетия сфера промышленного применения золота значительно расширилась и продолжает расширяться. Возможно, к тому времени с него уже будет стерто дьявольское клеймо, оно перестанет быть символом алчности, несправедливого богатства, эксплуатации человека человеком. Золото может с успехом служить своими полезными свойствами людям, если в их сознании и поведении постепенно исчезнут такие малосимпатичные черты, как страсть к наживе и накопительству, тщеславие своей зажиточностью, своим общественным положением. Тогда и красота, эстетические достоинства благородного металла могут стать средством удовлетворения естественных и высоких потребностей человека. Прообраз этого нового отношения к золоту можно видеть в том, как люди любят музейные сокровища и самородки Алмазного фонда,

Социализм получает золото как экономический феномен в наследство от капитализма. Поэтому мы немного поймем в том, что делает золото и что делается с золотом при социализме, если не разберемся, что оно значило и значит в капиталистическом мире. Конечно, это важно и интересно прежде всего для понимания самого капитализма. Как бы ни менялись функции золота, оно остается фактором его экономики, элементом буржуазной цивилизации.

Чудовищные преступления совершались и совершаются ради золота. «Люди гибнут за металл...» — эта оперная фраза вполне точно рисует его историю. Власть золота ожесточает, морально растлевает людей. Разумеется, виноват в этом не сам металл, представляющий собой просто химический элемент с определенными свойствами, а общественный строй, сделавший его деньгами, воплощением богатства, предметом почти религиозного поклонения.

Золото как деньги, как концентрированная экономическая власть, как объект вожделения и алчности выступает уже с древних времен. Римскому поэту Вергилию принадлежит чеканная формула *auri sacra fames* — «проклятая жажда золота». Но лишь капитализм доводит эту формулу до завершения. Почему? Потому что в этом обществе золото не только деньги, но и *капитал*, то есть деньги, которые пускаются в оборот, чтобы они росли и росли. У Бальзака ростовщик и философ Гобсек говорит: «Что такое жизнь, как не машина, которую приводят в движение деньги?.. Золото — вот духовная сущность всего нынешнего общества»³.

Золото как металл и полезное природное сырье известно человеку около 6 тысяч лет. Некоторые черты денег оно приобрело в наиболее развитых частях древнего мира приблизительно 4000—4500 лет тому назад. Прошло 2500—2600 лет с тех пор, как появились первые монеты из золота.

Много столетий соперником желтого металла в роли денег было серебро. Лишь в XIX веке золото единолично заняло трон денежного металла. В главных странах была введена денежная система, получившая название *золотого стандарта*. Государство чеканило и пускало в обращение золотые монеты — английские соверены, французские наполеоны, русские империалы. Все другие формы денег обменивались на эти монеты. Золото ста-

ло основой, осью денежной системы. Бумажно-денежная инфляция в такой экономике была невозможна. Если цены товаров повышались, это означало, что в силу каких-то причин товары дорожали *по отношению к золоту*.

Капитализм этой эпохи являлся предметом исследования Маркса. Хотя в некоторых странах золотой стандарт не был официально введен и существовали серебряные или неразменные бумажные деньги, он мог с полным основанием абстрагироваться от этого и сказать в «Капитале»: «В этой работе я везде предполагаю, ради упрощения, что денежным товаром является золото»⁴. Это заставляет нас с особым вниманием следить за дальнейшей судьбой золота как денежного товара.

Золото сыграло важную роль в развитии капитализма и его хозяйства.

Приток золота (и серебра) в Западную Европу после великих географических открытий XV—XVI веков был важным источником первоначального накопления капитала, разрушал замкнутое феодальное хозяйство, оживлял торговлю и ремесло.

В середине XIX века открытие золота в Калифорнии и Австралии послужило толчком бурного экономического развития в Западной Европе и Северной Америке. Золото способствовало хозяйственному сближению стран и территорий, формированию мирового рынка. Приток золота стал основой введения золотого стандарта и развития кредитной системы.

В конце XIX века золото было открыто в Южной Африке, и началась, можно сказать, современная фаза в многовековой истории желтого металла. В настоящее время в Южно-Африканской Республике добывается приблизительно три четверти всего золота капиталистического мира. В 1977 году во всех капиталистических странах было добыто около 950 тонн металла, в том числе в ЮАР — 700 тонн. Будущее золота во многом зависит от судеб этого заповедника расизма и колониализма на бурлящем Юге Африки. С другой стороны, ситуация в ЮАР во многом связана с золотодобывающей промышленностью, с трудом и борьбой сотен тысяч африканских горняков.

В свое время золото оказало прямое и сильное влияние на экономическое развитие тех районов, где оно добывалось. «На золоте» выросли миллионные города Сан-Франциско, Сидней, Йоганнесбург. Добыча золота спо-

собствовала в дореволюционное время хозяйственному освоению Урала, некоторых районов Сибири и Дальнего Востока. Немало значило оно для роста столицы Урала — Екатеринбурга (Свердловска). Ленский расстрел 1912 года, когда погибло несколько сот рабочих золотых приисков, послужил толчком к подъему массового революционного движения в России.

Проблема золота интересна для советского читателя и потому, что Советский Союз является крупной золотодобывающей страной. Этой отрасли промышленности неизменно уделяется большое внимание. Уже в декрете Совнаркома от 31 октября 1921 года указывалось на особое государственное значение добычи золота и платины. Поскольку в 30-е годы мы покупали в капиталистических странах за золото машины, жизненно необходимые для индустриализации, в золотодобычу производились крупные капиталовложения. Реконструкцией и развитием отрасли в те годы руководил верный сын нашей партии, видный государственный деятель и способный инженер Александр Павлович Серебровский.

В послевоенные годы в СССР были открыты и освоены новые месторождения золота — как коренные (рудные), так и россыпные (образовавшиеся в результате размыва руд). В золотодобычу пришла мощная современная техника, сложились кадры специалистов и квалифицированных рабочих, изменился быт добытчиков драгоценного металла. Это важная отрасль социалистической промышленности, продукция которой очень нужна стране.

До недавнего времени подавляющая часть золота, которое добывалось в капиталистическом мире или попадало туда другими путями, принимала денежную форму. До первой мировой войны это было буквально так: из золота чеканили монету, которая растекалась по каналам обращения; другая часть оседала в подвалах банков как обеспечение кредита и бумажных денег. То были времена золотого стандарта. Однако со времени войны 1914—1918 годов большинство капиталистических стран прекратило чеканку монеты и ограничило размен бумажных денег на золото. Все формы такого размена были окончательно ликвидированы в период мирового экономического кризиса 1929—1933 годов. Золото перестало быть деньгами во внутренней экономике капиталистических стран. Оно все более концентрировалось в государ-

ственных фондах и центральных банках и выходило отсюда лишь для погашения международных долгов. Для вновь добытого золота был один путь — «из ямы в яму», то есть из рудников в бронированные подвалы банков и государственных хранилищ:

Из африканских рудников
Металл испытанную силу
Несет в надежную могилу
Американских сундуков.

В итоге второй мировой войны более двух третей централизованных золотых запасов капиталистических стран оказалось сосредоточено в США. В послевоенной валютной системе американский доллар стал как бы дубликатом золота, поскольку правительство США гарантировало другим государствам обмен их долларовых активов (валютных накоплений) на золото по твердому соотношению. «Доллар так же хорош, как золото» — это изречение было популярно в США вплоть до 70-х годов XX столетия.

Теперь оно звучит насмешкой. В 1968 году США вынуждены были отказаться от поддержки цены золота в долларах на свободном рынке, а в 1971 году — от обмена накопленных за границей долларов на золото. Тем самым последняя связь международной валютной системы капитализма с золотом была разорвана. На повестку дня была поставлена *демонетизация* золота — юридическое оформление факта сокращения и ограничения денежного бытия золота.

Начиная с 1972 года свободная рыночная цена золота взмыла вверх и повысилась в долларах в четыре-пять раз. Инфляция и валютный кризис усиливают тягу к золоту в состоятельных группах населения, начиная от финансовых магнатов и кончая городскими средними слоями и крестьянством. Хотя страны — члены Международного валютного фонда приняли решение об отмене твердых золотых паритетов валют и о прекращении операций с золотом на базе этих паритетов, до реального устранения его из валютной системы еще далеко. Капиталистические страны сохраняют свои запасы металла как наиболее надежный резерв международных платежных средств и иногда пускают их в ход, продавая или закладывая золото в обеспечение займов по рыночным ценам. Золото, изгоняемое, так сказать, из валютной

системы через парадную дверь, возвращается через черный ход.

Литература о золоте огромна. Это прежде всего работы по химии, физике, геологии, технике добычи и применения золота. Но еще обширнее, пожалуй, литература о социально-экономических и денежных аспектах желтого металла. Как говорит Маркс, в 40-х годах прошлого века английский политик Гладстон заметил в парламентских прениях, что даже любовь не свела с ума такого большого числа людей, как мудрствования по поводу денег⁵. Проблема золота занимает видное место и в современной экономической литературе. Интерес к золоту не иссякает, и на Западе выходят все новые и новые работы о его прошлом, настоящем и будущем.

Фольклор всех народов, художественная литература всех веков сохранили множество наблюдений и мыслей о роли желтого металла в жизни людей. Мы встречаем там гимны и проклятья золоту, преклонение и ужас перед его властью, мечты о мире без этой власти. Гомер и Софокл, Чосер и Шекспир, Пушкин и Горький... Калифорнийская золотая лихорадка сделала крупным писателем Брет Гарта, аляскинская — Джека Лондона. Мир русских золотопромышленников и старателей выпукло показан у Мамина-Сибиряка и Шишкова. Михаил Зощенко рассказывает в повести «Черный принц» о поисках затонувшего в Черном море английского корабля, груженного золотом. Английский писатель Алан Силлитоу в романе «Начало пути», опубликованном и в русском переводе, — о золотом бизнесе, мире контрабандистов и их хозяев. И так далее. Даже заглавие широко известного романа Ильфа и Петрова несет ироническое напоминание о библейском золотом тельце.

Петр Гарин, герой не менее популярного фантастического романа Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», овладевает способом добычи золота из глубин земной коры по себестоимости два с половиной доллара за килограмм. Выбросив золото на рынок Соединенных Штатов по этой цене, он настолько подрывает экономическую систему страны, что верховная власть сама идет ему в руки, как спелое яблоко, падает в подставленную корзинку.

Вот с каким воззванием обращается в романе Толстого правительство США к народу по поводу действий Гарина: «...тем скорее нужно засыпать шахту на Золотом

острове, уничтожить самую возможность иметь неисчерпаемые запасы золота. Что будет с эквивалентом труда, счастья, жизни, если золото начнут копать как глину? Человечество неминуемо вернется к первобытным временам, к меновой торговле, к дикости и хаосу. Погибнет вся экономическая система, умрут промышленность и торговля»⁶. И дальше в таком же духе.

С точки зрения экономиста интересен вопрос: если перенести фантазию Толстого в современный мир, каких последствий для капиталистической экономики можно было бы ожидать от внезапного понижения цены золота до цены меди или алюминия?

В последние годы в судьбах и экономической роли золота произошли большие изменения. Желтый металл находится, по-видимому, на каком-то переломе своей социально-экономической истории. Как он пришел к этому перелому, каков смысл происходящих сдвигов — такова основная тема этой книги. Желтый дьявол жив, хотя формы его господства в мире капитала меняются, — таков главный вывод книги. Читатель сам сможет судить о фактах, которые приводят к этому выводу.

Одна из новейших западных книг (Эрик Шанель. Золото. Париж, 1974) имеет подзаголовок: «Как его покупать, хранить, продавать»⁷. Такую задачу автор настоящей книги, конечно, перед собой не ставит. Но мой научный, литературный и педагогический опыт говорит, что многие хотят больше знать о золоте, о его приключениях и загадках, настоящем и будущем. Я старался рассказать об этом содержательно, просто и живо. Пусть читатель судит, насколько это удалось.

Книга рассчитана на широкого читателя с интересами в области истории, экономики, политики. Она отражает взгляды, которые высказывались в научной печати, в дискуссиях советских ученых. По спорным и новым вопросам автор излагает собственную точку зрения. Современный читатель интеллигентен и требователен. Поэтому в книге соблюдены принятые стандарты научных публикаций, в частности, раскрыты источники фактов и мыслей других авторов. Это особенно важно для тех, кто захочет расширить круг чтения и познания. Но вся информация по существу предмета содержится в основном тексте. Книгу можно читать, и вовсе не обращая внимания на отсылки к источникам.

II. КАК ЗОЛОТО СТАЛО ДЕНЬГАМИ

Итак, нас интересует золото как деньги. Именно это сделало его, по выражению одного автора, «самым противоречивым металлом», металлом с необыкновенными и сложными общественными функциями. Чтобы объяснить, как и почему золото стало деньгами, надо заглянуть в глубь древности. Во многих случаях моделью древности служит жизнь тех народов, которые дожили до нового времени в условиях сохранившегося примитивного устройства общества.

ПОЯВЛЕНИЕ ДЕНЕГ

В первобытной общине, где люди жили тем, что собирали плоды земли или охотились на диких животных, добыча просто делилась между ее членами. *Обмена* результатами этого примитивного «производства» не было. Не было нужды и в обмене между общинами, а потому не могло быть и потребности в деньгах.

Но вот человек начинает приручать животных и обрабатывать землю. Собирачество и охота уступают место скотоводству и земледелию. Постепенно одни племена начинают по преимуществу заниматься первым, другие — вторым. В этих условиях обмен становится уже необходимым элементом жизни людей, развития производства и общества. Еще больше возрастает значение

обмена, когда выделяется ремесло как особая область трудовой деятельности людей. Одновременно происходят изменения в самом первобытнообщинном строе; в недрах его постепенно развиваются элементы будущего рабовладельческого общества. Товаров становится все больше и больше, обмен все регулярнее. Если раньше он был делом случая, а соотношение обмениваемых предметов не слишком определенным, то теперь каждый товар стремится выразить свою стоимость во множестве других товаров и реально обменивается на них.

Представим себе гончара, который вынес на рынок свои горшки в расчете обменять их на зерно. Но на его беду у владельца зерна все горшки в целости и сохранности, и потому нет нужды менять зерно на товар гончара. Если бы на рынке были только два этих производителя, то им, пожалуй, так и пришлось бы разойтись, унося свой товар домой. К счастью, на рынке имеются также продавцы шерсти, оливкового масла, бронзовых ножей и бог знает чего еще. Притом уже хорошо известно, что горшок оценивается, например, в один фунт шерсти, в бутылку оливкового масла определенной емкости или в два бронзовых ножа. Возможно, гончару придется совершить несколько актов обмена, прежде чем он получит товар, который подходит хлеборобу, и таким образом приобретет наконец желаемое зерно.

О том, что вся эта хозяйственная канитель не просто выдумка, свидетельствует, например, такой рассказ европейца, путешествовавшего по Тропической Африке в середине XIX века: «Забавно было видеть, как мне пришлось платить наемную плату за лодку на рынке в Кавеле, на берегу Танганайки. Агент Саида требовал уплаты слоновой костью, которой, однако, у меня не было; тогда я узнал, что Магомет Ибн-Салиб располагал слоновой костью и желал иметь сукно; однако это известие принесло мне еще немного пользы, пока наконец я не услышал, что Магомет Ибн-Гариб имел сукно и желал иметь проволоку. Эта последняя у меня, по счастью, была, и, таким образом, я дал Магомету Ибн-Гарибу требуемое количество медной проволоки, он передал Магомету Ибн-Салибу сукно, а этот последний дал агентам Саида требуемую слоновую кость; тогда только я получил от последнего право воспользоваться лодкою»¹.

Отсутствие *всеобщего эквивалента* — товара, выра-

жающего собой стоимость всех остальных товаров и способного на них постоянно обмениваться, — это первое большое затруднение обмена. Затрудняя обмен, эта беда встает на пути прогресса общественного производства. Мы имеем здесь дело с противоречием общественного развития, которое ищет своего разрешения и рано или поздно находит его. В чем?

В выделении из всего многообразного товарного мира особого товара, который приобретает свойства всеобщего эквивалента. Выделение такого товара обычно не является результатом соглашения между людьми или чьего-либо повеления. Это стихийный экономический процесс, происходящий независимо от воли людей.

Когда находится такой товар-избранник, все остальные товары поворачиваются лицом к нему и пожирают его глазами. Они выражают теперь в нем свою стоимость, что позволяет легко сравнивать их между собой. Они стремятся теперь обмениваться на этот товар, чтобы без труда выбрать затем среди товарного мира любой необходимый объект.

Наш гончар теперь обменивает свои горшки на этот особый товар, а затем может получить за него зерно, оливковое масло и любой другой продукт. В сущности, это уже купля-продажа; гончар продает горшки, чтобы купить зерно. Если бы в районе Африки, о котором пишет цитированный выше автор, какой-то товар, скажем, та же слоновая кость, уже приобрел статус всеобщего эквивалента, то его трудности были бы разрешены гораздо легче: он просто обменял бы свою проволоку на слоновую кость и заплатил бы ею за лодку.

Мы еще не произнесли слово *деньги*, но легко догадаться, что всеобщий эквивалент, который измеряет все стоимости и постоянно обращается на товарном рынке, есть, по существу, деньги.

Чтение книг по истории хозяйственного быта и по истории денег убеждает, что трудно придумать такой товар, который когда-либо и где-либо не выполнял функции денег. Деньгами были меха и морские раковины, рыба и какао-бобы, скот и соль, янтарь и даже сами люди (рабы).

В каждом отдельном случае тот или иной товар не случайно присваивал функции денег. Эта роль может выпасть на долю одного из важнейших товаров, получаемых данным сообществом людей извне, от других

племен и народов. Пленники-рабы могут служить примером такого товара. Немецкий ученый Шурц (конец XIX века) сообщает: в западном Судане раб является единицей ценности, причем сложились определенные меновые отношения между этим товаром и другими товарами. Один раб оценивается и обменивается на 300 кусков холста определенного размера, или на 6 быков, или на 10 испанских долларов определенной чеканки. «У туземцев Африки, — рассказывает один путешественник, — на вопрос, сколько стоит эта лошадь, вы зачастую получаете ответ: «Три пленника», а бык — «Полпленника». Пленник не разрубался, конечно, пополам, но в качестве «полпленника» шел больной и немощный. Самой крупной монетой служит здесь красивый, здоровый юноша или цветущая, красивая девушка»².

Но еще более характерно закрепление функции денег за товаром, который преимущественно производится в данной местности и является важнейшим объектом рыночного обмена. В древней Исландии «цены» исчислялись в штуках трески, и все товары продавались и покупались на треску. У скотоводческих народов деньгами часто был скот. «Скотские деньги» столь частое явление в истории, что это отразилось в языке многих народов. Латинское слово *rescupia* (деньги) происходит от *rescus* (скот). В Древней Руси княжеская казна называлась скотницей, а казначей — скотником, хотя в казне хранились уже не быки и коровы, а меха и слитки серебра.

Нелегко было людям в те времена, когда в качестве денег выступали скот или рыба. Вернемся для примера к нашему гончару. Предположим, он обменял свои горшки на стадо овец из дюжины голов. Но хлебороб обещает ему поставить зерно лишь через несколько дней. Куда девать эти блеющие «деньги», которые к тому же требуют пищи, охраны и ухода? А если среди них начнет падеж? Что делать, если ему надо купить, например, нож, который стоит третью часть овцы? И так далее.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДЕНЬГИ

Легко уже представить себе, каковы должны быть свойства товара, способного хорошо выполнять функции денег. Во-первых, это однородность и равнокачествен-

ность. Нельзя, чтобы одна единица денег отличалась от другой, как упитанная овца отличается от тощей. Во-вторых, прочность и сохраняемость. Например, рыба, как бы хорошо ее ни солили или коптили, протухнет довольно быстро. В-третьих, экономическая делимость. Если, скажем, деньгами был мех соболя, то одна десятая часть шкурки отнюдь не стоила десятой части целого меха. В-четвертых, компактность, высокая стоимость в единице веса или счета. Как сообщают этнографы, на некоторых островах Тихого океана в ходу были каменные деньги, которые приходилось с большим трудом перетаскивать с места на место; это были, конечно, очень плохие деньги. Наконец, в-пятых, желательно, чтобы денежный товар обладал сравнительно постоянной стоимостью, не слишком зависящей от капризов погоды и других случайностей.

Полное или частичное отсутствие этих качеств у всех упомянутых форм «денег» есть второе большое затруднение обмена. Оно разрешается выдвижением *металлов* на роль денег. В древней Спарте в ходу были железные деньги. Медь сохраняла функции денег до сравнительно недавнего прошлого. Есть сведения о свинцовых и оловянных деньгах. Но эти металлы в качестве денег во многом уступают драгоценным (благородным) металлам — золоту и серебру, которые обладают еще одним немаловажным качеством: они эстетически привлекательны.

Ни один товар не может стать деньгами, если он не обладает полезностью, потребительной стоимостью. В те времена, когда люди еще не умели обрабатывать железо, золото наряду с медью использовалось для изготовления некоторых простых орудий небольшого объема и веса. По мере разложения первобытнообщинного строя золото и серебро все больше применялись для производства разного рода украшений и предметов роскоши. Изделия из этих металлов и становились отличительными знаками племенных вождей, превращавшихся в патриархальных рабовладельцев.

Но вместе с тем нельзя не видеть контраста между чудовищной властью, которую приобретает золото, и ограниченностью его потребительной стоимости. Золото удовлетворяет не основные потребности человека — в пище, одежде, жилье и орудиях, а второстепенные нужды, само развитие которых в обществе порождается та-

кими малопочтенными человеческими свойствами, как тщеславие, скупость, властолюбие. Этот контраст ощущается уже в древней легенде о царе Мидасе, которого боги наказали роковым даром: все, к чему он прикасался, превращалось в золото. Став чудовищно богат, он, однако, лишился пищи и возможности пользоваться другими простыми предметами потребления.

Золото становилось деньгами в сравнительно «богатом» обществе, которое далеко ушло от первобытных общин охотников и земледельцев. В развитых рабовладельческих цивилизациях Египта, Двуречья, Малой Азии, Греции (III—I тысячелетие до нашей эры) золото уже символ богатства и власти. В одних случаях его выставляют напоказ, в других — прячут в тайниках и кладах. И то и другое отражает увеличение экономических и социальных функций желтого металла.

Между тем функции эти усложнялись и видоизменялись. Наряду с первичными функциями *меры стоимости и средства обращения* важное значение приобретает функция *сокровища* — накопления и сохранения стоимости как сгустка человеческого труда в наиболее компактной и общественно значимой форме. Развивается также функция *платежного средства*, деньги становятся орудием предоставления и погашения долгов. Наконец, с развитием общения между народами важное значение приобретает функция *мировых денег*, то есть орудия международных расчетов, перенесения стоимости из одной страны в другую, всеобщей материализации богатства.

До того как благородные металлы стали преобладающей формой денег, главным способом исчисления денег был *счет*: на штуки считали головы скота, меха пушного зверя, какао-бобы и т. д. Ясно, что это было довольно неудобно; единицы таких денег неизбежно отличались одна от другой по размеру и качеству. Благородные металлы позволяют перейти к *весовому* типу денег. Это облегчается естественными физическими свойствами золота — мягкостью, ковкостью, способностью принимать любую форму. Удобен для взвешивания также золотой песок. Герои Джека Лондона, золотоискатели конца XIX века, расплачивались в салунах унциями золотого песка, и для этого каждый солидный человек должен был иметь при себе весы.

Весовые деньги из золота и серебра явились боль-

шим прогрессом, но отнюдь не разрешали всех проблем. В самом деле, представьте себе, что наш гончар получает за свои горшки определенное по весу количество золота в виде кусочков, слитков, проволоки, песка и т. п. Он сам либо покупатель должен иметь весы аптекарской точности, чтобы отвесить должное количество золота. Если они не доверяют друг другу, им придется обратиться к посреднику-весовщику. Кроме того, гончар должен быть экспертом по драгоценным металлам, чтобы проверить, какой чистоты (пробы) золото ему дают. В природе золото обычно встречается с примесями серебра, меди и других менее ценных металлов. Определить на глаз или на зуб пробу металла очень трудно, и гончар рискует быть обманутым. Вот рассказ путешественника о том, как функционировало серебро в качестве денег в Бирме в 60-х годах XIX века: «Когда в Бирме отправляются на рынок, то запасаются куском серебра, молотком, резцом, весами и гирями. «Что стоят эти горшки?» — «Покажите мне ваши деньги», — отвечает купец и определяет, смотря по внешнему виду их, ту или другую цену известным весом денег. Торговец дает вам маленькую наковальню, и вы отделяете столько, сколько нужно серебра. Затем вы взвешиваете на собственных весах отбитый кусок, потому что весам торговца доверять нельзя, и прибавляете или отнимаете, пока не получите требуемого веса. Конечно, при этом теряется много серебра благодаря обрезкам, и всегда предпочтительнее купить не то именно количество, какое необходимо, а эквивалент куска серебра, отколотого вами сразу. При больших закупках, за которые платят серебром самой высшей пробы, процесс еще сложнее: нужно позвать пробирщика, чтобы он точно определил пробу серебра, за что, конечно, платят»³.

С золотом подобных трудностей еще больше, так как каждая его частица стоит много дороже серебра.

МОНЕТА

Третье большое затруднение обмена заключается в том, что первоначально в хозяйстве отсутствуют благородные металлы в виде готовых, удостоверенных и гарантированных каким-то авторитетным органом весовых количеств.

Оно разрешается *чеканкой монет*. Ведь монета, по существу, и есть некоторое гарантированное количество металла. Когда человек держал в руке русскую царских времен монету достоинством в 5 рублей, то он мог знать, что это 87,12 доли (3,871 грамма) чистого золота. Если это был английский соверен (золотой фунт стерлингов), то в нем заключалось 7,322 грамма чистого золота.

Возникновение и развитие монеты заняли в действительности много веков. Сначала сложилась практика клеймения слитков, что представляло собой известную гарантию веса и пробы. Есть данные, что такие слитки серебра ходили уже в древнем Вавилоне в III — II тысячелетиях до нашей эры.

Кто может удостоверить вес и пробу слитка металла? Конечно, доверием пользуется лишь гарантия каких-то авторитетных лиц или учреждений. Такими гарантами выступали корпорации купцов, городские власти, храмы. Но уже на ранних стадиях это дело берет в свои руки государство. Чеканка монет становится привилегией государства, которое извлекает из нее немалую выгоду.

Клейменные слитки металла можно рассматривать как зародышевую форму монеты. Однако монета в формах, близких к современным, появляется значительно позже. Чеканка монет — металлических дисков или пластин другой формы с различными изображениями и надписями — требовала сравнительно высокой техники и искусства. Вопрос о том, где и когда появились первые монеты, до конца не выяснен наукой. Но мы не имеем оснований отказывать в доверии Геродоту, который сообщает о лидийцах, народе, населявшем западную часть полуострова Малая Азия, следующие любопытные подробности: «Нравы и обычаи лидийцев одинаковы с эллинскими, за исключением того, что лидийцы разрешают молодым девушкам заниматься развратом. Первыми из людей они, насколько мы знаем, стали чеканить и ввели в употребление золотую и серебряную монеты и впервые занялись мелочной торговлей. Сами лидийцы утверждают, что и игры, которые ныне в ходу у них и у эллинов, их изобретение»⁴.

Как видим, Геродот снабжает свое сообщение о чеканке монет в Лидии осторожной оговоркой («насколько мы знаем»). Он явно не верит лидийцам, что они изо-

брели Олимпийские игры, но без всяких сомнений принимает версию о культовом разврате девушек.

Что касается датировки, то обычно начало чеканки монет в Лидии относят к VII веку до нашей эры. В следующем веке она, видимо, уже распространилась на всю зону греческой цивилизации в Средиземноморье, а также на возникшую к этому времени Персидскую державу.

Золото уже настолько утвердилось в умах древних как воплощенное богатство, что лидийский царь Крез (VI век до н. э.) считался богатейшим владыкой именно потому, что обладал большим количеством золота. Готовясь к борьбе с персами, Крез пожертвовал в святилище Аполлона в Дельфах неслыханные сокровища, среди которых было 117 слитков драгоценных металлов, из них 4 золотых, весом 2,5 таланта * каждый, остальные из сплава золота с серебром, весом 2 таланта каждый, а также статую льва из чистого золота весом в 10 талантов⁵. Очевидно, одного золота там было несколько тонн. Но эта богатейшая жертва не спасла Креза и его царство. Возможно, она даже ускорила катастрофу: персы, несомненно, знали о золотом даре Креза, и это, должно быть, еще сильнее разожгло их алчность. Ведь не все свое золото пожертвовал Крез богу! Геродот сообщает, что при завоевании столицы Лидии персы захватили большое количество золота.

Ко времени формирования зрелой рабовладельческой цивилизации в Древней Греции и Риме золото и серебро уже являлись преимущественной формой денег, медь играла вспомогательную роль, а монетное дело находилось на довольно высоком техническом уровне. Об этом свидетельствует большое количество различных античных монет, имеющих в музеях и нумизматических коллекциях.

Падение Римской империи и завоевание Западной Европы народами, стоявшими на более низкой ступени развития, вызвали сокращение торговли и денежного обращения. В раннем западноевропейском феодализме наблюдался своеобразный возврат к натуральному хозяйству. На несколько столетий почти прекратилась добыча и чеканка золота. Но хозяйственный рост во мно-

* Аттический талант был равен 26,2 килограмма. Это была одновременно мера веса и самая крупная денежная единица в Греции и близлежащих странах.

гих районах Западной Европы в XIV — XVI веках потребовал увеличения количества золота и серебра. Развитие капитализма в последующие столетия означало проникновение денежных отношений во все поры общества. Деньги становятся главным средством общественных связей, главной целью производства и хозяйственной деятельности. Если феодала и крепостного соединяют отношения личной зависимости, то между капиталистом и наемным рабочим есть только одна связь — деньги, которыми первый оплачивает рабочую силу второго. Капитал прежде всего выступает как определенная сумма денег, способная порождать новые деньги.

Золото и серебро в монетах являются преимущественной формой денег в раннем капитализме. Рост промышленности и торговли требует устойчивого денежного обращения, твердой валюты. Развитию чеканки монеты способствуют также уменьшение феодальной раздробленности и образование сильных централизованных государств в Англии, Франции, Испании и некоторых других странах.

ДВА МЕТАЛЛА

На протяжении всей писаной истории золото и серебро в роли денег выступают как партнеры и соперники. Золото всегда было дороже серебра: в своей глубинной основе этот факт объясняется тем, что на производство данного количества золота надо в силу природных условий его залегания затратить в несколько раз больше труда, чем на добычу такого же количества серебра. Это соотношение обоих металлов по стоимости постоянно меняется. Это объясняется тем, что по-разному меняется трудоемкость добычи каждого из металлов, издержки производства. Кроме того, важное значение имеет интенсивность спроса на золото и серебро.

Многие века, вплоть до классической эпохи Греции, соотношение стоимостей золота и серебра колебалось в пределах от 6:1 до 8:1. В Греции времен Геродота оно было около 13:1. В Риме конца республики и первых императоров ценность золота превышала ценность серебра в 11—12 раз. В дальнейшем относительное удорожание золота продолжается, и к V веку нашей эры в Западной Европе соотношение ценностей металлов до-

ходит до 18:1. Затем, к XV веку, оно понижается до 10:1, но в XVIII—XIX веках стабилизируется на уровне 14:1 или 15:1. В конце XIX века серебро начинает быстро дешеветь, что способствует его выталкиванию из сферы денежного обращения. Серебро постепенно перестает быть деньгами, превращается в обычный товар. Можно сказать, что к настоящему времени этот процесс завершился.

В XX веке соотношение цены золота и серебра резко колебалось, но это уже не имело существенного значения для денежной системы. В среднем за 1975 год оно составляло (на базе рыночной долларовой цены золота и серебра) около 38:1⁶.

Однако на протяжении двух тысячелетий монета чеканилась как из золота, так и из серебра. Поступая таким образом, государства вынуждены были тем самым формально закреплять стоимостное отношение между обоими металлами. Таким образом, рынку, товарообороту, хозяйству навязывался двойной всеобщий эквивалент и двойной масштаб цен. Предполагалось, что данное количество серебра по стоимости есть просто одна десятая или одна пятнадцатая доля такого же количества золота. Но это противоречит самой природе всеобщего эквивалента.

Какое бы соотношение государство ни установило, оно рано или поздно становится нереальным, а рынок устанавливает другое, реальное соотношение.

Как теория, так и исторический опыт показывают, что золотые и серебряные деньги не могут обращаться параллельно в течение длительного времени. Либо те, либо другие вытесняются из обращения. Какие именно? Вытесняются «более дорогие» деньги, для которых законом установлена заниженная стоимость, более низкая, чем рыночная. Это явление, как считается в истории денег, было впервые отмечено английским государственным деятелем XVI века Томасом Грешэмом и потому иногда носит громкое название закона Грешэма.

Механизм вытеснения «недооцененного» металла таков. Предположим, по закону установлено соотношение золота и серебра 15:1, но на рынке действует соотношение 20:1. Золото, как видим, законом недооценено, на рынке оно стоит дороже. При таком положении люди постараются обменять у государства свое серебро на золото и припрятать, переплавить, вывезти его за границу,

а все платежи совершать в серебре. В результате золото будет уходить в сокровище. Если при официальном соотношении 15 : 1 рыночное составляет 10 : 1, то произойдет обратное: в сокровище уйдет серебро.

Однако эти частные колебания происходят на фоне вековой, длительной тенденции. Более ценный металл вытесняет менее ценный. Сначала деньгами перестала служить медь, затем серебро. Во второй половине XIX и в начале XX века золото единолично заняло «трон» денежного металла. В большинстве развитых капиталистических стран место денежной системы *биметаллизма* (два металла — золото и серебро) заняла денежная система золотого *монометаллизма*, или *золотого стандарта*.

На протяжении веков золото было деньгами *par excellence* *. Даже во времена биметаллизма представление о деньгах и свойственных им социальных явлениях связывалось больше с золотом, чем с серебром. В дальнейшем отождествление денег с золотом становится еще более тесным.

ЗОЛОТО И ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛИ

Переход к золотому стандарту растянулся на довольно длительный период и завершился в главных странах капитализма лишь к концу XIX века.

Золото захватило все функции денег. Цены теперь выражались только в нем, поскольку денежная единица каждой страны представляла собой некое фиксированное законом количество золота. Желтый металл фактически обращался в виде монет, и обращение этих монет по своей абсолютной величине постоянно росло. Центральные банки, в которых накапливается национальное сокровище, стали хранителями золотых запасов. Но и среди частных лиц из состоятельных слоев привычка иметь в доме золото в монетах или простейших изделиях прочно укоренилась. Золото могло погасить любой долг и служило средством конечного платежа. Наконец система золотого стандарта стала мировой и охватила все важнейшие страны и их колонии. В этой системе золото не являлось единственной формой

* Преимущественно (франц.) — *Ред.*

денег, но оно было осью всей денежной системы, главной формой денег, к которой сводились все прочие виды.

Но чем больше укреплялось золото в роли денежного металла, тем вернее складывались условия для его вытеснения. Чем? Каким-либо другим металлом? Нет, более подходящего металла на роль денег не нашлось. Речь идет о вытеснении золота *кредитно-бумажными деньгами*.

Все началось с того, что в функции средства обращения золоту необязательно было выступать в своей собственной блистательной плоти. Если гончар продает горшки лишь для того, чтобы тут же купить пшеницу и масло, золото как таковое его не интересует. Ему важно получить какое-то «удостоверение», которое охотно признали бы владельцы пшеницы и масла. Если те, в свою очередь, продают свои товары лишь для того, чтобы купить одежду, обувь или, скажем, вино, то и для них блеск и полновесность монеты не играют особой роли.

Этот важный факт сначала обнаруживается в том, что в обращении рядом с полновесными монетами довольно успешно обращаются монеты стертые, потерявшие часть веса. Немедленно находятся ловкачи, которые начинают использовать эту экономическую закономерность в своих корыстных интересах. Они обрезают монеты, в результате чего вес содержащегося в монетах металла уменьшается. Вместе с профессией чеканщиков монет возникает профессия фальшивомонетчиков. Особую возможность извлекать выгоду из выпуска неполновесных и неполноценных монет имеет государство. История денежного обращения — это история «порчи» монет, то есть выпуска все более легковесных монет или монет с повышенным содержанием более дешевого металла при сохранении прежнего номинала. Один из французских королей XIV века, Филипп IV, даже вошел в историю с прозвищем *Фальшивомонетчик*.

Поступательное развитие денег от кожи и раковин к золоту странным образом сочетается с обратной тенденцией — от золота к дешевым «эрзацам». Но это странно лишь на первый взгляд. Эти эрзацы не деньги в старом, товарном смысле слова; их стоимость не определяется затратами труда на их производство. Теперь это деньги-знаки, денежные символы.

Товарные деньги могли обращаться потому, что имели стоимость. Эти деньги, наоборот, получают «стоимость» потому, что обращаются. Это парадокс, и притом не последний в теории и истории денег.

Деньги-знаки могут быть из кожи или ткани. Но тогда почему не делать их из бумаги — из материала, который в каком-то смысле сам является символом цивилизации нового времени? Бумажные деньги можно рассматривать как разновидность кредитных денег. Ведь слово *кредит* происходит от латинского корня, означающего *доверие*. Золото не нуждается в доверии, оно говорит само за себя. Но бумажные деньги обращаются потому, что люди доверяют учреждению или власти, их выпускающим. Таким учреждением, такой властью чаще всего являются государственное казначейство или центральный банк. Люди, которые держат в кармане или в сейфе бумажные деньги, тем самым оказывают кредит учреждению, выпустившему их в обращение. В других формах денег (текущие счета в банках или сберегательных кассах) их кредитная природа выражена еще более выпукло. Кредитными деньгами являются в экономическом смысле слова неполноценные монеты из меди, никеля, алюминия, в последнее время даже из серебра: их принимают не ради ценности металла, а по той причине, что государство поставило на них свой штампель.

Все эти виды денег, не имеющих внутренней товарной стоимости, мы будем обозначать родовым понятием *кредитно-бумажных денег*. Иногда их называют ученым словом *фидуциарные* (то есть основанные на доверии) деньги.

Кредитно-бумажные деньги первоначально выступают как заместители или представители золота. Если их выпускается не слишком много и если они разменны на металл по твердому соотношению, такие деньги могут успешно обращаться и приносить хозяйству немалую пользу. До определенной стадии вытеснение золота его заместителями представляет собой поступательное развитие золотого стандарта.

По оценке американского ученого Роберта Триффина, структура денежной массы по стоимости в трех самых развитых странах — США, Англии и Франции — в 1815 году была такова: золотые монеты — 33 процента, серебряные монеты — 34 процента, наличные бумажные деньги и разменная монета (медь) — 26 процентов,

безналичные деньги на счетах в банках — 6 процентов. Как видим, это были еще времена биметаллизма и слабого развития кредитной системы.

За столетие, к 1913 году, в структуре денежной массы произошли важные изменения. Доля золота сократилась до 10 процентов, что, однако, не мешало ему в это время находиться на вершине своего могущества, быть основой всей денежной системы. Доля серебра снизилась до 3 процентов, и оно стало играть подчиненную роль. На наличные деньги из бумаги и меди приходилось 19 процентов, а остаток — 68 процентов — составляли деньги на счетах в банках. Кредитная система получила огромное развитие⁷.

Очень рано (по меньшей мере с XVII века) государства стали выпускать бумажные деньги, не разменные на золото или серебро. Особенно легко это было делать, если можно было уверить население, что это необходимо для финансирования войны. В XIX — XX веках государство использует для той же цели кредитную систему, навязывая банкам свои обязательства (облигации) в обмен на безналичные деньги, записи на счетах казначейства в банках. Результат таких финансовых операций хорошо известен: обесценение кредитно-бумажных денег по отношению к металлу и общее повышение товарных цен, то есть *инфляция*.

В современных условиях кредитно-бумажные деньги утратили какую-либо связь с золотом. Они стали единственной реально функционирующей формой денег. Мерой их обесценения служит рост общего уровня товарных цен, который измеряется с помощью различных индексов. Одновременно эти деньги обычно обесцениваются и по отношению к золоту, что проявляется в повышении цены металла. Но экономическое и социальное значение этого процесса теперь сравнительно второстепенно. Пожалуй, повышение цены на нефть является более важным элементом инфляции, чем рост цены золота.

Если золото — желтый дьявол, то и деньги-бумажки многим представлялись дьявольским изобретением, так как они выступают орудием ограбления бедных и несведущих людей. Во второй части «Фауста» Гёте именно так и изобразил бумажные деньги.

То, что было во времена Гёте исключением, теперь стало всеобщей практикой. Уже несколько десятилетий

золотые монеты не обращаются в капиталистических странах. Не так давно исчезли последние остатки разменности кредитно-бумажных денег на золото. Инфляция сделалась постоянным элементом капиталистической экономики. Она так сильно занимает умы экономистов и политиков, что люди занялись изысканиями, как возник сам этот термин, буквально означающий по своему латинскому корню «разбухание» или «раздувание». Более или менее определенно установлено, что на английском языке его впервые употребил в 1864 году американец Александр Дель Мар, автор интересных работ по истории золота и денег⁸. Это было в период гражданской войны в США, когда вашингтонское правительство выпускало в большом количестве неразменные бумажные деньги, так называемые гринбеки («зеленые спинки»). В русской дореволюционной литературе слово «инфляция» практически не употреблялось и впервые в нашем языке появилось в 1923—1924 годах, особенно в связи с гигантской инфляцией в Германии, когда марка обесценилась в миллиарды раз.

Могут ли кредитно-бумажные деньги, не связанные с золотом, успешно обслуживать хозяйство и сохранять устойчивую покупательную способность? Могут, но только во всесторонне и эффективно планируемой экономике, где выпуск денег и денежные доходы гибко согласуются с производством и реализацией товаров и услуг. Такие условия создает только социализм. Но и в социалистическом обществе эта возможность реализуется не сама собой, а путем преодоления больших трудностей.

Совершенствование денежной системы должно идти через развитие кредитно-бумажных денег, не связанных с золотом. Устойчивость их покупательной способности обеспечивается неуклонным ростом общественного производства и товарооборота, улучшением планирования. Важное значение имеет расширение и совершенствование безналичных расчетов. Доля безналичных банковских денег растет и будет расти за счет доли денег-бумажек. Ближайшие десятилетия станут периодом усиленной автоматизации банковских расчетов и торговли, бухгалтерского учета и обработки документов.

III. ДОБЫЧА ЖЕЛТОГО МЕТАЛЛА

Автор остроумных афоризмов и притч Феликс Кривин написал о нашем предмете так:

«Кислород для жизни необходим, но без Золота тоже прожить непросто. А на деле бывает как? Когда дышится легко и с Кислородом вроде бы все в порядке, чувствуется, что не хватает Золота. А как привалит Золото — станет труднее дышать, и это значит — не хватает Кислорода.

Ведь по химическим законам — самым древним законам Земли — Золото и Кислород несоединимы»¹.

Над моралью этого рассуждения стоит подумать. Вспомним хотя бы последнюю реплику пушкинского Скупого рыцаря, владельца шести сундуков с золотом, ставшего жертвой своего богатства:

Стоять я не могу... мои колени
Слабеют... душно!.. душно!.. Где ключи?
Ключи, ключи мои!..²

Впрочем, мораль эта относится не только к обладателям столь экзотических и далеких от нашей повседневной жизни сокровищ, но и к накопителям гораздо более прозаических форм собственности... Золото здесь, как и во многих других случаях, символ богатства, символ собственности.

Что касается химического феномена, использованного

здесь как метафора, то он не вызывает сомнений. Как мы уже знаем, неокисляемость желтого металла играла и играет важную роль в его экономических функциях.

Прежде чем говорить об этих функциях подробнее, надо хотя бы кратко рассказать о том, в каком виде существует золото в природе, где его добывают, как оно приобретает свое социально-экономическое бытие.

ХИМИЯ, ФИЗИКА, ГЕОЛОГИЯ

В энциклопедии можно прочесть: *Золото* (латин. *Aurum*), Au, химический элемент первой группы периодической системы Менделеева; атомный номер 79, атомная масса 196,9665; тяжелый металл желтого цвета. Составляет из одного устойчивого изотопа.

Вместе с медью и серебром оно образует в первой группе особую вторую подгруппу элементов, имеющих в силу общих черт строения атома также многие схожие химические свойства. Эта триада связана и геологическим родством: в природе золото существует вместе с серебром и во многих случаях — с медью. Наиболее типичным является содержание серебра в промышленных золотых рудах СССР порядка 10 процентов. Содержание меди обычно значительно меньше³. С другой стороны, золото часто встречается в медных и полиметаллических рудах и добывается из них в качестве попутного продукта.

Химическая и геологическая близость золота с серебром и медью, несомненно, лежит в основе также и экономического родства: все три металла выполняли исторически функции денег. Золото и серебро часто используются вместе в ювелирном деле.

Химическая инертность золота имеет исключения. Не растворимое в большинстве кислот, оно бессильно перед «царской водкой» — смесью соляной и азотной кислот. Растворимость золота в цианистом натрии NaCN и цианистом калии KCN является основой процесса цианирования — главного применяемого ныне способа извлечения драгоценного металла из руды. Внедрение цианирования произвело в конце XIX века революцию в южноафриканской золотодобывающей промышленности, поскольку позволило почти полностью извлекать металл из руд со сравнительно небольшим, но необычай-

но устойчивым содержанием металла. Французский автор Шанель рассказывает: когда обнаружилась способность цианистых растворов вызывать ожоги, вполне серьезно было решено, что кожа негров выдержит то, чего не выносит нежная кожа белых⁴. Таковы были нравы в Южной Африке 80—90 лет назад. Не слишком они изменились и теперь.

Физические свойства золота тоже важны для его экономических функций. Золото — очень мягкий, пластичный металл. Оно обладает почти безграничной ковкостью, может быть проковано в тончайшую, почти прозрачную пленку и в проволоку толщиной менее человеческого волоса (1 грамм такой проволоки растянется на 2 километра). Золото хорошо проводит тепло и электричество, плавится при температуре 1064 градуса Цельсия. Его плотность (удельный вес) — 19,3 грамма на кубический сантиметр, лишь металлы платиновой группы тяжелее золота.

Только стандартные бруски монетарного (валютного) золота состоят из почти химически чистого металла (практически на 99,5—99,9 процента). В технике, ювелирном деле и для чеканки монет всегда применяется золото в сплавах, чаще всего опять-таки с добавлением меди и серебра. Эти примеси, называемые *лигатурой*, придают ему прочность и другие необходимые свойства, а также удешевляют изделия. Содержание золота в сплаве носит название *пробы*.

В СССР и многих других странах проба выражается числом долей золота в 1000 долей сплава. Проба упомянутых выше брусков составляет от 995 до 999. До 1927 года в нашей стране существовала старая русская проба, обозначавшаяся числом золотников чистого золота в фунте, который делился на 96 золотников. Наконец, в некоторых западных странах, особенно в Англии и США, до сих пор применяется каратная проба, выражаемая числом двадцать четвертых долей (каратов). Например, для некоторых ювелирных изделий применяется высокопробное золото 958-й пробы, что соответствует 92-й пробе в золотниковой системе и 23 каратам. Как правило, для изделий идет золото более низкой пробы.

Английский соверен (фунт стерлингов) чеканился и чеканится на экспорт до сих пор из 22-каратного золота, что соответствует пробе 916,67. При содержании чистого

золота 7,322: грамма монета весит 7,988 грамма. Разумеется, стоит она теперь не один бумажный фунт стерлингов, а во много раз больше.

Американская золотая монета номиналом в 20 долларов (так называемый «двойной орел») чеканилась из золота 900-й пробы и весила 33,44 грамма, тогда как золота в ней было 30,093 грамма. Самой тяжелой из монет нового времени был мексиканский «сентенарио» (50 песо), весивший 41,66 грамма и содержащий 37,494 грамма золота. Диаметр этого гиганта составляет 37 миллиметров при толщине 2,8 миллиметра⁵.

Золото есть всюду: во всякой почве, во всякой горной породе, в морской воде. Но концентрация его в громадном большинстве случаев ничтожна. В среднем в 1 тонне вещества земной коры содержится, по современным оценкам, около 4 миллиграммов желтого металла⁶. Это в тысячи раз меньше, чем содержание меди, цинка, свинца. Любопытно, что метеориты обычно значительно богаче золотом, чем земная кора. Поскольку полагают, что состав метеоритов подобен составу центральных частей нашей планеты, некоторые ученые высказывают предположение, что в ядре Земли вместе с другими тяжелыми металлами присутствует в большом количестве и золото. Вариант этой идеи использовал Толстой в «Гиперболоиде инженера Гарина».

Металлы обычно извлекаются из минералов, представляющих собой химические соединения, содержащие данный металл. Хотя золото образует около 20 различных минералов, промышленное значение имеет почти исключительно *самородное золото* — заключенные в породе кристаллические крупинки металла различных размеров, от невидимых простым глазом пылинок до самородков весом в десятки килограммов. Как замечает один автор-геолог, «относительно крупные золотишки — «видимое золото» — встречаются редко, и случается, что геолог, проработав многие годы на богатом золоторудном месторождении, так ни разу и не увидит образцов с золотишками»⁷. Крупные самородки — это замечательные произведения природы. В России еще указом 1825 года было предписано сдавать все найденные самородки в государственный музей, и таким образом было положено начало ныне знаменитой коллекции Алмазного фонда СССР.

Самородки-гиганты насчитываются во всем мире

лишь десятками и имеют собственные имена. Самый крупный отечественный самородок — «Большой треугольник» весом около 36 килограммов — был найден на Урале в 1842 году и ныне доступен обозрению в Алмазном фонде. Многие большие самородки, найденные в других странах, к сожалению, постигла та же судьба, которая нередко губила произведения искусства, изготовленные из золота: их переплавляли на металл. Поэтому сведения о самых крупных самородках неточны. По данным В. И. Соболевского, чемпионом является найденный в 1869 году в колее проселочной дороги в Австралии «Желанный незнакомец» весом 70,9 килограмма при содержании чистого золота 69,6 килограмма⁸. Немецкий ученый Генрих Квиринг, автор одной из самых основательных работ по истории золота, сообщает, что в Бразилии около середины XIX века был найден самородок весом 193 килограмма⁹. Более достоверны сведения о найденном в Австралии своеобразном обломке золотой жилы под названием «Плита Холдермана», вес которой вместе с вмещающей породой — 285 килограммов, а вес чистого золота — 93 килограмма¹⁰.

Но подавляющая часть золота добывается, разумеется, не в виде самородков. Промышленное значение имеют два главных типа месторождений — коренные (рудные) и вторичные (россыпные). Первые образовались в ходе древних геологических процессов, когда происходило формирование земной коры, и обычно встречаются в горных районах. Вторые являются результатом воздействия ветра, воды и других сил природы на золотые руды и чаще всего встречаются по течению существующих или древних рек. Рудные месторождения нередко находятся на значительных глубинах и требуют шахтного способа разработки. Россыпи чаще расположены ближе к поверхности или прямо на поверхности, но порой могут быть прикрыты достаточно мощными пластами пустой породы.

В последнее время ученые договорились о выделении третьего типа месторождений, где золото образовалось в результате повторного воздействия геологических процессов на ранее разрушенные породы. Таковы знаменитые южноафриканские конгломераты Витватерсранда. Но по условиям залегания и добычи они во многом схожи с рудными месторождениями и часто с ними объединяются в общую группу.

Люди, естественно, раньше начали добывать золото из россыпей: они доступнее и не требуют сложных работ и оборудования. С россыпями были в первую очередь связаны калифорнийская, австралийская и аляскинская золотые лихорадки XIX века, многие богатые открытия в России. По имеющимся оценкам, на россыпи приходилось в 1848—1875 годах 90 процентов мировой добычи золота. Но в 1929 году эта доля в капиталистическом мире снизилась до 8 процентов, а в 1971 году — до 2 процентов¹¹. Почти все золото добывается из конгломератов ЮАР и из подлинно коренных месторождений в разных концах земного шара. В последние годы заметно растет доля золота, добываемого «попутно» из серебряных, медных, урановых и иных руд.

В 1923 году на реке Алдан в Якутии было открыто новое месторождение драгоценного металла — россыпи золота, которые эксплуатируются и в настоящее время. В Советском Союзе добыча золота из россыпей с применением современной высокопроизводительной техники сохраняет немалое значение.

Находка нового крупного месторождения золота всегда волнующее, иногда драматическое и даже трагическое событие. На языке русских старателей такая удача искони называется *фарт*. Описание подлинных и вымышленных случаев такого рода многократно встречается в литературе. Вот один такой эпизод, написанный рукой большого мастера (Джек Лондон, рассказ «Золотой каньон»):

«То, что он держал в руках, только наполовину было кварцем. В кварц было вкраплено чистое золото. Человек бросил его в лоток и обследовал другой обломок. Здесь лишь кое-где проглядывала желтизна, но сильные пальцы человека крошили рыхлый кварц до тех пор, пока в обеих ладонях у него не заблестело золото. Человек очищал кусок за куском и бросал их в лоток. На дне ямы было скрыто сокровище. Кварц уже так распался, что его было меньше, чем золота. Попадались куски, в которых совсем не было другой породы, — чистые золотые самородки. Там, где кирка вонзилась в самую сердцевину жилы, развороченный грунт сверкал и переливался желтыми огнями, словно груда драгоценных камней, и человек, склонив голову набок, медленно поворачивался из стороны в сторону, любуясь их ослепительной игрой»¹². Дальше события в рассказе разверты-

ваются так: на золотоискателя нападает грабитель, но с помощью хитрости счастливец одолевает и убивает противника и, нагруженный золотом стоимостью в 40 тысяч долларов, отправляется домой, распевая при этом песню-псалом.

Такие ситуации — клад для кинематографистов, и они обыгрывались в кино много раз, с разной степенью вкуса и мастерства. Можно и теперь посмотреть вестерн «Золото Маккены», где стареющий красавец Грегори Пек с квадратной челюстью находит золото где-то в Неваде или Калифорнии и бесстрашно сражается за него.

Удивительные находки золота случаются и в реальной жизни, и в наши дни. Но, конечно, не от них зависят судьбы золотодобычи. Геологоразведочные работы на золото ведутся теперь по всем правилам науки, с применением сложного и дорогостоящего оборудования. Успех в них зависит от слаженного труда многих специалистов. В ходе изысканий выявляются границы месторождения, исчисляется среднее содержание металла в породе, учитываются условия залегания золота, делаются экономические расчеты на предмет определения рентабельности добычи.

КАК ЕГО ДОБЫВАЮТ

Тимоти Грин, который добросовестно объездил мир, чтобы своими глазами, ушами и руками, может быть, даже носом и языком ощутить золото во всех его разновидностях и на всех стадиях движения, рассказывает о современном южноафриканском руднике:

«Спуск в золотой рудник подобен пробному путешествию в царство Плутона. Вы даже оставляете на поверхности всю свою одежду, включая белье, и, одетый в белый саван, входите в стальную клетку, которая за две минуты пронесется вниз сквозь скалу толщиной в милю. Там внизу шумный, жаркий, сырой мир, освещаемый танцующими огоньками ламп на шлемах шахтеров. Достаточно десятиминутной прогулки вдоль галереи, пробитой в скале, естественная температура которой свыше 100 градусов по Фаренгейту *, и любой по-

* Свыше 38 градусов по Цельсию.

сетитель насквозь промокает от смеси пота и сырости. Затем сквозь постоянное гудение кондиционера воздуха и грохот вагонок по стальным рельсам слышится звук пневматических буров, вгрызающихся в сплошную скалу. С одной стороны тоннеля открывается узкое отверстие, ведущее вниз к внутренностям земли под наклоном почти в 25 градусов. Оно имеет не более 40 дюймов * в высоту и искусно поддерживается опорами. Это рабочая выработка. Кажется, что внутри выработки скала давит со всех сторон; крошечные хлопья падают с потолка в лужи теплой воды, в которой человек стоит на коленях или лежит. За завесой воды, которая должна поглощать пыль, иглоподобное острие бура вырезает дыру в скале, на которой нанесен кружок красной краской. По всей длине выработки непрерывная линия красной краски обозначает четырехдюймовую жилу, которая даже на глаз неопытного наблюдателя выглядит заметно иначе, чем скала сверху и снизу. Это плотно сбитый пучок белых камешков, среди которых здесь и там в луче шахтерской лампы слегка поблескивает крупинка золота. Жила, или риф, подобна мясу между ломтями хлеба в сэндвиче. Этот рудник, Фри Стэйт Гедулд в Оранжевом Свободном Государстве **, — один из очень немногих, где золото среди гравия можно видеть невооруженным глазом, так как здесь разрабатывается один из богатейших рифов, когда-либо открытых в Южной Африке» ¹³.

Имея среднее содержание золота 26,4 грамма на тонну руды, рудник Фри Стэйт Гедулд в 1971 году переработал около 2 миллионов тонн руды, из которой было добыто 53 тонны металла. Это содержание было вдвое выше, чем в среднем по южноафриканским рудникам. Самый высокий показатель (на руднике Вест Дрифонтейн) составлял 31,4 грамма на тонну. Этот рудник дал 89 тонн золота. Два названных гигантских рудника имели самые низкие издержки производства. Они составляли соответственно 14,1 и 15,3 доллара на унцию металла при тогдашней средней рыночной цене около 40 долларов на унцию ¹⁴. Крупное производство при благоприятных природных условиях дает хорошие результаты и высокую прибыль.

* Около 1 метра.

** Одна из провинций ЮАР.

Современный рудник представляет собой большое, сложное и очень дорогое предприятие. На глубинах, достигающих теперь в некоторых случаях 3000—3500 метров, охлаждение, вентиляция, водоотвод и подача воды, борьба с завалами, вертикальный и горизонтальный транспорт становятся сложными техническими проблемами. Несмотря на механизацию, труд горняков тяжел и опасен. Кстати, по механизации золотодобычи ЮАР значительно отстает от США и Канады. Причина этого проста: дешевизна труда черных рабочих. Число занятых на каждом из крупнейших рудников превышает 20 тысяч, из них африканцы составляют в среднем около 90 процентов. На подземных работах их доля еще выше: под землей белые выполняют только работу техников, мастеров, взрывателей. На большинстве рудников африканцев не подпускают к взрывчатым материалам.

Добыча руды под землей и выдача ее на-гора — важнейшее, но только первое звено в технологической цепи производства золота. Переработка руды и выплавка металла осуществляются на специальных фабриках с законченным циклом. В структуре капитальных затрат на строительство типичного рудника в ЮАР эти затраты составляют около 15 процентов. На фабриках занято около 6 процентов всей рабочей силы отрасли.

Руда проходит несколько стадий дробления, измельчения и сортировки. Извлечение золота из руды, превращенной в пульпу, производится цианированием или другими методами. Плавка на рудничных фабриках ЮАР дает грубые слитки золота весом около 1000 унций (около 31 килограмма), содержащие от 85 до 90 процентов чистого металла. Окончательная очистка (аффинаж) производится электролитическим способом на центральном аффинажном заводе (Rand Refinery), принадлежащем Горной палате Южной Африки. Это влиятельное объединение предпринимателей, которое выполняет многие важные экономические и политические функции, в частности, занимается вербовкой рабочей силы для рудников и представляет отрасль в ее отношениях с правительством.

С аффинажного завода золото выходит в виде стандартных слитков (брусков). Вес этих брусков составляет обычно 402 унции (около 12,5 килограмма), проба — 996. Международные традиционные правила допускают вес слитков (округленно) от 10,9 до 13,8 килограм-

ма и пробу не ниже 995. Эти слитки — исходное сырье для всех дальнейших применений золота¹⁵.

Главное преимущество разработки россыпей заключается в том, что она не требует глубоких шахт, а чаще всего ведется открытым способом. Обычно отсутствуют также затраты на дробление руды. Инженерная мысль давно работала и много сделала для механизации и повышения производительности труда в добыче золота из россыпей. Ныне в этой отрасли применяются драги (своеобразные плавучие фабрики золота), гидромониторы (водяные пушки для размыва содержащих золото песков), землесосные снаряды и пульповоды, экскаваторы, бульдозеры и другие машины. Дальнейшая обработка золотосодержащей пульпы и извлечение золота практически не отличаются от тех же процессов с рудным золотом.

Мы знаем, что вплоть до начала 70-х годов цена золота в международном обороте удерживалась на искусственно низком уровне. В большинстве стран добыча россыпного золота не выдерживала конкуренции южноафриканских рудников и медленно умирала. Возможно, при новом уровне цен добыча на некоторых россыпях может возобновиться и расшириться, но специалисты не ожидают сколько-нибудь существенных сдвигов.

Несколько более серьезным конкурентом южноафриканскому золоту стала попутная добыча. В Канаде в 1972 году на нее приходилось 23 процента всего производства, в США — 38 процентов. На острове Бугенвиль, входящем в состав молодого государства Папуа — Новая Гвинея, имеются богатейшие залежи меди, разработка которых началась в 70-х годах. Попутная добыча золота доходит там до двух десятков тонн в год. Но это все же мелочи по сравнению с южноафриканской золотодобывающей промышленностью, которая сохраняет монопольные позиции в капиталистическом мире.

СКОЛЬКО, КОГДА И ГДЕ

Статистика, как известно, знает все. Однако — и это надо всегда помнить — с разной степенью достоверности. Вопрос о том, сколько золота добыто и добывается в мире, начал интересовать людей давно, но лишь в XIX веке были сделаны более или менее правдоподоб-

ные подсчеты прошлой добычи и лишь к концу века стала удовлетворительной текущая статистика.

Не претендуя на большую точность, мы можем полагать, что за всю историю производства желтого металла, которая насчитывает свыше 6 тысяч лет, человечество вырыло из земли от 90 до 100 тысяч тонн золота.

Много это или мало? Много, если учесть огромную трудоемкость его добычи. Даже в наши дни в богатой золотом Южно-Африканской Республике 400 тысяч горняков, вооруженных современной техникой, «выдают на-гора» в год 700—900 тонн чистого металла, что означает в среднем примерно 2 килограмма на одного занятого. Как же тяжело давалась каждая крупница металла золотоискателю, вооруженному лишь лопатой и промывочным лотком!

Но, несмотря на прогресс техники, в сравнении с другими, давно известными человеку металлами это не так много, а в каком-то осязаемом смысле совсем мало. Все золото, добытое человечеством, уместилось бы в куб с ребром около 17 метров или, скажем, в зал кинотеатра средних размеров. Ежегодно добываемое золото заполнило бы лишь небольшую жилую комнату.

Кстати, о совокупной и годовой добыче. Никому особенно не интересно, сколько нефти добыто или стали выплавлено от начала времени. Это не очень важно в отношении меди и даже серебра. Но золото — особая статья. Нефть исчезает в процессе своего потребления. Железо и сталь лишь в некоторой части идут в переплавку как лом. Вторичное использование меди и особенно серебра значительнее. Но только золото «вечно»: будучи раз добыто, оно в силу своих естественных и социальных свойств не исчезает, не уходит в землю, воду или воздух. Не исключено, что ваше обручальное кольцо сделано из золота, добытого три тысячи лет назад в Египте или триста лет назад в Бразилии. Может быть, это золото с тех пор успело побывать в образе слитка, монеты, броши, портсигара и бог знает чего еще...

Конечно, «вечность» золота есть некоторое преувеличение. Какая-то доля «потребляется» безвозвратно. Любая переплавка и обработка золота связана с потерями. Когда золото ходило в монетах, они стирались от прикосновения тысяч алчных и даже равнодушных рук. Кто

знает, сколько драгоценного металла погибло на дне морском и в кладах, которые никто никогда не найдет? Наконец, современные формы технического использования золота отчасти уничтожают его в том смысле, что вторичное использование невозможно или неэкономично (тонкие пленки, растворы, лекарства и т. п.). Один американский автор оценивал в 40-х годах нашего столетия количество этого безвозвратно потерянного золота в 7—8 миллиардов долларов, что соответствовало тогда приблизительно 6—7 тысячам тонн (около 10 процентов совокупной добычи) ¹⁶.

Примем 10 процентов. Все равно получается, что почти все добытое золото *экономически активно*, находится в каком-то виде, пригодном для дальнейшего использования. Ежегодная добыча прибавляет лишь очень небольшую долю к накопленным человечеством запасам желтого металла: в последнее время около одного процента. Никакой другой товар даже близко не подходит к золоту по этому показателю.

Естественно, наиболее сомнительны оценки добычи золота в древнем мире и в средние века. Квинринг произвел скрупулезные расчеты, используя свидетельства древних авторов, сохранившиеся документы, геологические данные и — пожалуй, более всего, — свою интуицию. Он считает, что до открытия Америки в мире было добыто около 12 700 тонн золота.

В древнем мире (до падения Рима в V веке) двумя главными золотопроизводящими районами были Египет (вместе с современным Суданом) и Пиренейский полуостров. От Египта времен фараонов дошло до наших дней много памятников материальной культуры и письменности, свидетельствующих о роли золота в его экономике, о прогрессе техники добычи и выплавки, об ужасных условиях рабского труда на рудниках. Всемирно известны художественные сокровища гробницы фараона Тутанхамона (XIV век до н. э.), среди них замечательные изделия из золота.

Золото из Египта растекалось в соседние страны Ближнего Востока. Найденная в эль-амарнском архиве дипломатическая переписка египетских владык с царями Вавилона, Ассирии и других соседних государств (XV — XIV века до н. э.) содержит многочисленные упоминания о золоте. Цари неизменно просят фараона поделиться с ними этим богатством, льстиво преувеличи-

вают его размеры, предлагают встречные дары. Таковы были дипломатия, внешняя торговля и международные платежи 3500 лет назад.

Как полагает Квиринг, одна из надписей эпохи Тутанхамона содержит имя человека, которого можно считать первым в истории геологом и исследователем полезных ископаемых. Некий Рени сообщает, что он послан правительством для поиска золотых руд. Весьма вероятно, что в древнейшем «университете» при храме бога Пта в Оне (Гелиополе) обучали горному делу¹⁷.

Большие масштабы имела также добыча золота на территории нынешней Испании, которая стала главным источником желтого металла в эпоху Римской империи. Римляне строили на золотых рудниках сложные инженерные сооружения для обрушивания и промывки горных пород, содержащих золото. Подобные масштабы работ были вновь достигнуты лишь в XIX веке. По сообщению Плиния Старшего, ученого и писателя, который был в I веке нашей эры высокопоставленным римским чиновником в Испании, в год рудники этой области давали (в пересчете на нынешние меры веса) около 6500 килограммов золота¹⁸. Это не так уж мало даже по нынешним понятиям: примерно столько металла производят в последнее время такие золотодобывающие страны, как Мексика или Заир.

Средние века были в Европе периодом упадка золотодобычи. Многие технические приемы, распространившиеся в римскую эпоху, оказались забыты. Добыча рудного золота вовсе прекратилась, лишь кое-где в руслах рек и ручьев люди примитивным способом «мыли золото». Раннее христианство, выдавая нужду за добродетель, вело проповедь против золота. Приблизительно с IX по XIII век нигде в Западной Европе не чеканилась золотая монета.

В позднем средневековье главным районом добычи золота стала Тропическая Африка. Люди предприимчивые и торговые, особенно португальцы, спускались в поисках драгоценного металла все далее на юг вдоль западного побережья Африки. Нынешнее независимое государство Гана в колониальные времена носило название Золотой Берег: так окрестили эту землю европейцы в XV веке. Предприимчивый Робинзон Крузо, герой широко известного романа Даниэля Дефо, выменивает у ту-

земцев за побрякушки где-то на берегах Гвинейского залива 5 фунтов 9 унций золотого песка (около 2,5 килограмма)¹⁹.

Люди ученые и искусные пытались решить задачу с помощью алхимии — найти способ получения золота из менее ценных металлов. В полиметаллических рудах обычно содержится некоторое количество золота, не видимого простым глазом. При переплавке руды золото выделялось, и возникала видимость, что оно получается из серебра или меди. Это служило источником и добросовестных ошибок, и наглого мошенничества. Из алхимии, как известно, выросла впоследствии наука химия. Алхимия весьма красочно оживляет историю средневековья и литературу той эпохи, но, поскольку мы имеем здесь дело со статистикой, ни одного грамма произведенного золота мы на ее счет отнести не можем.

Открытие Америки открыло также новую главу в истории драгоценных металлов. Прежде всего это было серебро. По расчетам Адольфа Зетбера, чьи труды являются классическими в области статистики добычи драгоценных металлов, ежегодная мировая добыча серебра по стоимости превышала добычу золота вплоть до 30-х годов XIX века, причем огромную долю добычи белого металла давал Новый Свет²⁰. Этот факт имел большое значение для судеб денежной системы: он продлил «денежную жизнь» серебра и преобладание двойной (биметаллической) системы до середины и конца XIX века.

Относительное отставание добычи золота в Америке объясняется также тем, что испанцам и португальцам не удалось открыть сколько-нибудь значительные залежи рудного золота, а разработки россыпей не могли дать вполне устойчивой и длительной добычи его. Тем не менее вплоть до открытия золота в Калифорнии и в Австралии в середине XIX века Южная и Центральная Америка оставалась главным золотодобывающим районом мира. По данным Квинринга, основанным на расчетах Зетбера, в XVI веке Америка дала свыше трети мировой добычи, в XVII веке — более половины, в XVIII веке — две трети²¹. В течение двух первых столетий больше всего золота добывалось на территории современной Колумбии и Боливии, а в XVIII столетии — в Бразилии, которая выдвинулась в этот период на первое место в мире. Португалия, владевшая тогда Брази-

лий, была первой страной, которая официально ввела золотую денежную систему, отказавшись от серебра.

Конец XVIII и первая половина XIX века были «тощим» временем для золотодобычи. Среднегодовая добыча золота достигла в период 1741—1760 годов 24,6 тонны, а затем неуклонно снижалась и в 1811—1820 годах составляла всего лишь 11,4 тонны, затем стала медленно подниматься²². Надо иметь в виду, что в этот период в Западной Европе и в Северной Америке совершался промышленный переворот, резко росло производство товаров для продажи, а потому увеличивалась потребность в деньгах. Золото не поспевало за этими событиями, и в первой половине XIX века его будущее как основы денежных систем отнюдь не представлялось гарантированным. В короткий период между истощением южноамериканских россыпей и калифорнийским открытием на первое место в лиге производителей золота выдвинулась Россия. В 1831—1840 годах она дала более трети мировой добычи и сохраняла лидерство до конца 40-х годов.

Данные археологии и истории свидетельствуют, что золото добывалось на Урале и Алтае еще в древности. Само слово «Алтай» происходит от тюркско-монгольского *алтан* — золотой. Однако эти разработки были заброшены и забыты, и современная история русского золота начинается с середины XVIII века, когда оно было вновь найдено на Урале. Впоследствии золото (преимущественно в россыпях) было обнаружено также в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке.

В эту «мрачную» для золота пору внимание Запада к русской добыче привлек великий немецкий ученый Александр Гумбольдт, который на протяжении всей жизни интересовался проблемами золота. В 1838 году он опубликовал специальную работу о тенденциях мировой золотодобычи, где сообщил данные о России, полученные им непосредственно от русского министра финансов Е. Ф. Канкрин²³. Возможно, это сообщение несколько ободрило банкиров и экономистов в Западной Европе.

Новая — и в высшей степени романтическая — эра в истории золота началась в январе 1848 года, когда, как пишет Т. Грин, следуя традиционной форме описания этих событий, «плотник по имени Джемс Маршалл нашел в потоке воды, проходившем через мельницу Джона Саттера, близ слияния рек Америкен и Сакра-

менто, крупинки, показавшиеся ему похожими на золото... Сначала Маршалл и Саттер попытались удержать новость об открытии от распространения, но слухи о золоте оказалось нелегко погасить, и скоро они дошли до Сан-Франциско, который был в то время небольшим портом с населением в 2 тысячи человек. К весне половина Калифорнии покинула свои фермы и дома и бросилась к золотым россыпям... К осени 1848 года первые слухи о находках уже реяли над Нью-Йорком. Каждый день приносил свежие новости, и возбуждение нарастало. То, что произошло в течение следующих нескольких месяцев, не имело в истории никаких прецедентов. Тысячи людей внезапно увидели искру возможности разбогатеть в несколько дней... Еще прежде, чем в декабре 1848 года президент Полк окончательно подтвердил в своей речи перед конгрессом размеры открытия, началась свалка, в которой каждый старался скорее попасть на Западный Берег...»²⁴

Грин переименовал на английский лад имя первооткрывателя калифорнийского золота. Его звали, собственно, Иоганн Зутер, и был он швейцарцем, недавним переселенцем из Европы. Бурная жизнь этого человека, умершего в нищете, дала сюжет для замечательной исторической миниатюры Стефана Цвейга из цикла «Звездные часы человечества». Слова писателя «Звездные часы человечества» вполне уместны: открытие в Калифорнии сыграло огромную роль в экономическом и социально-политическом развитии капитализма во второй половине XIX века, толкнув вперед рост промышленности, трестов, гигантских банков, мировой торговли. Зутер не был первым и не был последним из недолговечных счастливчиков, которых золото в конце концов разоряло, губило, загоняло в могилу²⁵. Подобные примеры хорошо известны как из истории, так и из художественной литературы.

Калифорнийская золотая лихорадка, связанные с ней человеческие страдания и судьбы простых людей вошли в фольклор американского народа, стали темой бесчисленных литературных произведений. Но сейчас нас интересуют сухие цифры. Благодаря калифорнийским находкам Соединенные Штаты шагнули на первое место в мировой золотодобыче и сохранили его почти до конца столетия, уступая лишь иногда Австралии, где в 1851 году началась своя великая золотая лихорадка.

Результатом открытия золота в Калифорнии и Австралии, а также роста добычи в России и в некоторых других районах земного шара явилось резкое изменение всей мировой ситуации с желтым металлом. Во второй половине XIX века было добыто 11 тысяч тонн золота — в 8 раз больше, чем в первой, и вдвое больше, чем за всю эпоху после открытия Америки.

Однако потребности росли еще быстрее, поскольку в этот период во всех главных странах был введен золотой стандарт и желтый металл стал основой денежных систем и мировыми деньгами. Поэтому, когда к 70-м годам сливки с россыпных месторождений были сняты, а новых крупных и легкодоступных рудных месторождений не находилось, среди специалистов распространился пессимизм. В 1877 году австриец Эдвард Зюсс опубликовал книгу под заглавием «Будущее золота», которое тогда звучало вполне оригинально, но за столетие стерлось и истрепалось в многочисленных повторениях и вариациях (судьба, перспектива, шансы и т. п. золота). Зюсс утверждал, что, во-первых, будущая добыча золота в решающей мере зависит от россыпных месторождений; во-вторых, человечество уже добыло более половины доступного ему золота и перспективы добычи весьма неблагоприятны; в-третьих, для всеобщего введения золотого стандарта металла никоим образом не хватит ²⁶.

Все эти пророчества оказались ошибочны, как, впрочем, и многие другие из более поздних. История золота поистине полна ложных пророчеств и ошибочных прогнозов. В 1935 году английский финансовый эксперт Пол Эйнциг в книге, которая вышла под точно тем же заглавием «Будущее золота», заявлял, например, что, «без сомнения, можно утверждать, что все страны не отойдут от золотого стандарта». Он полагал также, что, «без сомнения, демонетизация золота вызвала бы снижение его цены до величины, составляющей лишь долю нынешней» ²⁷. Заметьте, что и то и другое утверждалось *без сомнения*. На самом деле страны так называемого золотого блока, во главе с Францией дольше всех сохранившие золотой стандарт, отошли от него, когда еще краска не успела высохнуть на страницах книги Эйнцига. Формальная демонетизация золота, осуществленная в международном масштабе в 70-х годах XX века, не вызвала падения его рыночной цены и покупательной способности.

А в 70—80-х годах прошлого века золото находилось в действительности на пороге самого блистательного взлета в своей карьере. Применение дражного способа открыло новые перспективы перед добычей золота из россыпей (песков). В 1886 году был открыт южноафриканский Витватерсранд — богатейший золоторудный район в мире, где производство золота было впервые поставлено на промышленную базу, на рельсы крупного капиталистического хозяйства. Вскоре были внедрены важные технические новшества, позволившие добывать золотоносную руду на невиданно больших глубинах и резко повысить процент извлечения металла из руды. С конца XIX века судьбы золотодобывающей промышленности капиталистического мира неразрывно связаны с Южной Африкой.

В 1886 году в Южной Африке было добыто менее тонны золота, а в 1898 году — 117 тонн. После резкого спада, связанного с англо-бурской войной, добыча металла стала вновь резко расти. В первом десятилетии XX века Южная Африка заняла первое место в мире по добыче золота. В 1913 году в Южно-Африканском Союзе (это государство как британский доминион возникло в 1910 году) было произведено 274 тонны, или 42 процента мирового итога. На втором месте стояли США с добычей 134 тонны²⁸.

В конце XIX века разыгралась клондайкская эпопея в Северной Канаде и Аляске, увековеченная пером Джека Лондона и кинематографом Чарли Чаплина. Однако она мало повлияла на главные тенденции производства золота в XX столетии.

До этого времени золотодобыча отличалась от других отраслей капиталистической промышленности. Она была больше похожа на азартную игру, чем на нормальное предприятие с хорошей бухгалтерией, с учетом затрат и результатов. Тысячи золотоискателей разорялись и гибли, единицы сказочно богатели. В Южной Африке дело пошло по-иному. Компании здесь очень точно знают, каковы их издержки в расчете на тонну переработанной руды и на унцию добытого золота. Они стремятся извлекать из золотодобычи прибыль, которая была бы не ниже прибыли в других отраслях. Они могут в известной мере маневрировать, менять объем переработанной руды и добычи металла в зависимости от того, как движутся издержки.

Произошло еще одно важное изменение: до 30-х годов XX века *цена золота* в фунтах стерлингов и долларах была в течение *двух столетий* практически неизменной, так как она определялась стабильным золотым содержанием этих валют.

Девальвация фунта в 1931 году и доллара в 1934 году означала резкое снижение золотого содержания этих валют и, следовательно, повышение цены золота. В долларах она поднялась на 69 процентов, в фунтах (к началу второй мировой войны) еще больше. Одновременно под влиянием мирового экономического кризиса цены других товаров, а значит, издержки золотодобывающей промышленности снижались.

Получилась удивительная вещь: когда большинство отраслей страдало от кризиса и сокращало производство, золотые компании жирели и наращивали добычу. В 1940 году производство золота в капиталистическом мире достигло высшей точки — 1138 тонн, в том числе около 40 процентов в Южно-Африканском Союзе. На второе место по добыче золота к этому времени выдвинулась Канада, на третьем были США.

Следующие три десятилетия были трудными для золотодобычи капиталистических стран. Мобилизация промышленности для нужд войны вызвала резкое сокращение добычи в США, Канаде и даже в Южной Африке. Под влиянием инфляции произошел большой рост издержек, тогда как официальная цена золота в долларах, закрепленная в 1934 году, оставалась неизменной до 1971 года. Добыча золота становилась все менее рентабельной, много рудников было закрыто или законсервировано. Южноафриканская промышленность пережила этот период более легко: там были открыты новые богатые месторождения, технический прогресс позволял снижать издержки, а рабочая сила африканцев по-прежнему стоила в десятки раз меньше, чем белых рабочих.

В 1945 году добыча золота в капиталистическом мире упала до 654 тонн, причем более половины ее пришлось на Южную Африку. К 1962 году производство перевалило за довоенный пик, а во второй половине 60-х и в начале 70-х годов установилось на годовом уровне 1250—1300 тонн, причем Южно-Африканская Республика (как стало называться государство в 1961 году) устойчиво давала приблизительно три четверти этого итога.

Новая эра началась в 1968 году, когда свободная рыночная цена золота получила возможность отклоняться от твердой официальной цены. Разумеется, отклоняется она только вверх. До 1972 года отличия были сравнительно невелики, но затем под влиянием инфляции, всеобщего повышения цен на сырье и обострившегося валютного кризиса свободная цена золота стремительно поднялась.

Прибыли золотодобывающих компаний взмыли вверх, но добыча золота ползла *не вверх, а вниз*. Компании вели себя как подобает монополистам: они ограничивали производство, чтобы удержать высокие цены. Технически это делается путем перехода на более бедные руды, которые было невыгодно перерабатывать при прежней цене. В 1975 году добыча золота в капиталистических странах впервые за много лет оказалась ниже тысячи тонн и затем стабилизировалась приблизительно на годовом уровне 950 тонн.

В 1976 году было добыто 969 тонн, в том числе 713 тонн в ЮАР (74 процента), 54 тонны в Канаде, 32 тонны в США. Остаток распределяется между несколькими десятками стран, среди которых сколько-нибудь заметную роль играют Австралия, Япония, Гана, Папуа — Новая Гвинея, Филиппины. Отметим, что в Западной Европе промышленной добычи золота почти нет.

В самое последнее время появились сенсационные, но пока не слишком достоверные сообщения о новых открытиях в Бразилии. Геологи южноафриканского концерна «Англо-Америкэн корпорейшн», который уже несколько лет ведет поиски золота в Бразилии, якобы обнаружили богатые месторождения, по типу близкие к Витватерсранду. Называют даже фантастически большие цифры геологических запасов металла в этих месторождениях — 21 тысяча тонн. Пока трудно дать оценку этим сведениям. Во всяком случае, никакого реального влияния на рынок золота они не оказали. По сообщениям газет, изыскательские работы в Бразилии продолжаются²⁹.

ТРУД И КАПИТАЛ

Эпохи развития человечества отличаются тем, как и с помощью каких орудий работают люди. Изменения в орудиях и способах производства лежат в основе сдви-

гов в устройстве общества, в экономических отношениях между людьми. Это хорошо видно и на добыче золота. В Древнем Египте золото добывали с помощью каменных и бронзовых кирок, и сколько-нибудь крупное производство могло существовать лишь на основе рабского труда. В XX веке золото добывается с использованием сложной техники; этой форме производства соответствуют крупные капиталистические предприятия и труд наемных рабочих.

Эту закономерность не следует понимать слишком буквально. Хотя калифорнийские и аляскинские золотоискатели XIX века жили в условиях капитализма, когда уже существовали паровые машины и железные дороги, применяемая ими техника мало чем отличалась от египетской и римской, а масштабы работ тех времен были им недоступны: рабовладельцы могли концентрированно применять большие массы подневольных тружеников и даже вводить определенное разделение труда между работниками разных специальностей.

Тысячелетиями золото добывалось главным образом подневольным трудом рабов и крепостных. В древних восточных деспотиях, в том числе в Египте, это были государственные рабы, а золотодобыча была своеобразной государственной монополией. Владельцами рабов и хозяевами золотых рудников могли также быть храмы, корпорации жрецов. На римских рудниках в Испании также работали государственные рабы.

Эти преобладающие общественные формы производства не были, конечно, «чистыми». Квинтинг полагает, что уже во II тысячелетии до нашей эры россыпное золото в Нубии и Куше (современный Судан) добывали свободные старатели, обязанные государству (фараону и жрецам) лишь определенной золотой податью. Он же приводит рассказ Страбона о «золотой лихорадке» II века до нашей эры, когда толпы свободных людей со всей Италии ринулись в земли племени таурисков в Восточных Альпах (современная Австрия), где было открыто рудное золото. Это не понравилось таурискам, и они сумели прогнать жадных до золота пришельцев. В дальнейшем в подобных случаях чаще происходило обратное: пришельцы истребляли и изгоняли жителей тех земель, которые имели счастье или несчастье хранить в своих недрах золото. Плиний сообщает, что примерно в это же время Римское государство раздавало

в аренду частным лицам участки золотых россыпей по берегам реки По, причем ни один арендатор не должен был использовать на своем участке более чем 5 тысяч рабочих. Надо полагать, арендаторами были рабовладельцы, а мыли золото принадлежавшие им рабы³⁰.

В древнем мире запасы добытого золота концентрировались в государственных сокровищах и переходили от одного завоевателя к другому. При крушении Римской империи это золото было разграблено и в значительной мере исчезло из хозяйственного оборота средневековья: ушло на Восток, было закопано в кладах в беспокойное время нашествий и массовых переселений. Феодалы Европы были вынуждены начинать накопление золота почти что «от нуля». Они использовали для этого собственность на землю и внеэкономическое принуждение крепостных. Все большее распространение получала сдача золотоносных земель в аренду артелям свободных или полусвободных старателей, а в дальнейшем — раннекапиталистическим предпринимателям.

С добычей золота в Силезии (современная Польша) связан рост городов и городской буржуазии. Предприниматели могли платить арендную плату землевладельцам и получать неплохую прибыль, потому что заработная плата была чрезвычайно низка. В начале XVI века рабочий зарабатывал в день 16 пфеннигов; чтобы заработать один золотой дукат (3,42 грамма чистого золота), он должен был работать 50 дней! Благодаря этому и была возможна разработка бедных золотом песков в верхних притоках Одера³¹.

Фактическое прекращение добычи драгоценных металлов в Европе в XVI веке кладет конец укреплению капиталистических отношений в этой сфере производства. В Америке, куда переместились мировые центры добычи золота и серебра, она велась на основе открытого или лицемерно прикрытого рабства. Испанские и португальские завоеватели и их потомки получали от королей участки земли вместе с живущими на ней туземцами, обращенными, по существу, в рабов. Чудовищная эксплуатация индейцев на золотых приисках и серебряных рудниках стала главной причиной вымирания целых народов в Южной и Центральной Америке. Уже в XVI веке начался импорт рабов из Африки; многие из них попадали на рудники. По сложившейся традиции

доля королей составляла одну пятую всего добытого металла. Это был своеобразный натурально-денежный налог: натуральный — поскольку он уплачивался производимым продуктом; денежный — поскольку этим продуктом были деньги. Лишь в XVIII и особенно в XIX веке в добыче драгоценных металлов в Америке стали формироваться капиталистические отношения.

Золото из Америки положило начало богатству многих знатных феодальных семейств Испании и Португалии, но большей частью оно накапливалось не в дворянских гнездах Эстремадуры, а в подвалах лондонских банков: суконные и железоделательные фабрики лучше добывали своим владельцам деньги, чем американские рудники. Именно приток золота из испанских и португальских владений позволил Великобритании практически уже в XVIII веке перейти на золотой стандарт.

В России добыча золота до начала XIX века была государственной монополией. По указу 1812 года к добыче были допущены частные промысловики, но вплоть до 1877 года все добытое золото подлежало обязательной сдаче государству по твердой цене. Вольнонаемный труд оставался редкостью вплоть до середины XIX века. Государственные прииски и рудники часто являлись каторгой, местом заключения и наказания. На частных работали приписные мастеровые и крестьяне, отчасти оброчные, то есть ушедшие на заработки помещичьи крепостные.

В произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка мы находим яркую картину ломки этой военно-бюрократической и феодальной системы в золотодобыче Урала и формирования новой, капиталистической системы, которая, впрочем, вся пронизана остатками крепостничества. Роман «Золото» (1892 г.) начинается характерной поговоркой: золото моем, а сами голосом воем. В старое время, при «казенных работах», были от рабства, от непосильного труда, от холода и голода, от пороков: «Когда партия рабочих выступала куда-нибудь на прииск, за ней вместе с провиантом следовал целый воз розог, точно их нельзя было приготовить на месте действия».

Позднее (очевидно, в 70—80-х годах) казна отдала концессию на промысел частной компании, от которой рабочие, не имевшие других средств существования, находились в полной зависимости: «Не было внешнего давления, как в казенное время, но «вольные» рабочие со

своей волчьей волей не знали, куда деваться и шли работать к той же компании на самых невыгодных условиях, как вообще было обставлено дело: досыта не наешься и с голоду не умрешь»⁸².

Мамин-Сибиряк с большим знанием дела рассказывает о труде и быте рабочих. Повествует он и о скупщиках краденого золота, чья активная деятельность делает, кстати, статистику добычи золота в России не слишком-то достоверной. По официальным данным, с начала промышленной добычи до свержения царизма в России было добыто 2754 тонны золота. Г. В. Фосс, автор специальной работы о золоте, не без основания полагает, что цифра 3000—3100 тонн ближе к действительности⁸³.

На бескрайних просторах Сибири, Алтая, Дальнего Востока искали, порой находили и добывали золото группы старателей, жизнь которых зависела от удачи — «фарта». Экономически положение этих старателей было подобно положению золотоискателей Калифорнии, Австралии и Клондайка в первые годы освоения этих россыпных месторождений. В терминах политической экономии это можно охарактеризовать как мелкое товарное производство, то есть такое производство, где нет капиталиста и наемного рабочего, где человек работает со своими орудиями, на свой страх и риск. Это было возможно в указанных районах также потому, что необжитые и неосвоенные земли чаще всего принадлежали не частным лицам, а государству.

Но капитал, его преподобие, подстерегал золотоискателей в образе скупщиков металла, продавцов нехитрого, но все же необходимого инвентаря, торговцев всякого рода товаром, особенно спиртными напитками. Золото скупалось по дешевке, товары продавались втридорога. Да и сама добыча недолго оставалась в руках первооткрывателей. Очень скоро участки золотоносной земли оказывались скупленными богатыми хищниками, которые шли по пятам золотоискателей и скоро начинали добычу на капиталистических началах. Хрестоматийный пример представляет судьба привилегии на золотоносный участок, которую получил некто Харрисон, считающийся одним из первооткрывателей богатств Витватерсранда. Не имея средств и возможностей основать предприятие, он продал ее в 1886 году за 10 фунтов стерлингов. Пройдя через несколько рук, она десять лет спустя стоила приблизительно 50 тысяч фунтов⁸⁴.

В Южной Африке с самого начала не было места для золотоискателей с заступом и лотком. Разработка золотосодержащих конгломератов требовала капиталов, техники, организации. Сначала акционерные компании, собиравшие деньги местных и иностранных (особенно английских) вкладчиков для финансирования этих работ, росли как грибы. В 1889 году, через три года после открытия золота, насчитывалось 450 компаний. Но уже тогда среди мелкоты столбами возвышались предприятия, основанные крупными капиталистами. Впоследствии независимые компании возникали десятками при благоприятных условиях и погибали тоже десятками под ударами биржевых крахов и неудач в поисках богатого золота. Много было вокруг этого и всякого рода жульничества: рыцари наживы грели руки за счет мелких акционеров, а в самом нижнем ярусе этой пирамиды всегда были бесправные, безграмотные, нищие африканские горняки. В начале XX века на рудники было доставлено даже несколько десятков тысяч китайцев.

В золотодобывающей промышленности шел процесс *концентрации производства и капитала*: все большая доля добычи велась немногими крупными предприятиями, все более узкая группа финансовых магнатов контролировала эти предприятия. Крупных компаний, контролирующих золотодобывающую промышленность Южной Африки, всего семь. Эта структура существует без больших изменений уже несколько десятилетий: младшая из «сестер» родилась в 1933 году.

Каждая из компаний представляет собой весьма сложную организацию, а такой тип структуры крупного капитала мы обычно называем *концерн*. Сами себя они часто называют *группами*. Каждый концерн построен по принципу пирамиды: вышестоящее звено контролирует несколько нижестоящих. Осуществляется этот контроль через владение контрольным пакетом акций. Концерн — система акционерных обществ со строгим порядком подчинения, с четкой иерархией власти и контроля. Другая важнейшая особенность концерна — многоотраслевая структура: помимо золотых рудников, каждый из них включает предприятия других отраслей промышленности, торговли и сферы услуг, а также финансовые компании.

Самый мощный из южноафриканских концернов — «Англо-Америкэн корпорейшн оф Саут Африка лимитед»

(«Англо-американская корпорация Южной Африки»). Он основан в 1917 году алмазным магнатом Эрнстом Оппенгеймером и до сих пор находится под контролем этой семьи. В настоящее время «Англо-Америкэн» представляет собой, в сущности, мощную международную монополию с центром в Йоганнесбурге, но с обширными интересами в промышленности многих стран капиталистического мира.

Рудник Фри Стэйт Гедулд, о котором речь шла выше, входит в группу «Англо-Америкэн». Что это означает?

Рудником владеет и управляет формально самостоятельное акционерное общество «Фри Стэйт Гедулд майнз». Контрольный пакет его акций принадлежит холдинг-компании «Орендж Фри Стэйт инвестмент траст лимитед» («Инвестиционный трест Оранжевого Свободного Государства»). Каков размер этого пакета, точно неизвестно. Но обычная практика в золотодобывающей промышленности ЮАР такова, что для контроля достаточно 25—30 процентов акций, а иногда и меньше, вплоть до 10 процентов. Остальные акции распылены среди массы акционеров. Там могут быть и киты, например другие концерны, и мелкие инвесторы со всех концов мира³⁵.

Холдинг-компания (в буквальном переводе с английского — держательская компания) — чисто финансовая организация. Она ничего не производит, а только держит акции и собирает по ним дивиденды. Активы «Орендж Фри Стэйт» вложены почти целиком в акции рудников, расположенных на территории Оранжевого Свободного Государства. Но она является дочерней компанией головного концерна «Англо-Америкэн», который сам, в сущности, не что иное, как гигантская холдинг-компания.

Помимо владения контрольными пакетами, вся система цементируется также *личной унией* — совмещением одними и теми же лицами руководящих административных постов. Гарри Оппенгеймер (сын основателя империи) — председатель совета директоров головного концерна, но он же входит в состав совета директоров холдинг-компании «Орендж Фри Стэйт». Руководит же ею человек, который является членом совета директоров «Англо-Америкэн».

Администрация каждого отдельного рудника управляет им, но полномочия ее ограничены. Вопросы новых

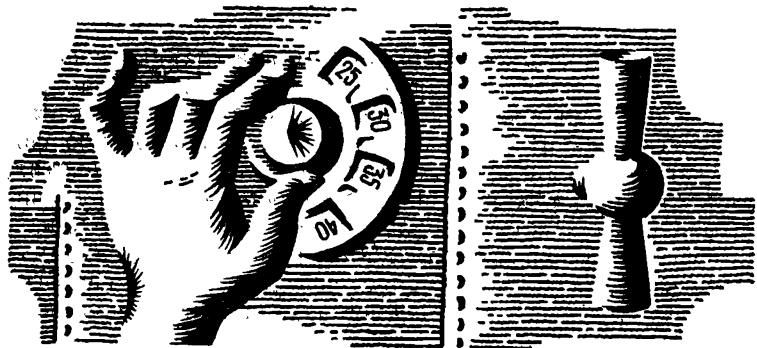
капиталовложений, финансирования, технической политики, обеспечения рабочей силой, сбыта продукции — все это решается в центре, в штаб-квартире холдинг-компаний и всего концерна.

В последние годы на рудники группы «Англо-Америкэн» приходится около 40 процентов всей добычи золота в ЮАР, и ближайшие конкуренты находятся далеко позади. Но для самого концерна значение золота как сферы вложений капитала имеет тенденцию к снижению. Дело в том, что новых богатых месторождений золота в ЮАР за последнюю четверть века не найдено, да и доходность добычи золота снижалась вплоть до начала 70-х годов. Тимоти Грин рассказывает, что в 1967 году Гарри Оппенгеймер сказал ему в беседе: «Не можете же вы сидеть на своих деньгах, дожидаясь нового золотого месторождения»³⁶. Чтобы жить, фирма должна расти. И концерн «Англо-Америкэн» растет стремительно. Его дочерние, внучатые и правнучатые компании добывают в ЮАР и в других странах алмазы и медь, уран и уголь, производят сталь и бумагу, химические товары и пиво, скупают и перепродают земельные участки, выдают банковские ссуды. Такую линию проводят в последние годы и остальные крупные компании.

Горно-финансовые концерны, выросшие на золоте, — это становой хребет молодого и агрессивного южноафриканского монополистического капитала, экономическая основа государства, осуществляющего расовое угнетение в самых вопиющих формах. В развитии ЮАР всегда играл большую роль иностранный капитал, особенно английский. Но доля иностранных акционеров постепенно уменьшалась. Уже по данным на 1964 год, 84 процента акционерного капитала всех горнорудных предприятий ЮАР принадлежали местным владельцам и лишь 16 процентов — иностранным.

С одной стороны, это так. А с другой — разве Гарри Оппенгеймер и другие магнаты — только «местные владельцы»? Их происхождение, связи и интересы выводят их далеко за пределы Южно-Африканской Республики. Это *космополитический капитал*.

И в ЮАР, и в других странах производством золота теперь занимаются крупные концерны. Лишь ничтожная часть добычи приходится на предприятия мелких фирм и тем более на «вольных золотоискателей».

IV. КУДА ИДЕТ ЗОЛОТО

Жизненный путь каждого товара проходит через схожие стадии. Он должен быть прежде всего произведен, затем реализован (продан) и, наконец, может быть потреблен. Золото в этом отношении принципиально не отличается от других товаров. Но особые общественные функции желтого металла накладывают свою печать на все эти стадии.

Как это проявляется в производстве, мы уже видели. Рассмотрим теперь, как золото продается и «потребляется». Это слово заключено в кавычки потому, что на этой стадии отличия желтого металла от всех других товаров выявляются особенно выпукло. Десятилетиями дело обстояло так, что жизненный путь золота был подобен жизни бабочки-однодневки. Оно появлялось на свет на южноафриканском руднике, чтобы исчезнуть в подвалах государственных хранилищ. Его потребление заключалось в том, что оно *лежало* там, массивное и неподвижное. Сначала считалось, что это золото служит надежным обеспечением кредитно-бумажных денег. Потом за ним сохранили роль гаранта внешней платежеспособности страны. Теперь и это ставится под сомнение, и идут споры, для чего в конце концов оно там лежит. Об этом и о многих смежных вопросах рассказывается ниже.

В экономике и бухгалтерии есть два главных способа измерения величин: *на определенную дату* («запас») и *за определенный период, чаще всего за год* («поток»). В первом случае мы имеем как бы моментальную фотографию финансового состояния дела (предприятия, компании, страны и т. п.), во втором — картину движения средств: откуда они поступали и куда пошли.

Этот двойной подход удобно применить к анализу движения золота в капиталистическом мире. Сначала попытаемся ответить на вопрос, где находится накопленное золото (запас).

Как мы знаем, золота в денежном обращении (реально обращающихся монет) теперь нет. Ближе всего к золоту, рассматриваемому *как деньги*, находятся централизованные запасы, принадлежащие правительствам или центральным банкам. В научной литературе это золото иногда называют монетарным, то есть денежным. Это вовсе не то же, что *монетное* золото (в монетах). Напротив, монетарное золото в современных условиях почти исключительно имеет форму стандартных слитков высокой пробы.

Так было не всегда. В 1913 году почти половина всего монетарного золота (5,9 тысячи тонн из 13,2 тысячи тонн) находилась в обращении в виде монет. Более половины (7,3 тысячи тонн) было сосредоточено в централизованных резервах¹. Есть основание полагать, что значительная часть этих резервов также имела форму монет. Уже в ходе первой мировой войны участвовавшие и даже не участвовавшие в войне страны всеми доступными им средствами изымали золотые монеты из обращения. К концу 20-х годов лишь в США сохранялось некоторое количество золотых монет в обращении.

Золотой запас России, вывезенный в 1918 году белогвардейцами из Казани на восток и возвращенный Советской власти героизмом Красной Армии и сибирских партизан, состоял почти целиком из монет. При приеме золота советскими органами в Иркутске в марте 1920 года в вагонах «золотого эшелона» оказалось 619 пудов (свыше 10 тонн) слитков и 20 823 пуда (341 тонна) монет разных чеканок. Все это оценивалось в 409,6 миллиона старых золотых рублей. Кроме того, во время двухлетних странствий эшелона было расхищено колча-

ковцами около 242 миллионов рублей, и, вероятнее всего, это золото тоже имело форму монет, а не слитков².

А вот факт из недавнего прошлого. В 1963 году Национальный банк Уругвая дал подряд двум иностранным банкам, которые специализируются на коммерческих операциях с золотом, на замену в его золотом запасе монет слитками на сумму 60—80 миллионов долларов, что тогда составляло по весу 50—70 тонн. В ходе операции выяснилось, что среди монет многие имели нумизматическую ценность. Этот факт потому и привлек внимание, что ранее золотой запас Уругвая имел старомодную, необычную форму³.

В настоящее время *централизованные запасы монетарного золота составляют около 36 тысяч тонн*. Крупнейшим держателем золота в капиталистическом мире являются США: их запас на конец 1977 года составлял свыше 8600 тонн. Далее следуют ФРГ (3700 тонн), Франция (3200 тонн), Италия и Швейцария (по 2600 тонн). Значительны также золотые запасы Голландии, Бельгии, Великобритании, Канады, Японии, ЮАР. Это список членов хорошо знакомого «клуба богатых». Из числа развивающихся стран только некоторые нефтедобывающие (особенно Венесуэла) имеют солидные золотые запасы. Позиция многих десятков стран Азии, Африки и Латинской Америки лучше всего выражается русской пословицей: не до жиру, быть бы живу. Золото для них недоступная роскошь⁴.

Около 4100 тонн золота имеет Международный валютный фонд, но его запас уменьшается: по так называемому кингстонскому (Кингстон — столица Ямайки) соглашению 1976 года он должен вернуть одну шестую часть своего запаса странам-членам и продать еще одну шестую часть на свободном рынке, после чего будет решаться вопрос об остальных двух третях. Самое большое в мире хранилище желтого металла находится в Нью-Йорке, в глубине скалистого грунта Манхэттена. Это подвалы Федерального резервного банка Нью-Йорка. Дело в том, что в этой гигантской камере хранения, помимо части золота США, находятся полностью или частично золотые запасы более чем 70 стран капиталистического мира, а также Международного валютного фонда. В августе 1972 года там хранилось около 13 тысяч тонн металла. По современной рыночной цене это стоит примерно 70—80 миллиардов долларов. Большинство

стран Западной Европы (исключая Францию) держат в Нью-Йорке значительную часть своего золота.

За 90-тонной стальной герметичной дверью, на глубине 85 футов (около 30 метров) находится эта сокровищница, рядом с которой бледнеют реальные и легендарные клады всех времен. Золото помещается в 120 стальных сейфах различных размеров. Каждый сейф заперт на три замка, ключи от которых хранятся у разных должностных лиц банка. Владелец золота может иметь один или несколько сейфов в зависимости от его богатства. Самый большой сейф содержал, как рассказывает Грин, у которого заимствовано это описание, 110 тысяч стандартных слитков (около 1400 тонн). Храня пресловутую банковскую тайну, служащие отказались сообщить, кому принадлежит содержимое сейфа⁵.

Продажа (и покупка) золота одной страной другой стране производится путем передвижения слитков с помощью обычных погрузочных машин и ленточных транспортеров из одного сейфа в другой. Если же количество проданного золота равно или превышает содержимое сейфа, то на нем просто меняют номер, и золото переходит к новому владельцу путем чисто бумажной операции.

Если золото продают США и их небольшого оборотного фонда в подвалах банка не хватает, металл везут из хранилища Пробирной палаты (U. S. Assay Office), которая помещается в другом квартале Нью-Йорка. Это хранилище — своего рода филиал знаменитого Форт-Нокса (штат Кентукки).

В 1974 году, когда оживились дискуссии о золоте в связи с отменой закона, запрещавшего американцам частное владение монетарным золотом, в прессе США стали распространяться слухи, что в Форт-Ноксе вовсе нет того количества золота, которое называет в своих отчетах казначейство. Бдительные конгрессмены потребовали у него ответа. 23 сентября 1974 года группа из 10 членов конгресса и нескольких десятков журналистов была впервые в истории допущена в этот таинственный «дом желтого дьявола», где находится около 4500 тонн металла.

Со сладострастным восторгом журналисты описывали на следующий день во всех крупных газетах серое, приземистое, внешне неприметное здание, несколько ярусов охраны, проверку документов и карманов, секрет-

ные замки с шифром. Наконец 22-тонная стальная дверь открылась, и притихшие экскурсанта вошли в первую из тринадцати камер, в которых хранится золото. Двери их опечатаны личными печатями ответственных чиновников казначейства. Им показали одну из этих камер, в которой помещается около 500 тонн металла. Никто в нее не входил с 1968 года. Штабеля слитков тускло мерцали. Конгрессмен от Калифорнии Джон Н. Русселот (крайне правый, член реакционного общества Джона Бэрча), особенно рьяно требовавший проверки, окинул золото взглядом и сказал: «Я думаю, оно здесь». Остальные с ним согласились, хотя никто не собирался доказывать им, что все 367 500 слитков, хранящихся в Форт-Ноксе, находятся на месте и имеют стандартный вес и пробу. Такая проверка в то время намечалась и должна была занять многие недели.

Форт-Нокс открывают редко — лишь для того, чтобы взять или положить какую-нибудь тысячу тонн. В этом случае оттуда в Нью-Йорк или обратно снаряжается особый транспорт из бронированных автомобилей под усиленной охраной⁶.

По последним данным, всего на территории США физически находится свыше 20 тысяч тонн монетарного золота, что составляет 56 процентов централизованных запасов капиталистического мира.

Весьма вероятно, что третье крупнейшее золотохранилище этого мира находится в центре Парижа, в подвалах Банка Франции. Ренэ Седийо, один из крупнейших знатоков истории и проблем золота, рассказывает о бронированных подземных кладовых и тяжелых дверях, о главном многоколонном зале этого храма золота, напомнившем автору храмы Мемфиса. «Знаете ли вы, парижане, что под песком, мергелем и камнем вашей земли простирается эта скала и что в ее лоне Франция хранит свое золото? Подземное пространство Банка, которое находится под новыми зданиями близ Пале-Рояля, сообщается с поверхностью лишь через четыре колодца, путь в которые преграждают восемь броневого башен. Золото укрыто и от человеческих вождельств, и от военных бурь»⁷.

От бури второй мировой войны французы, впрочем, благоразумно вывезли золото в заокеанские колонии, благодаря чему оно не попало в руки гитлеровцев. Судьбы французского золотого запаса отражают историю

третьей, четвертой и пятой республик. В начале 30-х годов он достигал пяти тысяч тонн, к началу войны значительно сократился, а в тяжелые послевоенные годы упал до нескольких сот тонн. Но в годы правления де Голля (1958—1969 гг.) Франция снова накопила большой золотой запас.

Надо сказать, что последние десять лет во всех этих цитаделях желтого металла царит покой. В 1968 году главные страны капитализма договорились не продавать и не покупать золото на свободном рынке, и общая величина централизованных запасов оказалась замороженной. В 1971 году США закрыли «золотое окошко», односторонне отказавшись обменивать принадлежащие иностранным центральным банкам доллары на золото. Расчеты между странами в золоте фактически приостановились, и золотой запас *каждой* страны оказался как бы замороженным. В следующих главах мы расскажем, как «мертвое» золото стало понемногу оживать и что это предвещает.

Остальное золото капиталистического мира находится в частном владении (фирмы, банки, частные лица). По понятным причинам эти данные представляют собой лишь самые грубые оценки. Полагают, что *около 26 тысяч тонн находится в частных накоплениях*. Это золото представляет собой специфическую форму вложения денежного капитала и сбережений. Инфляция и социально-политическая неустойчивость усилили в последние десятилетия и годы тягу различных слоев буржуазии и других групп населения к золоту.

Золото в частных накоплениях имеет различные формы. Среди мелких тезавраторов особенно популярны золотые монеты — отсюда «монетный бум» последних лет. Крупные инвесторы теперь нередко хранят металл (обычно в банках) в виде стандартных валютных слитков или права на их истребование.

Существует мнение, что наибольшее количество золота тезаврировано во Франции, где этот обычай распространен среди массы мелкой и средней буржуазии, в городских средних слоях и в крестьянстве. Специалисты обыкновенно сходятся на цифре 5—6 тысяч тонн. Примерно такую же цифру называют для Индии, что может показаться на первый взгляд странным: ведь Индия одна из самых бедных стран в мире. Но примитивные золотые украшения и монеты в индийских кре-

стьянских семьях — это спутник бедности, это своеобразное страхование на случай неурожая или другого бедствия. Среди средней и крупной буржуазии в Индии (да и в других странах подобного типа) принято выставлять золото напоказ, чтобы демонстрировать богатство, солидность, устойчивость. Как однажды заметил Гуннар Мюрдаль (шведский экономист, лауреат Нобелевской премии), «именно в одной из бедных стран «третьего мира» (он имел в виду конкретно Латинскую Америку) почетному гостю могут предложить обед на золотой посуде»⁸.

Гражданам США до 1975 года было запрещено законом владеть золотом (за исключением ювелирных изделий и нумизматических ценностей). Тем не менее по некоторым оценкам, к моменту отмены этого запрещения богатые американцы в обход закона хранили почти исключительно за границей, особенно в банках Швейцарии, от 4 тысяч до 4500 тонн золота⁹.

Третья форма, в которой существует и экономически функционирует золото, — *ювелирные изделия, зубные протезы, детали различной аппаратуры* и т. п. Оценки этого золота еще более приблизительны и составляют 20—25 тысяч тонн.

Итог — 82—87 тысяч тонн — корреспондирует с приведенной выше (стр. 41) оценкой совокупной добычи золота.

КАК ЕГО ПРОДАЮТ И ПОКУПАЮТ

Мы живем в быстро меняющемся мире. Пятнадцать лет назад о международной демонетизации золота, то есть о том, чтобы официально лишить его денежных функций, писали лишь профессора-теоретики, ныне же это вошло в устав Международного валютного фонда. Конечно, юридический акт еще далеко не решает экономическую проблему, но он отражает важные реальные изменения в положении желтого металла. Особенно заметны эти изменения на рынке золота. Он в значительной мере утратил черты специфического рынка валютного металла и приобрел черты сырьевого, товарного рынка. С золотом происходит то же самое, что когда-то произошло с серебром.

Ранее правительства и государственные центральные

банки покупали практически все вновь добытое золото и держали под своим контролем его дальнейшее движение. Они продавали его друг другу, когда надо было пополнить валютные резервы, продавали также частным фирмам, которые использовали его в промышленных целях. С 1968 года правительства и центральные банки ушли с рынка золота. Если они теперь изредка выступают на нем, то лишь «на общих основаниях» — покупают или продают не по твердой валютной цене, а по рыночной «товарной» цене.

Может возникнуть несколько недоуменный вопрос. Мы знаем, что одной из важнейших тенденций современного капитализма является усиление экономической роли государства: оно все более производит, продает и покупает, регулирует, регламентирует... А с золотом происходит вроде бы нечто обратное. На деле здесь нет противоречия. Дело в том, что ранее золото было основой денежных систем и международной валютной системы. Это жизненно важные сферы для буржуазного государства. Но с ограничением денежных функций золота уменьшилась и необходимость государственного вмешательства. Центр тяжести этого вмешательства передвигается в более существенные теперь области — денег и кредита, платежных балансов, валютных курсов.

Конечно, никто не может утверждать, что денежная роль золота на мировом рынке исчерпана, что золото стало только еще одним видом металлического сырья и ничем другим. К этому важнейшему вопросу мы еще вернемся в последних главах, здесь же мы должны лишь констатировать, что *на данном этапе* рынок золота находится в руках крупного частного капитала.

При золотом стандарте золото было деньгами. Но продать ведь и значит обменять товар на деньги, а цена товара есть его стоимость в деньгах. Поэтому выражения *купля-продажа* и *цена* золота были тогда как бы условными оборотами речи, были, как говорил Маркс, понятиями иррациональными. Цена золота — это было просто выраженное иначе золотое содержание денежной единицы. Говорили: цена золота в США составляет 20,67 доллара за тройскую унцию. Подразумевали: золотое содержание доллара (установленное законом 1900 года) равнялось примерно 0,048 унции, или — в более привычных нам единицах — 1,505 грамма. Продавая золото, продавец лишь обменивал, например,

унцию слиткового золота на 20 долларов 67 центов в золотых монетах или в банкнотах, всегда свободно разменных на золото. Это было, так сказать, только изменение формы.

Но когда доллар перестал быть обратим в золото, продать золото по новой официальной цене — 35 долларов за унцию — было можно, но купить отнюдь. Продавец золота, к примеру американский золотопромышленник, теперь вовсе не обращал его в другую форму, а обменивал на нечто принципиально иное — на бумажные доллары. Уже это придавало операции черты реальной продажи.

После второй мировой войны, когда цены всех товаров резко возросли, продавать золото правительству США по 35 долларов за унцию стало невыгодно, и все, кто мог, стали уклоняться от этого, предпочитая продавать его неофициально по более высокой цене. Возник *свободный рынок золота* со своими ценами, которые постоянно колебались, как цены многих других товаров в капиталистической экономике.

В 60-х годах правительства США и их союзников считали еще нужным всячески поддерживать фикцию твердой официальной цены золота, то есть стабильности золотого содержания доллара, мнимого равенства между долларом и золотом. С этой целью в 1961 году был основан так называемый *Золотой пул*, в который входили США и главные страны Западной Европы. Пул — английское слово, означающее объединение, совместные действия. Цель пула — поддерживать цену золота на свободном рынке на уровне официальной. Способ достижения этой цели — регулирование рынка путем продажи и покупки золота на лондонском рынке, где были сосредоточены операции с желтым металлом. Если свободная цена понижалась, участники пула скупали излишки золота и распределяли его между собой по определенной, заранее согласованной формуле. Если повышалась, продавали золото, распределяя затраты по той же формуле. США несли половину этих затрат, а после того, как летом 1967 года Франция вышла из пула, их доля стала еще больше.

Эта система развалилась в 1967—1968 годах. В США и в других странах капитализма усилилась инфляция, ухудшилось экономическое положение. В ноябре 1967 года Англия, оказавшаяся самым слабым звеном в систе-

ме, произвела девальвацию фунта стерлингов, то есть понизила его золотое содержание и курс к доллару и другим валютам. После этого началась паника и спекулятивная горячка: крупные и не очень крупные капиталисты начали в массовом порядке скупать золото, рассчитывая, что его официальная цена в долларах будет повышена. Золотой пул выбрасывал на рынок все новые сотни тонн золота, но спрос был ненасытен. Частные спекулянты хотели иметь золото в натуре, а не в виде квитанций нью-йоркского банка. Поэтому правительству США даже пришлось использовать военные самолеты и американскую военную базу близ Лондона, чтобы срочно доставить драгоценный груз.

С ноября 1967 года по март 1968-го члены Золотого пула истратили в безнадежной попытке поддержать золото-долларовую фикцию около 3 тысяч тонн золота! За один день, 13 марта 1968 года, в Лондоне было продано 175 тонн, а на следующий день — 225 тонн¹⁰. Спекулятивное безумие достигло пароксизма. Партнеры США взбунтовались, да и кровопускание из американского золотого запаса было чувствительно. Как это обычно бывает, сегодня участники игры, соблюдая ее правила, заявляли, что будут защищать официальную цену золота до последнего слитка в подвалах банков, а буквально на завтра объявили о роспуске Золотого пула и отказе от попыток регулирования рынка. Возник так называемый «двухъярусный рынок» и «двухъярусная цена» золота. Официальная цена утратила почти всякое реальное значение, свободная цена вступила в период хаотических колебаний.

В современных условиях цена золота в кредитно-бумажных деньгах есть экономическая реальность, она перестала быть иррациональной категорией. Она так же реальна, как цены всех других товаров, и только через эти цены устанавливается соотношение золота с ними. Если, скажем, унция золота стоит 100 долларов и тонна пшеницы тоже 100 долларов, то лишь из этого факта мы можем заключить о стоимости пшеницы, выраженной в золоте (1 тонна пшеницы = 1 унции золота).

Эти новые для советской научной литературы взгляды впервые высказал в своей книге «Золото в экономической системе капитализма» (1968 г.) С. М. Борисов. С тех пор они развивались многими авторами. Нет со-

мнения, что таким путем мы можем лучше понять современную экономическую роль золота.

Как же продается в современных условиях золото на мировом капиталистическом рынке?

Имеется два главных источника золота на рынке — текущая добыча и накопленные запасы. До недавнего времени почти весь товар поступал из первого источника, лишь в последние годы известную роль стала играть продажа золота Международным валютным фондом и некоторыми центральными банками. Высокие цены выманили даже некоторое количество металла из запасов частных тезавраторов. Специалисты этого дела на Западе исчисляют годовое поступление золота на рынок обычно в 1300—1500 тонн. Главным продавцом неизменно является Резервный банк Южной Африки, который монополизировал весь сбыт южноафриканского золота.

Указанная величина измеряет поступление золота на рынок. Но один и тот же слиток может, разумеется, обернуться не один раз, прежде чем найдет своего «потребителя». Поэтому годовой оборот рынков может быть в несколько раз больше, чем поступление на рынок.

Лишь очень небольшая доля золота идет прямо от производителей к потребителям — промышленным фирмам, использующим его как сырье. По сложившейся традиции, почти все золото сначала попадает в руки посредников, называемых обычно английским словом *дилеры*.

Золотые дилеры — это финансовая аристократия, это элита делового мира. Какие имена! Их звук ассоциируется с такими важнейшими для золотого бизнеса вещами, как финансовая мощь, солидность, секретность. Это традиционный клуб, в который нет доступа новичкам. Число фирм-дилеров, делающих погоду на рынке, не превышает двадцати, и все они либо сами являются крупными банками, либо теснейшим образом связаны с банками. Чтобы вести операции с золотом, нужны большие деньги.

До второй мировой войны мировым центром торговли золотом был Лондон, его финансовый квартал — Сити. Несмотря на потери, значение Лондона велико и теперь. По последним оценкам, через лондонских дилеров продается около половины южноафриканского золота, другую половину этого лакомого пирога урвали в последние годы швейцарские банки — пресловутые «цю-

рихские гномы». С 1975 года часть южноафриканского золота продается в США через американские фирмы.

Список лондонских дилеров возглавляет основанный в 1804 году банкирский дом Ротшильдов. Его официальная вывеска: «Н. М. Ротшильд энд санз лимитед». О клане и финансовой империи Ротшильдов написано немало книг. Имя это окутано легендами; Ротшильды — это два столетия смелых и крупных финансовых операций, фантастическое богатство, немалая явная и еще более огромная скрытая власть. Начиная с основателя династии, который во второй половине XVIII века занимался в Германии меняльным делом, и до наших дней имя Ротшильдов связано с золотом. Ротшильды вложили капиталы в золотые рудники Витватерсранда и уже почти столетие извлекают из них дивиденды.

В здании банка Ротшильдов, в зале, отделанном под старину и украшенном портретами европейских монархов — клиентов Ротшильдов, происходит освященная традицией ежедневная процедура «фиксинга» — установления ориентировочной цены золота, с учетом которой совершаются фактические сделки. Эта цена по телексам и телефонам мгновенно сообщается в Нью-Йорк, Цюрих, Торонто, Сингапур и другие центры торговли желтым металлом и служит основой формирования цен на всех рынках.

«Большая тройка» швейцарских банков имеет свои немалые преимущества: традиционный нейтралитет альпийской республики; стекающиеся со всего мира деньги; столь же традиционную банковскую тайну, которая распространяется на любых клиентов, вплоть до беглых диктаторов и уголовных преступников. В Швейцарии нет никаких ограничений на владение, куплю, продажу, ввоз и вывоз золота, нет налогов на сделки с ним. В противовес и в дополнение к лондонскому, преимущественно оптовому рынку респектабельные цюрихские гномы, не брезгуя связями с контрабандистами и продажными чиновниками, создали себе во Франции, в странах Арабского Востока, Южной и Юго-Восточной Азии обширную розничную клиентуру. Они поставляют туда золото в мелкой расфасовке, в монетах. На цветном фотоснимке в американском журнале можно видеть смуглую мужскую ладонь, на которой свободно помещается десяток желтых плиточек, каждая величиной с

небольшую шоколадку. На каждой клеймо «Креди Сюисс» («Швейцарский Кредит» — один из Большой тройки) и надпись «10 тол». Это значит, что золото предназначено для индийских тезавраторов, а каждая «шоколадка» весит около 117 граммов. Надпись к фотографии гласит: «Отлитые в Швейцарии, отгруженные со Среднего Востока и предназначенные для контрабанды в Индию, эти золотые слитки в руке лодочника (то есть морского контрабандиста. — А. А.) символизируют тягу рода человеческого к блестящему металлу»¹¹.

На Ближнем Востоке крупнейший рынок золота до гражданской войны в Ливане функционировал в Бейруте, теперь бизнес передвинулся в Кувейт и Дубай. На Дальнем Востоке центром торговли издавна служат Гонконг и Макао. В последние годы значительный оборот имел рынок Сингапура. Рассказы о золотом бизнесе в Азии иной раз не менее занимательны, чем детективные и криминальные романы: интриги, подкупы, контрабанда, тайные убийства, конкуренция с применением оружия. В Гонконге и Сингапуре важную роль в торговле золотом играет китайский капитал, причем воротилы этого бизнеса вполне респектабельные и, видимо, полезные для маоистского Пекина люди.

Американские монополии не могли остаться и не остались в стороне от золотого бизнеса. До недавнего времени их деятельность несколько сдерживалась тем, что юридически граждане США не имели права владеть золотом. Ныне эти ограничения, введенные в 30-х годах, отменены. В Нью-Йорке и Чикаго функционируют рынки золота, которые грозят потеснить Лондон и Цюрих. Промышленность США всегда была крупнейшим в мире потребителем золота, а в последние годы американцы превзошли французов как частные инвесторы и тезавраторы.

Крупная дилерская фирма «Филипп бразерс» действует в рамках концерна «Энгелхард минералс энд кэмиклс корпорейшн». Имя Энгелхардов значит в золотом бизнесе едва ли меньше, чем имя Оппенгеймеров и Ротшильдов. Другая ветвь концерна владеет крупнейшими в США предприятиями по переработке золота. Они производят полуфабрикаты, покупаемые ювелирной, электронной и другими отраслями, где золото находит свое конечное применение.

Как распределяется текущий, ежегодный золотой

поток между главными сферами конечного применения (потребления)?

Хотя в принципе покупка золота на свободном рынке центральными банками и международными финансовыми организациями возможна и время от времени производится, в целом эта сфера, как мы знаем, после 1967 года не только не поглощает металл, но даже время от времени «выдавливает» из себя некоторое его количество. Одни говорят, что это проявление демонетизации золота и разумное использование мертвого сокровища, другие — что это глупые и опасные эксперименты. К этому вопросу мы еще вернемся, здесь же ограничимся фактами и цифрами.

В период 1968—1976 годов в среднем за год на рынок поступала 1321 тонна металла. Он растекался двумя потоками: в сферу промышленного применения и в сферу частного накопления. Промышленность поглощала в среднем 1014 тонн (77 процентов), в том числе ювелирное дело — 791 тонну (60 процентов), электроника — 93 тонны (7 процентов), зубопротезное и зуборепродукционное дело — 67 тонн (5 процентов). Это три кита промышленного применения золота. Еще 5 процентов приходилось на все остальные сферы.

К частным накоплениям добавлялось в среднем за год 307 тонн (23 процента) всего золота, поступавшего на рынок. Эта величина почти поровну распределялась между накоплением слитков и накоплением монет¹². Цифры эти, можно думать, несколько преуменьшают долю золота, идущего в частные накопления. Дело в том, что значительная часть золотых изделий представляет собой, особенно в Индии и других восточных странах, не накопление особых предметов потребления, а накопление воплощенной стоимости, специфического товара, сохраняющего некоторые черты денег. На Ближнем Востоке и в Индии популярны грубые украшения из высокопробного золота, в цене которых металл (сырье) составляет до 80 процентов, а труд ювелира лишь около 20 процентов. Их легко со сравнительно умеренной потерей снова обратить в чистый металл.

Очевидно, значительная часть ювелирного потребления золота на деле представляет собой одну из форм накопления (тезаврации). Приведенные выше цифры — лишь экспертные оценки, не претендующие на большую точность.

Контрабанда золота в послевоенный период превратилась в целую отрасль предпринимательства, в которой есть свои методы и порядки, свои организации и боссы, свои прибыли и риски. Грин, который написал целую книгу о золотой контрабанде, полагает, что около половины всего золота, попадающего на рынок, проходит через руки контрабандистов и наполняет их карманы. При этом руки и карманы принадлежат разным людям: «руки» — это наемные курьеры-перевозчики, получающие весьма скромную «зарплату» (наем и работа такого курьера описаны в романе А. Силлитоу «Начало пути»); карманы же принадлежат хозяевам международных контрабандных синдикатов — капиталистических организаций, «эти обороты, — замечает Грин, — если бы они были раскрыты, дали бы им место среди 500 крупнейших компаний мира ¹³». Эти люди, однако, предпочитают по ряду причин оставаться в тени: их деятельность связана с нарушением законов многих стран, а прибыли укрываются от налогов.

Контрабанда возникает и процветает потому, что многие страны запрещают ввоз, вывоз, владение и куплю-продажу золота. По данным на 1970 год, было всего лишь 10 стран и территорий капиталистического мира, где существовали все эти «свободы»: ФРГ, Швейцария, Нидерланды, Канада, Парагвай, Ливан, Саудовская Аравия, Кувейт, Дубай и Макао ¹⁴. Правда, в последующие годы этот список расширился. Среди крупных стран, отменивших запреты, можно назвать США и Японию. Но стран, сохраняющих запреты и ограничения, очень много. Контрабанда меняет направления и формы, но отнюдь не исчезает.

Там, где операции с золотом запрещены или ограничены, цена его выше, чем на свободных международных рынках — в Лондоне или Цюрихе. Когда золото в Лондоне стоило 35 долларов за унцию (эту цену поддерживал до 1968 года известный нам Золотой пул), в Индии цена составляла 50—55 долларов. На килограмм металла разница достигала 500 долларов и более. Между тем контрабанда считалась выгодной уже при разнице в 75—100 долларов на килограмм ¹⁵.

Мы уже знаем, что покупка золота населением часто служит не признаком богатства, а, наоборот, бедно-

сти и экономического хаоса. В последнее время таково положение в Египте. По оценкам западных специалистов, в 1976 году там было куплено (главным образом в виде примитивных ювелирных украшений) до 25 тонн золота. Цена его была на 20—30 долларов выше международной, которая в среднем за год составляла 125 долларов за унцию. Наценка здесь относительно ниже, чем в Индии, но не потому, что синдикаты стали менее алчны, а скорее потому, что египетское правительство не может (или не хочет) эффективно бороться с контрабандой¹⁶.

Общая закономерность очевидна: чем слабее контроль, тем легче контрабанда и тем ближе внутренняя цена к международной. Импорт золота во Францию формально запрещен, но контрабанда, особенно из Швейцарии, настолько проста, что цена золота в Париже мало отличается от лондонской и цюрихской.

У золотой контрабанды множество путей и способов. Рассказы о ней годятся и для авантюрного романа, и для сборника анекдотов, хотя это серьезный бизнес, а синдикаты даже утверждают, что они занимаются общественно полезным делом, соединяя предложение желтого металла со спросом на него.

Река золота течет из Западной Европы в торговые центры Ближнего Востока. На этом этапе обычно оно не является контрабандой, так как многие страны этого региона разрешают ввоз металла; отсюда оно контрабандой растекается по соседним странам (Турция, Иран, Египет) или идет большой и торной дорогой в Индию и Пакистан. Ответвления этой реки ведут в Сингапур, откуда золото контрабандой идет в Индонезию и прочие соседние страны.

Другой центр контрабанды в Юго-Восточной Азии — Гонконг (Сянган), английское владение на китайской земле. Из соседней крошечной португальской колонии Макао золото контрабандой (в сущности, почти открыто) ввозится в Гонконг, а оттуда растекается по соседним странам. В 40-х годах, перед концом чанкайшистского режима, золото уходило в Китай: его покупали чиновники, военные, промышленники и торговцы, готовившиеся бежать за границу или надеявшиеся пережить «тяжелое время». В начале 70-х годов это повторилось во Вьетнаме: спасая награбленные и наворованные ценности и готовясь бежать от народной власти, горе-

правители и их прихвостни скупали золото. В разное время крупными клиентами гонконгских контрабандных синдикатов были Индия, Япония, Филиппины, Тайвань, Южная Корея.

В непрерывной борьбе с таможенными властями контрабандисты и их хозяева проявляют чудеса организованности, ловкости и изобретательности. Эта борьба, как правило, решается в их пользу. Из многих сотен тонн металла, ежегодно нелегально пересекающих границы, в руки властей попадает ничтожная часть — буквально доли процента. В 1947 году французские власти захватили на границах одну тонну золота, тогда как годовой оборот контрабанды оценивался в 500 тонн¹⁷. Японские таможенники бдительнее или честнее: в особо удачном 1967 году они захватили свыше 3 тонн контрабандного золота из 30—40 тонн годового нелегального ввоза. Значительная часть металла, попавшего в руки властей, была спрятана в фальшивых днищах бочек с нефтепродуктами, которые отгружались в Японию из Канады¹⁸.

История и современная практика золотой контрабанды знают множество приемов. Есть обычные, регулярно применяемые способы. Летавшие рейсовыми самолетами курьеры надевали под костюм специальные жилеты с нашивными карманами, в которых помещалось по 40 килограммов золота; ясно, что для этого годились лишь сильные и молодые люди. В последнее время специальная проверка пассажиров подорвала этот бизнес. В Индию контрабандное золото везут чаще всего моторные лодки из портов Персидского залива, в Индонезию — убогие джонки из Сингапура. Складки оранжевых одеяний буддийских монахов и пестрые сари индийских женщин часто скрывают мелкие золотые слитки или монеты. Мусульманские богомольцы, возвращающиеся из Мекки на родину, часто провозят золото: в Саудовской Аравии оно продается свободно. Известны и более необычные, экзотические, порой анекдотические способы и случаи. В Турцию из соседних стран золото проникает в желудках перегоняемого через границу скота. Одна из ближневосточных стран отправила для своего посольства в Индии мебель, сделанную отчасти из золота¹⁹. В романе Я. Флеминга «Голдфингер» и во французских фильмах фигурируют автомобили, корпуса которых изготовлены из благородного металла.

Контрабанда — это просто одна из сфер приложения капитала. Там имеет место несколько повышенный риск, но зато велики и прибыли. Поэтому никакие законы и полицейские меры не в силах остановить контрабанду золота.

ПРИПРЯТАННОЕ ЗОЛОТО: ТЕЗАВРАЦИЯ

Французский философ XVIII века Монтескье ввел в свою книгу «О духе законов» небольшой памфлет против защитников рабства. Он выставляет на посмеище их «аргументы» в пользу рабства, среди которых есть такой: «Что негры лишены здравого смысла, доказывается тем, что они предпочитают ожерелья из стекляшек золоту, которое в таком великом почете у народов просвещенных»²⁰. В последующие столетия золото оставалось в почете у «просвещенных» народов и распространяло свою власть вместе с продвижением просвещения среди народов менее цивилизованных. Припрятывание золота как сокровища известно с незапамятных времен, но мы будем здесь говорить о его формах, мотивах и последствиях в условиях капитализма второй половины XX века.

Как говорилось, общее количество припрятанного в капиталистических странах золота достигает 26 тысяч тонн, в год к этой величине добавляется в среднем не менее 300 (а может быть, до 400) тонн, самые крупные накопления имеются во Франции и в Индии. Рассмотрим вопрос ближе.

Слово *тезаврация* происходит от греческого корня, имеющего смысл «сокровище», «запас», и означает накопление денег в наличной форме. Тезаврировать можно, следовательно, и бумажные деньги. Но при постоянной инфляции это не станет делать даже самый недалекий человек. Обесценение денег в последние годы в большинстве стран имеет такие размеры, что достаточно подержать банкноту без употребления лет пять-семь, и она утратит половину своей покупательной способности. Именно это — один из главных современных мотивов тезаврации *золота*, которое, как показывает опыт, может только подорожать в бумажных деньгах.

Тезаврация неоднородна. Настолько неоднородна, что в последние годы наряду с традиционной, «класси-

ческой» тезаврацией, так сказать, индо-французского типа стали выделять две другие формы: накопление золота частными владельцами как форму *инвестиции* (вложения) денежного капитала и как способ *спекуляции*. Разумеется, границы между всеми тремя формами размыты и зыбки, но различия вместе с тем существенны.

Традиционный тезавратор покупает золото ради *сохранения* стоимости. Он не собирается с ним расставаться и, как правило, не расстается без крайней необходимости, даже если может это сделать с какой-то выгодой.

Инвестор и спекулянт покупают золото ради *увеличения* стоимости. Для них это вложение капитала, принципиально не отличающееся от других форм: ценных бумаг, земельных участков, биржевых товаров вроде зерна или меди. Между собой они отличаются лишь тем, что инвестор вкладывает капитал на сравнительно длительный срок, а спекулянт — на короткий, имея в виду продать золото при повышении его цены. Но различие это не принципиально, и статистика, если она вообще имеется, обычно объединяет эти две формы. Инвестиция денежного капитала в золото и спекуляция им получили серьезное развитие лишь после 1968 года, когда цены свободного рынка стали резко колебаться и вскоре пошли вверх. До этого, как мы знаем, официальная цена золота (в долларах) была неизменной в течение нескольких десятилетий, а свободная почти не отклонялась от нее.

Инвестор и спекулянт часто иные социальные типы, чем традиционный тезавратор. Во многих случаях это крупные капиталисты, имеющие доступ и к фондовой бирже, и к рынку недвижимости, и к банковским ссудам. Вполне возможно, что это даже не физические лица (то есть индивиды, имеющие имя и фамилию), а юридические лица — фирмы и банки.

В романе современного американского писателя Артура Хейли «Менялы» действие происходит в середине 70-х годов в мире американских банков и многонациональных корпораций. Один из персонажей, издатель финансового бюллетеня для узкого круга богатых людей Льюис Дорси, консерватор и противник новомодных теорий демонетизации золота, дает своим клиентам совет вкладывать до 40 процентов капиталов в золото и в акции золотодобывающих компаний (их курсы обыч-

но растут вместе с повышением цены на золото)²¹. Из наблюдений над самой что ни есть реальной жизнью Т. Грин сообщает, что «имеется немало многонациональных компаний, которые любят держать на черный день небольшой резерв в золоте»²². Среди современных накопителей можно встретить диктаторов мелких стран Латинской Америки и обогатившихся в последние годы «нефтяных шейхов», лидеров разных религий и биржевых волков, кинозвезд и руководителей организованной преступности. Когда у греческого судовладельца — миллионера Онассиса, более известного как второй супруг Жаклин Кеннеди, завелись «лишние деньги», он купил миллион унций (31 тонна) золота и продал его позже «со скромной прибылью»²³.

Спрос рождает предложение. Банки, дилеры и биржи выработали всевозможные способы, которыми богатые люди могут покупать и хранить золото. Такие люди не держат золото дома, хотя бы и в сейфах, а обычно хранят его в банках. Продажа металла означает просто уступку права на его истребование. Золото может много раз переходить из рук в руки, не двигаясь физически с места где-нибудь в подвале цюрихского, лондонского или парижского банков. Эти сделки производятся мгновенно с применением самой современной техники связи и банковских расчетов. Имея деньги, можно за несколько минут купить хоть 10 тонн золота. Можно купить или продать золото — как акции или иностранную валюту — на срок; это уже чистая спекуляция. Например, унция золота стоит сегодня 150 долларов. Спекулянт покупает его с поставкой через три месяца по 155 долларов. Если цена будет на дату завершения сделки, скажем, 152 доллара, то он проигрывает на унции 3 доллара, если 158, то выигрывает 3 доллара. При этом реальное золото обычно никто никому не поставляет, проигравший лишь выплачивает выигравшему разницу.

Традиционный тезавратор обычно попроще, он мало знаком с биржей, не читает финансовые бюллетени, не заключает срочных сделок. Мелкая и средняя городская буржуазия, зажиточное крестьянство, определенные слои интеллигенции, рабочая аристократия — вот социальная среда, где принято часть сбережений держать в золоте. Хотя имя этим тезавраторам — легион, огромное их большинство хранит в кубышках, под матрасом или в других укромных местах лишь несколько

унций металла в мелких слитках, монетах или грубых изделиях. Согласно одной оценке в Индии 90 процентов всего припрятанного золота находится в руках 3 процентов населения²⁴. Седийо ограничивается такой литературно изящной, но малосодержательной фразой: «Кто тезаврирует во Франции? Скромные и менее образованные сберегатели более, чем искушенные капиталисты. Крестьяне более, чем горожане, рабочие более, чем специалисты. По этому вопросу можно лишь весьма ограниченное значение придавать опросам: французы слишком скрытны, чтобы раскрывать опрашиваемателям свои подлинные предпочтения»²⁵.

Подавляющее большинство владельцев золота стремится хранить его в тайне. Во многих странах такие накопления нелегальны или не вполне легальны. Понятен также страх воровства, ограбления, шантажа. Но важное значение имеет еще один фактор: золото — идеальное средство уклонения от налогов. В нем хорошо укрываются доходы, которые по разным причинам нежелательно раскрывать. Оно лучше предохраняет от налогов на наследство, которые существуют в большинстве стран, чем вложения в недвижимость или картины старых мастеров.

В поведении мелкого тезавратора, в его отношении к золоту немало иррационального, нелогичного. Джон М. Кейнс, знаменитый английский экономист, много писавший о деньгах и золоте, ссылается на авторитет Зигмунда Фрейда, который находил, что пристрастие к золоту кроется в подсознании человека. Фрейд связывал скупость и бережливость людей, их страсть к накоплению денег (золота) с особыми формами подсознательной детской сексуальности — анальным эротизмом. Из рассуждений Фрейда следовало: тезавратором вернее всего станет ребенок, которому свойствен именно такой неосознанный эротизм. Вырастая и избавляясь от него, ребенок приобретает вместо этого в порядке так называемой сублимации повышенное пристрастие к деньгам. В обоснование этого, мягко говоря, необычного взгляда Фрейд приводит тот факт, что «всякий раз, когда доминирует или продолжает сохраняться архаический способ мышления — в древних цивилизациях, в мифах, сказках и суевериях, в бессознательных мыслях и сновидениях и в неврозах, деньги входят в тесную связь с экскрементами»²⁶.

Хотя русское слово «золотарь» действительно объединяет экскременты и золото, в целом эти утверждения Фрейда, как и многие его идеи, выглядят крайне односторонними, бездоказательными. По нашему мнению, истоки страсти к накоплению денег носят в первую очередь *социальный* характер и связаны не с биологической природой человека, а с природой общества, в котором деньги превращаются в капитал, становятся мерилем всех вещей и самого человека. Эти общественные условия превращают золото в фетиш, а там, где речь идет о фетише, рациональность и логика отступают. К вопросу о золотом фетишизме мы вернемся в главе VI. Здесь же скажем лишь о некоторых странностях и парадоксах тезаврации.

На Арабском Востоке особенно популярны английские золотые монеты — соверены. При этом монеты с профилем королей стоят дороже, чем с профилями королев Виктории и Елизаветы II: сказываются вековые предрассудки, заставляющие считать женщину низшим существом. Во Франции среди богатых тезавраторов много любителей килограммовых слитков. Такой слиток ласково называют *savonette* (мыльце), так как он имеет размеры и форму бруска туалетного мыла. В последние годы такое «мыльце» стоит 25—30 тысяч франков, что соответствует зарплате рабочего за один-два года.

Не слишком богатый тезавратор предпочитает золотые монеты: они привычнее, портативнее, красивее. С монетами меньше риска натолкнуться на подделку, в случае необходимости их легче продать. За все это приходится платить, и золото в монетах стоит дороже, чем в слитках (оно продается с премией). Запас старых, подлинных монет, которые чеканились во времена золотого стандарта, естественно, ограничен. Поэтому, чтобы использовать выгоду от более высокой цены монет, государственные монетные дворы многих стран чеканят новенькие кругляши, которые либо точно воспроизводят старые, либо соответствуют им по содержанию металла, но несут на себе другое изображение и год выпуска. Такие монеты называются официальными. В последние годы, когда спрос и цена золота резко возросли, увеличилась чеканка официальных монет. За три года (1974—1976 гг.) на это пошло более 700 тонн золота. В отличие от прошлых лет очень значительная часть новых монет была поглощена не во Франции и Индии, а в

США и Великобритании, где тезаврация только входит в моду.

Первое место в мире по чеканке золотых монет занимает ЮАР, которая несколько лет назад ввела на мировой рынок новую монету — крюгеррэнд. Слово это образовано из имени президента Трансвааля в период англо-бурской войны Крюгера и названия современной денежной единицы ЮАР — рэнда, что, в свою очередь, есть сокращение бурского слова «Витватерсрэнд» (главный район добычи золота). Крюгеррэнд содержит ровно одну тройскую унцию чистого золота, что делает его особенно удобным для купли-продажи. Эта монета вообще как бы не имеет номинала — только вес. Цена унции золота в крюгеррэндах лишь на несколько процентов превышает его слитковую цену, но при огромных количествах это дает ЮАР неплохую прибыль.

Большое количество официальных монет чеканится на монетных дворах Австрии, Мексики, Турции, Великобритании. Частный капитал не остался в стороне от этого выгодного бизнеса. Частные фирмы во многих странах (Италия, ФРГ, Япония, а в последние годы также Кувейт и Саудовская Аравия) чеканят монеты, воспроизводящие старые и пользующиеся высоким спросом. Это не фальшивые монеты: содержание металла в них обычно соответствует величине, установленной по закону. Известны, впрочем, и случаи появления фальшивых монет — обычно с пониженным содержанием чистого золота.

В 1976 году государственный Монетный двор Канады изготовил из 10,5 тонны золота один миллион особых олимпийских монет (в честь Олимпийских игр в Монреале) номиналом в 100 и 150 канадских долларов. Этот номинал, впрочем, особого значения не имеет, так как монеты продаются по рыночной цене, которая складывается под воздействием мировой цены слиткового золота и премии за редкость и коллекционный характер монет²⁷.

Советский Союз также начал чеканку олимпийских золотых монет достоинством 100 рублей (наряду с памятными медно-никелевыми, серебряными, платиновыми монетами). Это официальные монеты, что подчеркивается особой оговоркой, согласно которой они обладают обязательной платежной силой в соответствии с их номиналом.

Первые известные археологам предметы из золота относятся к IV тысячелетию до нашей эры (Египет, Двуречье). Несколько лет назад в Астраханской области были найдены золотые изделия III тысячелетия до нашей эры — пока самые древние в Восточной Европе. Всемирно известны сокровища греко-скифского искусства, хранящиеся в ленинградском Эрмитаже. В 1969 году открылся Музей исторических драгоценностей СССР в бывшей Киево-Печерской лавре: там находится древнее золото греко-скифских и раннеславянских мастеров, в том числе замечательные недавние находки на территории Украины. Все музеи мира как большие ценности хранят работы античных и средневековых ювелиров. В новое время в золоте тоже работали порой высокоодаренные мастера. Вместе с тем появляется сначала ремесленное, а затем и фабричное производство ювелирных изделий; в XIX—XX веках ювелирная промышленность переходит на капиталистические рельсы и начинает работать на массовый рынок.

До XX века ювелирное дело было, по существу, единственной сферой промышленного, немонетарного использования золота. По приблизительным оценкам, эта сфера поглотила за период 1860—1913 годов 22 процента всего добытого золота²⁸.

Потребление золота в виде ювелирных изделий достаточно сложное социально-экономическое и психологическое явление. Желтый металл удовлетворяет эстетические потребности человека, но с незапамятных времен является также зримым выражением общественных различий: знатные и богатые имеют золотые украшения, незнатные и бедные лишены их. В средние века, когда сословные границы были жесткими, а жизнь человека четко регламентировалась, нередко существовали правила, сколько золота и в каком виде может иметь семья, относящаяся к данному сословию. Совсем недавно богатство и общественный статус человека определялись наличием карманных золотых часов — луковицы, толщиной цепочки к ним, золотом и камнями булавки к галстуку и запонки. Кое-что изменилось, конечно. Современный миллионер, управляющий крупной корпорацией или министр вполне может не иметь на себе ни грамма золота. Появились другие материальные показатели общественно-

го статуса. В духе времени золото «демократизировалось»: обручальные кольца, браслеты и серьги производятся миллионами.

Но это отнюдь не изменило сути дела. Во-первых, в определенных общественных кругах на Западе золото и теперь есть предмет престижного, показного потребления. Время от времени появляются сообщения о золотых ваннах и дверных ручках в дворцах богачей, о дамских туалетах стоимостью в сотни тысяч долларов, о золотых ошейниках для собачек. Да и рядовой бизнесмен с удовольствием и не без умысла может достать во время деловой беседы из кармана золотой портсигар или зажигалку. Золотые часы — стандартный подарок фирмы служащему за четверть века безупречной службы. Во-вторых, кроме Запада, есть немало стран Востока и Юга, где буржуа-нувориши, богатые землевладельцы, преуспевающие чиновники и адвокаты весьма охотно «потребляют» золото. В свое время индийские магараджи были лучшими клиентами европейских ювелиров. Теперь их место занимают богатые нефтяные шейхи.

Впрочем, золотые украшения далеко не всегда выставляются напоказ, а часто, наоборот, хранятся в тайне. Как говорилось, между ювелирными изделиями и тезаврационными накоплениями нет четкой границы. Семье индийского крестьянина золотой браслет жены или дочери служит страховым полисом на случай неурожая или болезни. В Индии 600 тысяч кустарей-ювелиров заняты изготовлением и куплей-продажей украшений из золота и серебра. Те, что побогаче, занимаются заодно ростовщичеством — дают ссуды под заклад драгоценностей. Здесь изделия из золота служат, в сущности, формой тезаврации. А вот обратный пример: в Саудовской Аравии, где поглощается масса золотых монет, в моде женские ожерелья в виде соверенов, нанизанных на цепочку; тезаврационное золото превращается в украшение.

Потребление золота в ювелирном деле быстро росло в 50-х и 60-х годах, чему содействовали два главных фактора: во-первых, рост экономики и доходов; во-вторых, стабильность цены золота в условиях всеобщего роста цен, что делало его относительно дешевым видом сырья. Пятикратное повышение цены золота в долларах в 1972—1974 годах сократило спрос. В том же на-

правлении действовал экономический спад 1974—1975 годов.

Но ювелирная промышленность приспособилась к новому уровню цен, а спрос стал снова расти. Если в 1974 году ювелирная промышленность всех капиталистических стран поглотила только 229 тонн золота, то в 1976 году — уже 936 тонн²⁹. Приблизительно пятая часть этой величины приходится на Италию, где имеются крупные фирмы, работающие в основном на экспорт. Ювелирная промышленность развита также в ФРГ, Испании, США, Японии. Почти треть всей продукции отрасли была произведена в странах Ближнего Востока, включая Турцию. В последние годы итальянские и западногерманские фирмы основали там свои филиалы и построили современные фабрики, чтобы прочно захватить этот крупнейший рынок сбыта золотых изделий, который разбух на нефтяных деньгах, и использовать более дешевую рабочую силу.

Археологи говорят, что первые зубные протезы из золота делались для знатных людей в Древнем Египте и Шумере. Это применение золота знали древние римляне. Французские медики в XVIII веке уже писали руководства в этой области. Хотя в XX веке нержавеющая сталь, пластмассы и другие материалы потеснили золото, однако и теперь оно в значительном количестве применяется в зубо врачебном и зубопротезном деле. Считается, что это красиво и престижно. По оценкам 1940 года, 76 процентов взрослых американцев и 56 процентов американок имели золото во рту в виде пломб, коронок, мостов и т. д.³⁰. США и теперь занимают первое место по использованию золота в этой области (обычно около 20 тонн в год), но в расчете на одну душу (или, точнее сказать, «на челюсть» населения) чемпионом является Швейцария, а в последние годы выдвинулись также ФРГ и Япония.

На волне послевоенного экономического роста Япония стала вообще крупным потребителем желтого металла. Видимо, страны как люди: нувориши обычно имеют к золоту особую склонность. Как в других сферах, сверхмодерн сочетается в этой стране порой со средневековьем. Администрация одного отеля в окрестностях Токио установила в особом помещении золотую ванну в форме птицы-феникса, на которую пошло 143 килограмма металла. За двухминутное купание в

ней взимается 1000 иен (примерно стоимость обеда), и от клиентов нет отбоя, так как это считается целебной процедурой³¹. С другой стороны, Япония в 1976 году обогнала Соединенные Штаты по размерам использования золота в электронике и заняла в этой области первое место с цифрой 23 тонны. Это составляет почти треть всего золота, использованного в электронной промышленности капиталистических стран.

Для электроники оказалось чрезвычайно важным уникальное сочетание физических свойств металла: электропроводность, антикоррозийность, пластичность. Золото используется там, где требуется надежность, долговечность и миниатюрность: в электронно-вычислительных машинах, в космической аппаратуре, в подводных линиях связи. Седийо остроумно замечает: «Будущее принадлежит машинам с золотыми мозгами»³². Это еще раз напоминает нам, что в нашей повседневной речи слово «золотой» испокон веков значит «отличный», «первоклассный». Об искусном мастере говорят: у него золотые руки; об умном человеке: золотая голова.

Имеются такие данные по США за 1974 год: из 44 тонн золота, использованного в электронике, 21 тонна пошла на контакты, 5 тонн — на печатные схемы, 7 тонн — на полупроводники, по 4 тонны — на электронные трубки и переключатели. В следующие два года потребление золота этой отраслью упало более чем вдвое: сказалось внедрение разработанных под воздействием удорожания золота заменителей, а также снижение экономической активности, уменьшение спроса. Но прогнозы специалистов говорят: к настоящему времени резервы экономии золота в электронике в основном исчерпаны, очень часто дальнейшее внедрение заменителей возможно лишь ценой ухудшения качества. Кроме того, многим странам еще только предстоит пройти те стадии развития электронной промышленности, которые прошли США и Япония. Предприятия так или иначе приспособляются к повышенному уровню цен — как хозяйство капиталистических стран приспособляется к многократно возросшему уровню цен на нефть. По всем этим причинам считается несомненным, что электронная промышленность будет устойчиво потреблять около 100 тонн золота в год, а может быть, и больше.

Имеется множество других сфер промышленного и

художественного использования золота. Здесь и традиционные, известные тысячелетиями вещи — вроде золочения церковных куполов и шпилей или золотошвейного дела. Здесь и более новые, но технически несложные применения — вроде перьев для авторучек и оправ для очков. Появляются и совершенно новые сферы и способы применения, связанные, как и электроника, с современной научно-технической революцией. Помимо антикоррозийности и пластичности, золото обладает еще одним важным свойством: высокой отражательной способностью по отношению к тепловому и световому излучению. Тонкой пленкой золота покрыты выхлопные трубки моторов фирмы «Роллс-Ройс», которые устанавливаются на сверхзвуковых «конкордах»: это предохраняет их от перегрева. Для теплозащиты американской станции «Скайлэб» был установлен на освещенной солнцем стороне корпуса специальный экран, изготовленный из алюминизированной и золоченой пластмассовой пленки.

Всего в 1976 году в разных промышленных и декоративных целях вне электроники во всех капиталистических странах было использовано свыше 60 тонн золота, из них почти половина — в США. Этот спрос более устойчив, чем спрос ювелиров и электронщиков, он мало меняется от года к году, несмотря на изменения цен и деловой активности. В экономике такой спрос называется *мало (низко) эластичным*. Специалисты полагают, что он будет возрастать в грубом соответствии с увеличением промышленного производства.

ДЕНЬГИ И НЕ-ДЕНЬГИ

Два важных вопроса хотелось бы обсудить в заключение этой главы. Первый — каковы перспективы использования золота и спроса на него на мировом рынке. Второй — о соотношении спроса на золото как на деньги и как на товар (не-деньги).

За последнее столетие люди, писавшие о золоте, не один раз утверждали: если золото перестанет быть деньгами, то спрос на него упадет, что вызовет резкое снижение его цены в бумажных деньгах и меновой стоимости по отношению к другим товарам. Об одном таком пророчестве (П. Эйнцига) говорилось выше. Если те-

перь золото и не перестало быть деньгами (это спорный вопрос), то, во всяком случае, за последние десять лет денежная сфера почти не предъявляла спроса на него. Цена же его поднялась в несколько раз и не обнаруживает тенденции к снижению, хотя порой и колеблется довольно резко.

При уровне цен 150—200 долларов за унцию *сфера промышленно-художественного потребления способна поглотить мировую текущую добычу металла*. Таков вывод всех экспертов, которые занимались проблемой золота в последние годы. Для тезаврации уже не хватает текущей добычи. Это означает: для удовлетворения спроса тезавраторов необходим выход золота из централизованных монетарных запасов. Такой выход имеет место, но в очень ограниченных размерах. Другим решением могло бы быть увеличение добычи, но такая перспектива для капиталистического мира, по мнению всех специалистов, отсутствует. В этих условиях «бремя» балансирования спроса и предложения ложится на цену. Прогноз дальнейшего повышения цены золота выглядит вполне реалистично.

Напомним теперь слова В. И. Ленина, которые цитировались выше: золото нам надо продавать подороже, товары на него покупать подешевле. Конечно, многое зависит тут от коммерческой сметки и профессионального мастерства тех, кто продает и покупает: советских внешнеторговых и банковских организаций. Но каждому ясно: трудно продавать товар дороже, когда мировая цена на него понижается; трудно покупать товары дешевле, если они дорожают в мировой торговле. Поэтому реальные перспективы предложения и спроса имеют важное практическое значение.

Золото — деньги. Золото — не-деньги. Казалось бы, это взаимоисключающие утверждения. Но это не так. В действительной жизни явления не наблюдаются в чистом виде, противоположности сходятся, и все существует только в развитии и изменении. Такого рассмотрения действительности требует диалектический метод познания. Поэтому в равной мере односторонни обе крайние точки зрения: что золото остается деньгами в той же мере, как во время золотого стандарта; что золото уже вовсе не является деньгами.

До того как стать деньгами, оно было обычным товаром, не-деньгами. Став деньгами, золото сохранило

вместе с тем функции товара — создаваемого трудом сырьевого материала с определенными полезными свойствами. Это положение Маркс характеризует в следующих словах: «Потребительная стоимость денежного товара удваивается. Наряду с особенной потребительной стоимостью, принадлежащей ему как товару, — например, золото служит для пломбирования зубов, является сырым материалом для производства предметов роскоши и т. д., — он получает формальную потребительную стоимость, вытекающую из его специфически общественных функций»³³.

Как мы видели, эти две потребительные стоимости, две формы полезности, две функции золота (товарная и денежная) существуют не по отдельности, а, напротив, в тесном единстве, в постоянном переплетении и взаимодействии. В частности, сама полезность предметов роскоши в большой мере определяется именно тем, что они сделаны из металла, являющегося денежным товаром.

Потребительная стоимость (полезность) каждого товара многообразна и не остается неизменной в ходе исторического развития. Когда-то нефть годилась лишь на то, чтобы гореть в примитивной жаровне кочевника, пасшего свои стада в местах, где она естественным образом выходила наружу. В конце XIX века она уже транспортировалась на значительные расстояния, перерабатывалась на керосин и некоторые другие виды горючего и смазочных масел. Ныне нефть является исходным сырьем для тысяч и тысяч полезнейших товаров.

Не остается неизменной и потребительная стоимость золота, его общественная полезность. Слово *полезность* понимается здесь, разумеется, в экономическом, а не в этическом или физиологическом смысле. С этой точки зрения «полезностью» обладают, скажем, и наркотики, не говоря уже о табаке. Подобно наркотикам, золото может быть причиной моральной деградации и гибели человека и семьи. Однако раз предмет удовлетворяет какую-либо потребность, действительную или мнимую, естественную или противоестественную, он обладает *экономической* полезностью.

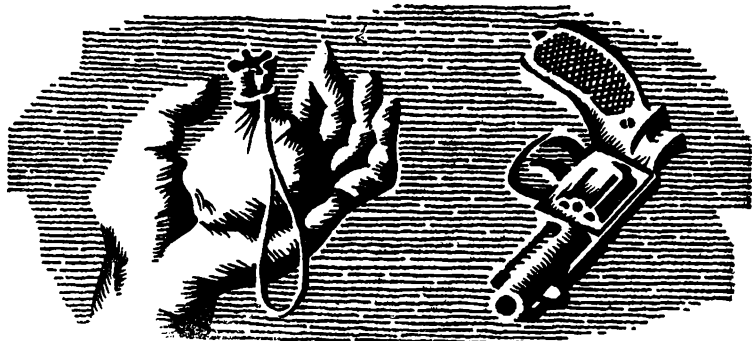
В целом очевидно, что в комбинации двух потребительных стоимостей золота происходит сдвиг в пользу неденежной. Но дело не ограничивается этим. Содержание и формы проявления каждой из них изменились.

Денежная функция золота сосредоточилась преимущественно в сфере мирового рынка, международных финансовых отношений, но и там она сузилась и изменилась, что будет подробнее показано ниже.

Тезаврационные накопления ранее служили резервом денежного обращения, монетарного использования золота. Теперь они скорее противостоят ему: золото не выходит из сферы тезаврации, не возвращается оттуда в денежную сферу. В этих накоплениях золото, можно сказать, приобрело своеобразную новую полезность — как особый тезаврационный товар, средство страхования от инфляции и социально-политических потрясений. В какой мере тезаврационные накопления сохраняют денежный характер — вопрос спорный и сложный. Многие зависит от того, как мы определим деньги, на какую сторону этих накоплений сделаем упор. С известной точки зрения накопление золота подобно покупке драгоценных камней, картин старых мастеров или редких книг. Едва ли эти предметы в каком-либо реальном смысле мы можем назвать деньгами. Но вместе с тем как объект накопления золото подобно ценной бумаге или счету в банке, а это уже близко к деньгам.

Заметим, однако, следующее. Как не-деньги, золото ощутимо отличается от всех названных предметов своей делимостью, равнокачественностью, высокой ликвидностью (то есть возможностью продажи), а главное — мощной вековой традицией, делающей его излюбленным средством накопления и сохранения стоимости, богатства. Иначе говоря, как не-деньги, оно все же ближе к деньгам. А, с другой стороны, как деньги оно тоже отличается от упомянутых бумажно-кредитных ценностей своей блестящей телесностью, которую современный человек уже отвык связывать с деньгами.

Эти рассуждения могут показаться сложными. Но ведь сложна и действительность. Упрощая ее до принципа «да» — «нет», мы рискуем потерять самое существенное.

V. ЗОЛОТОЙ ГЕНОЦИД

Образ *золотого века* вызывает представление о счастливых, прекрасных временах. Один умный француз сказал почти два столетия тому назад: золотым веком был век, когда золото не царило.

Но в действительной истории классового общества, — а только такое общество знает писаная история, — золото и насильственная смерть идут рядом. Смерть отдельных людей и массовое уничтожение, истребление целых народов — то, что в последние десятилетия получило название *геноцид*.

Отнять добытое и накопленное золото. Силой заставить людей работать на добыче золота, доводя их до гибели непосильным трудом. Таковы две главные известные истории формы золотого геноцида. Конечно, в цивилизованных XIX и XX веках его крайние формы встречаются не так уж часто. Но и в эту эпоху золото несет людям смерть, национальное и расовое угнетение, гибель культурных ценностей.

Можно усомниться: почему именно золото? Завоеватели во все века отнимали у покоренных народов землю, скот, другое имущество. Жестокие рабовладельцы принуждали людей к изнурительному труду на сахарных, табачных и кофейных плантациях. И все же золото не скот, не сахар и не табак. Оно — богатство в самой абсолютной, самой непосредственной форме. В нем,

в деньгах, заключены все остальные товары, все возможности, вся власть над вещами и над людьми. В афористическом четверостишии Пушкина читаем:

«Всё мое», — сказала злато,
«Всё мое», — сказал булат.
«Всё куплю», — сказала злато.
«Всё возьму», — сказал булат¹.

Естественный компромисс в этом споре таков: *взять* золото силой булата (меча), чтобы затем все *купить*. Так и стремились поступать завоеватели.

Не всякого из них устраивали земля, скот и даже рабы. Извлечение доходов из этих ресурсов требовало времени, надзора, усилий. Золото как военная добыча гораздо удобнее. Захватив портативное богатство в виде драгоценных металлов, камней и т. п., завоеватели древности и средних веков сплошь и рядом предавали все остальное огню и мечу.

Известны случаи, когда умирающий от голода человек убивает ради куска хлеба. Не так легко представить себе убийство, которое совершил бы сытый и одетый человек ради мешка или даже ста мешков сахара. Но убийство из-за золота во все века воспринималось как нечто почти естественное.

ДРЕВНОСТЬ

Великой страной золота в древности был Египет. Золотые сокровища фараонов и жрецов, накопленные каторжным трудом поколений рабов и кровавыми военными походами в глубь Африки, были могучей приманкой для всех завоевателей III, II и I тысячелетий до нашей эры. Великий воин XXIV столетия до нашей эры царь Аккада (государство в Двуречье) Саргон в погоне за золотом и медью завоевал Месопотамию и восточное Средиземноморье, но не смог победить Египет. Накопление золота продолжалось до тех пор, пока ассирийский царь Ассархаддон в VII веке до нашей эры не разгромил и не разграбил ослабевший Египет.

Сокровища Ассархаддона, хранившиеся в столице Ассирии — Ниневии, — были захвачены менее чем через столетие вавилонскими завоевателями. Но им тоже недолго довелось владеть этими сокровищами. Уже во

второй половине VI века до нашей эры Вавилон был взят и разграблен персидским царем Киром. Его сыну Камбису показалось этого мало, и он, еще раз опустошив казну фараонов, решил к тому же завоевать богатые золотом земли к югу от Египта. Там он и погиб вместе со своей армией.

О персах в Вавилоне Геродот рассказывает такой анекдот. В самом оживленном месте города находилась гробница вавилонской царицы. На камне была выбита надпись: «Если кто-нибудь из вавилонских царей после меня будет иметь нужду в деньгах, то пусть откроет эту гробницу и возьмет сколько пожелает денег. Однако без нужды пусть напрасно не открывает ее. Но лучше бы вовсе не открывать гробницы». Персидский царь Дарий, ставший также владыкой Вавилона, соблазнился этим приглашением. Но когда гробницу открыли, вместо сокровищ он увидел лишь камень с надписью: «Если бы ты не был столь жадным, то не разорял бы могил покойников»².

В IV веке до нашей эры «все золото мира» скопилось в сокровищницах владык Персии. О фантастическом количестве золота и серебра, которое захватил Александр Македонский при военном разгроме Персии, уже в древности возникли легенды. Диодор Сицилийский сообщает, что в трех столицах Персидской державы (Персеполис, Сузы, Экбатана) было взято 340 тысяч талантов золота и серебра, то есть около 10 тысяч тонн. После распада мировой империи Александра в ходе многочисленных войн и завоеваний это гигантское сокровище растеклось по всему тогдашнему цивилизованному миру. Один из эллинистических владык Бактрии (государства в Средней Азии) чеканил самую большую из известных золотых монет — 20-кратный статервесом в 168 граммов при диаметре 58 миллиметров³.

Новый «золотой кулак» был создан в Риме, особенно после того, как были завоеваны Испания (II век до н. э.), Галлия и Египет (I век до н. э.). Юлию Цезарю меньше повезло, чем Александру, но и он из всех своих походов слал в Рим золото. Из Галлии было привезено столько золота, что оно даже упало в цене против серебра на одну четверть. Светоний говорит, что в Галлии он «опустошал капища и храмы богов, полные приношений, и разорял города чаще ради добычи, чем в наказание»⁴.

История свидетельствует, что рудники драгоценных металлов были всегда местом принудительного труда, где жизнь человека ничего не стоила. Как и строительство пирамид, крупная добыча рудного золота в Египте была возможна лишь на основе рабского труда. Римляне развернули добычу золота в Испании, лишь согнав туда десятки тысяч рабов.

Домашнее, сельскохозяйственное и ремесленное рабство никогда не знало такой чудовищной эксплуатации. Но там, где производятся непосредственно *деньги*, алчность и жестокость выступают, так сказать, в своих абсолютных формах, освобожденные от всего человеческого. К. Маркс говорит: «Ужасным становится чрезмерный труд в древности в тех случаях, когда дело идет о добывании меновой стоимости в ее самостоятельной форме — в производстве золота и серебра. Насильственный труд, убивающий работника, становится здесь официальной формой чрезмерного труда. Достаточно почитать Диодора Сицилийского»⁵.

Диодор, греческий автор I века до нашей эры, искусный компилятор и пересказчик, сохранил замечательно подробные описания египетских рудников и технологических процессов производства золота эпохи эллинистической династии Птолемеев. Он рассказывает о толпах почти голых людей, мужчин, женщин и детей, работавших под ударами бича надсмотрщиков и не имевших впереди ничего, кроме скорой смерти от истощения и болезней.

Каторжные работы на золотых рудниках были обычной формой наказания преступников в эллинистические и римские времена. Вероятно, там погибло гораздо больше ранних христиан, чем было растерзано в цирках дикими зверями, хотя писатели и художники в погоне за драматизмом охотнее обращались к «цирковым» сюжетам. Позже христиане не менее жестоко истребляли на золотодобыче язычников.

Способы добычи золота в Испании описывает Плиний Старший. Его изложение менее эмоционально, чем у Диодора, но, в сущности, рисует столь же страшную картину. Плиний пишет, например, что люди, работающие в подземных выработках, не видят света по многу месяцев. Он говорит о смертельной опасности этих работ, о гибели множества людей. Рассказывая, как горняки примитивными орудиями долбят твердый камень,

он замечает, что упорнее этого камня только жажда золота. Разумеется, речь при этом идет не о рабах, а о рабовладельцах, алкавших золота ⁶.

БОГ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Касик (нечто среднее между племенным вождем и феодальным князьком) Хатауэй, бежавший от испанцев с захваченного ими острова Эспаньола (Гаити) на Кубу, рассказывал местным индейцам, что бог белых людей — золото. Он призывал туземцев бросить все золото, которое у них было, в реки, чтобы белые не нашли свое божество и оставили их в покое ⁷.

Так повествует Бартоломе де Лас Касас, испанский священник, один из ранних гуманистов и просветителей индейцев, автор потрясающих записок о первых десятилетиях конкисты (завоевания), когда ради золота были истреблены миллионы людей.

Нам трудно теперь это себе представить, но золото было едва ли не главным мотивом действий Колумба при открытии и освоении новых стран, названных впоследствии по недоразумению Америкой. Золото — лейтмотив первого письма Колумба с только что открытой им Эспаньолы. Он с восторгом сообщает, что реки острова несут золото; по-видимому, есть и рудные залежи в горах. Туземцы не имеют понятия о ценности золота и отдают его за всякую безделицу. Колумб пишет, что первое испанское поселение он основал «в наилучшем для добычи золота месте» ⁸.

После десяти лет плаваний и открытий в письме 1503 года королю Фердинанду и королеве Изабелле с Ямайки великий мореплаватель в ярких красках изображает богатства вновь открытых земель (потом выяснилось, что это был континент — центральноамериканский перешеек), главным богатством опять объявляет золото и философствует: «Золото — это совершенство. Золото создает сокровище, и тот, кто владеет им, может совершить все, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай» ⁹. Как видим, это не так далеко от наивного представления касика Хатауэя.

Между тем, как оказалось, Гаити, другие Антильские острова и земли на перешейке не обладали большими месторождениями золота, и это стало одной из

причин скорой опалы Колумба. По оценке Зетбера, за период 1493—1520 годов в Вест-Индии, главным образом на Гаити, было добыто всего лишь около 22 тонн золота. Ценой этого золота было почти полное истребление туземного населения Гаити. По разным оценкам, первоначальное население острова составляло от 1 до 3 миллионов, а к 1514 году, по данным Лас Касаса, осталось 13—14 тысяч. Если мы учтем, что за это время в тесной связи с погоней испанцев за золотом погибло немало людей в других частях Центральной Америки, мы не ошибемся, сказав, что эти двадцать с лишним тонн стоили 2 миллиона человеческих жизней. «Удельная жизнеемкость» золота составляла 100 тысяч человек на одну тонну, три жизни на унцию. Возможно, это своего рода мрачный рекорд в кровавой истории желтого металла. Трудно без содрогания читать рассказ Лас Касаса (подтверждаемый, впрочем, многими очевидцами) о чудовищном механизме истребления, о зверских жестокостях, которые творили испанские конкистадоры: о массовых убийствах и пытках, о рабстве, о непосильном труде в рудниках, о голодной смерти тысяч людей.

О своих соотечественниках Лас Касас сказал фразу, которая пригвоздила их к позорному столбу истории: «Они шли с крестом в руке и с ненасытной жаждой золота в сердце»¹⁰.

Бог белого человека погубил и высокоразвитые, своеобразные цивилизации древней Америки — государство ацтеков в современной Мексике и государство инков в Перу. Ход дел был повсюду один: прежде всего испанцы захватывали все золото, на которое могли наложить лапу, затем принуждали обращенных в рабов индейцев к каторжному труду на золотых и серебряных россыпях и рудниках. У индейцев Мексики и Перу золото почти совершенно не выполняло функции денег и ценилось лишь как материал для ритуальных и светских украшений. Как и Колумб, завоеватель Мексики Кортес и завоеватель Перу Писарро сознательно и бессознательно преувеличивали богатства этих стран. Это нужно было им, чтобы успешнее вербовать свои отряды, обеспечить милость монарха, добыть деньги от банкиров и купцов на организацию похода. В действительности запасы золота в изделиях были в обоих государствах не так велики, а годовая добыча из речных песков вовсе незначительна.

При осаде и штурме столицы ацтеков Теночтитлана, когда, по сведениям хронистов, погибло 240 тысяч человек из 300-тысячного населения города, победители захватили всего лишь 600 килограммов золота¹¹. По оценке Зетбера, в следующие 24 года в Мексике было добыто не более 5 тонн металла¹².

Жажда золота, заставлявшая испанцев совершать и удивительные подвиги, и чудовищные жестокости, изумляла туземцев. В одном из индейских преданий о гибели Теночтитлана говорится об испанцах, что они ищут только золото, пренебрегая другими ценностями, даже такими, как нефрит и бирюза. А также: «Словно обезьяны, хватали они золото, раскачиваясь от удовольствия, как будто оно их преобразило и озарило ярким светом их сердца. Поскольку ведь это истина, что они стремятся к нему с неизъяснимой жаждой. У них раздулось от него брюхо, они рвутся к нему, как голодные. Словно голодные свиньи, жаждут они золота»¹³.

Все это повторилось с новыми отвратительными подробностями при завоевании государства инков Писарро и его бандой. Печально знаменитый выкуп, который взял авантюрист за их владыку Атауальпу (он был, несмотря на это, казнен), составил 5,5 тонны золота и 11,8 тонны серебра. При взятии столицы инков Куско испанцы захватили 1,1 тонны золота и 15 тонн серебра. Государство инков было разгромлено, их культура погибла¹⁴.

В те самые годы, когда первые конкистадоры огнем и мечом насаждали в Америке религию креста и золота, в самой Испании свирепствовал геноцид, обращенный против мавров и евреев. И золото играло в нем свою мрачную роль. При изгнании «неверных» из Испании им было запрещено увозить с собой драгоценные металлы. Некоторые пытались забрать с собой золото в собственных желудках и кишках, глотая размельченные в порошок монеты. Проведав об этом, мавры из Феца (современное Марокко), куда бежали испанские евреи, порой убивали людей и вспарывали им животы, надеясь найти там золото¹⁵.

Версия о съеденном золоте многократно повторяется в истории и фольклоре разных эпох и народов, как в трагическом, так и юмористическом вариантах, вплоть до чеховского анекдота о богаче, который перед смертью съел свое золото с медом, чтобы досадить своим наследникам.

В 1512 году испанские корабли, которые везли через океан золото и серебро из Америки, впервые подверглись нападению пиратов: это были французские каперы. После этого в течение почти трех столетий на просторах Атлантики продолжалась охота враждебных военных судов и пиратов за судами с драгоценным грузом и охота испанских и португальских военных кораблей за пиратами. Если золото все же попадало в руки морских разбойников, то оно потом много раз переходило из рук в руки, и дело редко обходилось без кровопролития. Сколько людей погибло в этих битвах и схватках, о которых написано великое множество хороших и плохих романов, сосчитать невозможно.

Испанские вице-короли хранили отправку судов с металлом в глубочайшей тайне, а английские, французские и голландские шпионы всеми силами старались разнюхать о ней. Английская королева Елизавета, получив секретные сведения, послала капитана Френсиса Дрейка через Магелланов пролив в Тихий океан, чтобы напасть на испанцев там, где они считали себя в полной безопасности: на пути из Перу в Панаму. Дрейк успешно выполнил задание, отбил у испанцев несколько десятков тонн золота, серебра и драгоценных камней и с триумфом вернулся в 1580 году в Англию с востока, совершив второе в истории человечества кругосветное путешествие. Неудачный морской поход Филиппа II на Англию в 1588 году (разгром Великой Армады) имел одной из своих главных целей — подавить у корня английское каперство и пиратство на путях перевозки драгоценных металлов.

Один из самых драматичных и кровавых эпизодов в борьбе за золото произошел в 1702 году, во время войны за испанское наследство. Союзная англо-голландская эскадра подстерегла в бухте Виго, на северо-западном побережье Испании, укрывшийся там испано-французский золотой флот. Стоимость груза оценивалась в 60 миллионов фунтов стерлингов, что было в то время огромной суммой. В сражении погибло около 3 тысяч человек и... почти весь груз, так как испанцы взорвали корабли, видя неизбежность их захвата врагом. К несчастью, они пошли на дно на сравнительно большой глубине, так что попытки испанцев достать свои сокро-

вища успеха не имели. В XIX веке создавались акционерные компании для поисков «галеонов Виго», писались книги об их судьбе. Попытки добыть их делались и в XX веке. Но выловить удалось, по-видимому, лишь ничтожную часть сокровищ¹⁶.

«Хэппи энд» прославленного романа Стивенсона «Остров сокровищ» заключается, как известно, в том, что славный Джим и его друзья находят клад пиратского главаря капитана Флинта: «А в дальнем углу (пещеры) тускло сияли груды золотых монет и штабеля слитков... Скольких человеческих жизней, скольких страданий и крови стоило собрать эти богатства!» Писатель, который, возможно, интересовался нумизматикой, рассказывает дальше, какие монеты там были: гиней и луидоры, дублоны и двойные гиней, моидоры и цехины...¹⁷

Несколько слов о средневековых золотых монетах Западной Европы. Годом рождения золотой монеты Нового времени принято считать 1252-й, когда во Флоренции была начата чеканка *флорина*, содержавшего около 3,5 грамма золота. Название это происходило от имени города. В XIII веке чеканку монеты с таким же содержанием металла начали Генуя и Венеция. Венецианская монета, называвшаяся *цехин* или *дукат*, получила особенно широкую известность. Под этими названиями чеканили монеты многие государства. В Германии и Нидерландах монета, имевшая такое же или близкое содержание золота, называлась *гульден*. Эти монеты сопровождают все экономическое развитие Западной Европы вплоть до XVII—XVIII веков. Золотые монеты, выпускавшиеся главным образом для международного оборота, гораздо меньше подвергались порче и девальвации, чем серебряные, и порой сохраняли столетиями неизменное содержание металла.

Остальные монеты, названные Стивенсоном, чеканились главным образом в XVII—XVIII столетиях. *Луидор* (то есть «золотой людовик») возник в 1640 году при Людовике XIII и до революции конца XVIII века (при трех следующих Людовиках) неоднократно менял свое металлическое содержание и пробу. *Гиней* (от названия страны — Гвинея) была впервые отчеканена в 1661 году по образцу луидора. Золотое содержание луидора и гиней колебалось в пределах 6,5—8 граммов.

Дублон, также известный под названием «двойного эскудо» и «пистоля», был главной испанской золотой

монетой в XVI—XVII веках и содержал около 6,2 грамма золота¹⁸. Эта монета также обращалась во Франции и, вероятно, памятна многим по «Трем мушкетерам». К примеру, д'Артаньян отправляется в Лондон спасти честь королевы, имея в сумке триста пистолей. Такая сумка могла весить около 2 килограммов и стоить на современные деньги (по рыночной цене весового золота) до 50—60 тысяч франков.

ЗОЛОТЫЕ ЛИХОРАДКИ

Этот термин, родившийся еще в прошлом веке, в последнее время был переосмыслен. Когда в начале 1968 года спекулянты в предчувствии повышения долларовой цены золота в больших количествах скупали его на лондонском и других рынках, это называли золотой лихорадкой. У нее есть общая черта с лихорадками XIX века — погоня за случайной, сумасшедшей прибылью. Но если спекулянты в крайнем случае рисковали своими деньгами (или скорее лишь потерей процентов на деньги, так как снижение цены золота было заведомо невозможно), то золотые лихорадки XIX века стоили жизни десяткам, возможно сотням, тысяч людей.

Открытие золота в Калифорнии, Австралии и Аляске и хищнические формы освоения этих территорий способствовали истреблению и вымиранию их коренных жителей. Самые гнусные черты «свободного предпринимательства» в полной мере проявились в каждой из этих эпопей: свобода эксплуатации и обмана, неограниченная власть денег, эгоизм и жестокость, разгул расизма, насилия, преступности.

В 1849—1850 годах десятки тысяч людей из восточных районов США и из Европы бросились в Калифорнию. Смерть косила их уже на пути туда: только на сухопутных дорогах через неосвоенные тогда земли погибло, как полагают, летом 1849 года не менее 5 тысяч человек. Дизентерия и цинга свирепствовали и в самой Калифорнии. Огнестрельное оружие было таким же обязательным предметом снаряжения золотоискателя, как кирка и лоток. При населении в несколько сот тысяч человек в Калифорнии за период с 1849 по 1854 год было отмечено 4200 убийств. Суд Линча, убийство людей толпой без суда и следствия, был обычным делом. Боль-

ные, слабые, беспомощные люди, включая стариков и детей, не имели никаких шансов на помощь. Один из очевидцев писал: «Вы слышали о битве жизни — здесь это реальность; павших втоптывают в грязь и оставляют на произвол земли и неба... Деньги, деньги — вот всепоглощающий предмет»¹⁹.

Скупщики нередко платили старателям вдвое и втрое меньше официальной цены, соответствующей золотому содержанию доллара. Добытчика золота обирали торговцы, владельцы всевозможных увеселительных заведений. В библиотеке Калифорнийского университета в Беркли хранится экземпляр изданной в 1849 году рекламной брошюры, приглашавшей на легкое золото в Калифорнию; автор укрылся за инициалами D. L., но рукой какого-то злосчастного иммигранта эти буквы расшифрованы: *Damn Liar*, то есть Проклятый Лжец²⁰.

Особенно тяжело было положение и велики жертвы среди небелых участников золотой лихорадки — индейцев, мексиканцев, китайцев. Их лишали права делать собственные «заявки» на золотоносные участки, и они либо нанимались к белым, либо работали на отвалах, содержавших остатки золота. Отмечено много случаев вспышек расового насилия. Формы местного самоуправления, которые возникали среди белого англосаксонского населения, были чисто буржуазными, направленными против бедняков и людей других рас и наций. Один английский автор задается в этой связи таким вопросом: «Было это, как часто утверждали писатели девятнадцатого столетия, высшим проявлением демократии, или, как могли бы полагать критики двадцатого столетия, зародышевой формой фашизма?»²¹ Золото, открытое в 1851 году в Новом Южном Уэльсе и Виктории, преобразило лицо Австралии, которая была до этого лишь каторжной тюрьмой Англии и необъятным пастбищем. Благодаря надзору властей здесь было, может быть, меньше стрельбы и больше порядка, чем в Калифорнии, но в главном история повторялась.

С золотом связано первое организованное выступление рабочих Австралии. Хотя непосредственным поводом было недовольство высоким налогом, который правительство взимало с каждой «заявки», рабочие выдвигали и политические требования, близкие к требованиям чартистов в Англии: расширение избирательных прав, демократизация парламента и т. п. Осенью 1854 года в

золотоносном районе Балларат (недалеко от Мельбурна) дело дошло до вооруженного столкновения рабочих с полицией, в котором погибло несколько десятков человек. Это побоище, известное под именем «Эврика» по названию отеля, где начались события, стало на много десятилетий лозунгом австралийского рабочего движения, своего рода политической традицией — предупреждением правящим классам о боевой решимости обездоленных людей.

Последняя «классическая» золотая лихорадка произошла в конце столетия, когда золото было открыто в Северной Канаде и Аляске. В сезон 1898 года около ста тысяч людей двинулось с побережья к местам добычи золота на реке Клондайк. Дорога через Чилкутский перевал и вниз, по Юкону, до «столицы» золота Доусона была длинна, трудна и опасна. Как полагают, цели достигло не более 30—40 тысяч человек. Разбогатело же, как и во всех подобных случаях, несколько сот.

В отличие от Калифорнии и Австралии золото не дало жизни этим далеким арктическим землям. Истощение россыпей обрекло их на прозябание. В Доусоне (центре Юкона — территории Канады) насчитывается теперь всего 750 человек; на пике лихорадки его население доходило до 25 тысяч. Городок живет туризмом: воссозданы пресловутые салуны, проводятся разные фестивали, организована любительская «золотодобыча» с прокатом инвентаря тогдашних старателей²².

Время от времени и теперь случаются «мини-лихорадки», связанные с новыми находками золота. Но они не имеют никакого экономического значения. Разведанные геологические запасы металла находятся под прочным контролем концернов.

ФАШИЗМ И ЗОЛОТО

Политика гитлеровской Германии в отношении золота была составной частью прикрываемого чудовищным лицемерием геноцида, который нацисты осуществляли в отношении народов Европы.

Готовясь к войне, Германия истратила практически весь свой золотой запас. По крайней мере, официально он находился перед войной почти на нуле; вероятно, какое-то количество золота имелось в секретных фондах.

В 1938—1939 годах европейские страны усиленно вывозили свое золото в США, отчасти продавая его за доллары, отчасти депонируя в описанных выше подвалах Федерального резервного банка Нью-Йорка. Ф. И. Михалевский, советский ученый, посвятивший несколько десятилетий труда экономическим проблемам золота, остроумно замечает: «Наблюдая отлив золота из Европы, фашисты чувствовали то, что должны чувствовать громилы, наметившие квартиру для очередного налета и видящие, что из этой квартиры выносят ценные вещи»²³.

Гитлеровская пропаганда и официальная экономическая наука выступали против золота, против сохранения за ним важных экономических функций. Золото и золотые деньги изображались как порождение и опора насквозь прогнившего «либерального капитализма». В «новом экономическом порядке», который гитлеровцы пытались создать в Европе, чтобы затем распространить на весь мир, вовсе не было места золоту: все рассчитывались бы в рейхсмарках и все безвозвратно кредитовали бы Германию.

Но пропаганда и теория — одно, а политика и практика — другое. На самом деле нацистские лидеры старались наложить лапу на любую крупницу золота, попадавшую в сферу их власти. В каждой из захваченных стран они стремились захватить золотой запас центрального банка, если он не был своевременно вывезен. Они конфисковывали золото у населения, грабили церкви и музеи. На Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников и на других процессах выяснилось, что, убивая в концлагерях миллионы людей, эти изверги тщательно собирали золотые вещи, принадлежавшие убитым, вплоть до искусственных зубов.

Спасение золота от гитлеровцев было патриотическим подвигом, требовавшим большого мужества. В свое время мировую прессу обошла история золотого запаса национального банка Норвегии, который был спрятан простыми гражданами и тайно вывезен из оккупированной страны под носом у немцев. В романе Бориса Полевого «Золото» основа сюжета состоит в том, что группа советских людей героически спасает от врага и возвращает Советскому государству валютные ценности.

Судьба золота, награбленного гитлеровцами, во многом остается неизвестной. По-видимому, лишь неболь-

шая его часть была обнаружена при разгроме Германии. Вероятно, какое-то количество золота было тайно вывезено в нейтральные страны или припрятано в Германии. Воображение многих людей волнуют действительные или мнимые клады, скрытые гитлеровцами в укромных местах. Автор специальной работы о подводных кладах сообщает, что ценности на сумму 160 миллионов золотых марок были спущены под воду у берегов Корсики, близ города Бастиа. Еще более определенно указывают на клад, которые таят глубины альпийских озер в Западной Австрии. Вокруг корсиканского клада хлопочет итальянская мафия, и уже произошло несколько загадочных убийств. Есть слухи о том, что альпийские клад, охраняет тайная организация эсэсовцев, которая тоже не останавливается перед убийством. Золото продолжает убивать, даже исчезнув из виду, даже одним своим именем ²⁴.

АПАРТХЕЙД

Это слово *apartheid* на языке буров, потомков переселенцев из Голландии в Южную Африку, означает разделение, раздельное существование. С 50-х годов апартхейд (апартеид) стал официальной политикой расистского режима ЮАР. Но система эта сложилась гораздо раньше.

На Западе принято считать, что апартхейд — создание бурских националистов, а переселенцы английского происхождения к нему непричастны. На деле это общая позиция белых реакционеров-расистов по отношению ко всем небелым, особенно к африканцам. Золотодобывающая промышленность выросла как преимущественно «английская» отрасль; лишь в последнее время бурский капитал стал участвовать в ней. Но именно в этой отрасли сложились еще с конца XIX века многие отвратительные черты расовой сегрегации и дискриминации — апартхейда.

Организация труда на южноафриканских золотых рудниках (а также на урановых и угольных шахтах) не имеет аналогий в современном мире. Компании не только не стремятся сформировать какие-то постоянные квалифицированные кадры африканских рабочих, но, напротив, всеми силами сопротивляются этому. Они со-

адали систему краткосрочной (не более чем на два года) вербовки дешевой и неквалифицированной рабочей силы из глухих районов ЮАР и соседних африканских территорий, ныне независимых государств. Завербованных привозят в Йоганнесбург и распределяют по рудникам. Как правило, они неграмотны и не говорят по-английски. Они не знают заранее, где будут работать, в чем будет заключаться их работа и даже сколько они будут за нее получать. «Обучение» длится три-четыре дня, после чего их отправляют под землю, часто на глубину 2—3 километра. Африканец выполняет только грубую физическую работу, у него нет никаких шансов на продвижение и улучшение условий труда. Профсоюзы и любые организации африканских рабочих запрещены.

Африканские горняки живут при рудниках в так называемых компаундах, своего рода казармах, в комнатах с двухъярусными нарами на 10—20 человек. Свобода их передвижения жестко ограничена. Иметь семью они не могут. Как вся система апартхейда, регламентация труда и жизни горняков-африканцев носит черты холодного цивилизованного варварства. Унижение человеческой личности является здесь нормой, сложившимся типом межрасовых отношений.

Золотые рудники убивают людей. По подсчетам южноафриканского ученого Френсиса Уилсона, за 30 лет — с 1936 по 1966 год — от несчастных случаев погибло 19 тысяч человек, из них 93 процента черных²⁵. Годовая «норма» в последующий период составляла 500—600 погибших. Смертность африканцев почти вдвое больше, чем белых шахтеров. Причина этого известна: черные работают на более опасных участках, они хуже обучены. На один случай со смертельным исходом приходится в среднем около сорока случаев увечий и тяжелых травм. Как говорится в официальном документе Международной организации труда, «помимо несчастных случаев, приводящих к смертельному исходу или к постоянному увечью, насчитываются еще сотни тысяч, когда африканские шахтеры заболевают во время своей работы такими легочными болезнями, как пневмокониоз и силикоз»²⁶. Надо к этому добавить, что шахтеры часто становятся жертвами туберкулеза. Если сложить все это, то получим мрачные цифры «удельной емкости» южноафриканского золота. Статистика красноречивее любых слов: в 1972 году черный шахтер в

среднем получал за свой смертельно опасный и тяжелый труд 24 рэнда в месяц, а средняя зарплата белого рабочего составляла 391 рэнд, то есть в 16 раз больше. Ни в одной другой отрасли этот разрыв не был так велик. Этого нет, разумеется, ни в одной другой стране мира. Компании утверждают, что еще свыше 20 рэндов в месяц они тратят в среднем на жилье, питание и медицинское обслуживание каждого рабочего, но это не меняет суть дела ²⁷.

По существу, это концепция рабского труда: тратится ровно столько, чтобы человек мог жить и работать в течение года или полутора лет, пока он нужен компании. Выплаты наличными заведомо недостаточны, чтобы содержать семью: она должна кормиться своим жалким хозяйством где-то в сотнях километров от рудников. Руководитель организации по вербовке рабочей силы заявил Тимоти Грину буквально следующее: «Он (африканец) приезжает, чтобы заработать на пустяки. Мы никогда не говорили, что наша зарплата достаточна, чтобы он и его семья могли жить на нее, ведь он приезжает сюда заработать деньги кой на какие предметы роскоши» ²⁸. Хорошо известно, что практически эти «предметы роскоши» — табак и алкоголь.

В марксистской политэкономии важную роль играет понятие стоимости рабочей силы. Она определяется теми затратами, которые необходимы, чтобы рабочий мог жить «по-человечески», содержать семью, растить детей. В принципе зарплата близка к стоимости рабочей силы; постоянная борьба рабочих не позволяет капиталистам платить существенно меньше этой величины. Здесь же, в Южной Африке, прямо объявляется, что капиталисты не оплачивают рабочую силу по ее стоимости. Это нарушение «нормальных» экономических законов самого капитализма, это результат апартеида.

Несмотря на все усилия и опыт расистов, волны протеста и борьбы, которые прокатываются в последние годы по республике апартеида, не обходят и рудники. Большой международный резонанс имели события сентября 1973 года в Карлтонвилле, на одном из рудников «Англо-Америкэн корпорейшн», когда полиция пустила в ход против бастующих горняков оружие и убила одиннадцать человек.

В самые последние годы на золотых рудниках кое-

что стало меняться. Даже твердолобые расисты понимают, что сложившаяся система не может существовать вечно, что она может привести к взрыву. Уменьшился приток сказочно дешевой рабочей силы из соседних государств, в частности, из Мозамбика, народ которого сбросил колониальное иго. С другой стороны, многократный рост цены золота и прибылей компаний позволил им без особого ущерба пойти на повышение зарплаты рабочих. Компании наперебой рекламируют свои «достижения» и нововведения в области медицинского обслуживания и обучения. Черных стали чаще делать бригадирами, руководителями низшего уровня.

Но в существе своем апартхейд на золотых рудниках остается основой основ, некоторые его формы не только не смягчаются, а даже ужесточаются.

ГИБЕЛЬ ИСКУССТВА

«За 3000 лет мастера Египта, должно быть, произвели бесчисленное количество изделий из золота, но все, что осталось, — это содержимое приблизительно дюжины царских гробниц, из которых все самые важные принадлежат к Среднему и Новому царству. Лишь врожденный консерватизм египетских художников и дополнительные данные, которые можно почерпнуть из рисунков и скульптур, дают возможность оценить египетское ювелирное искусство на основе столь скудных материалов. И эта проблема относится не только к Египту. Так мало дошло до нас от Ура, от Крита минойской эпохи, даже от классической и эллинистической Греции»²⁹.

Это цитата из одной новой книги об истории применения золота в ювелирном деле.

Став деньгами и воплощением богатства, золото губило не только человеческие жизни, но и произведения искусства. С древних времен из золота (и серебра) изготавливались религиозные и светские украшения, которые во многих случаях являются памятниками искусства, истории и культуры. Однако столетиями и тысячами ценностью заключенного в них металла была важнее, чем их художественное значение. Это счастье, что гробница Тутанхамона была обнаружена лишь в XX веке, когда находкам уже не грозил плавающий

тигль. Но ведь Тутанхамон был «рядовым» фараоном и притом умер совсем молодым. Мы можем только гадать, какие сокровища погибли, когда грабители обобрали могилы великих владык Рамзеса II или Тутмоса III. Стоимость нескольких килограммов металла, из которого сделана маска Тутанхамона, и теперь значительна, но она ничто по сравнению с историко-художественной ценностью этого замечательного произведения египетских мастеров XIV века до нашей эры.

Захоронения египетских фараонов, скифских и фракийских вождей, гробницы доколумбовой Америки были излюбленной добычей грабителей с древних времен до наших дней. Лишь в очень редких случаях эта добыча рано или поздно попадала в музеи, чаще всего изделия из драгоценных металлов шли в переплавку и превращались в деньги. Для светских и духовных владык их сокровищницы всегда были резервными фондами драгоценных металлов. При крайней и даже не очень крайней необходимости изделия тоже превращались в металл.

Этому явлению можно дать название *золотой артицид*, построив слово по образцу слова «геноцид»: *ags* — полатыни значит «искусство», *occidere* — «убивать».

Золотой артицид в истории тесно связан с кровавыми завоеваниями, религиозным фанатизмом. Русские летописи, описывая гибель Киева, Рязани, Владимира и десятков других городов в огне татаро-монгольского нашествия, оплакивая смерть тысяч мирных людей, не забывают упомянуть и о том, что поганные грабили церковные драгоценности, забирали все золото, какое попадалось им на глаза, пытали свои жертвы, требуя открыть спрятанное золото. Это главная причина, почему в наших музеях так мало ювелирных изделий древнерусских мастеров домонгольского времени.

В 1520 году великий немецкий художник Альбрехт Дюрер видел во дворце испанских наместников Нидерландов в Брюсселе сокровища ацтеков, привезенные из Америки. Среди них было, например, «солнце из чистого золота шириною в целую сажень». Дюрер пишет: «И я в течение всей своей жизни не видел ничего, что бы так порадовало мое сердце, как эти вещи. Ибо я видел среди них чудесные, искуснейшие вещи и удивлялся тонкой одаренности людей далеких стран»³⁰. Эти сокровища видел и по достоинству оценил другой замечательный мастер, Бенвенуто Челлини. Художественные изде-

лия ацтеков, включая солнце, о котором писал Дюрер, бесследно исчезли: их владельцы не были столь тонкими ценителями искусства язычников и пустили их в переплавку. Только по описаниям знаем мы и о золотом убранстве дворцов столицы инков.

Да что говорить! Даже из работ самого Челлини, прославленного ювелира XVI столетия, времени Возрождения, когда, казалось бы, уже умели ценить искусство, до наших дней дошла *одна лишь* золотая солонка французского короля Франциска I, и то она чудом избежала общей судьбы. Эта солонка представляет собой сложную скульптурную композицию с фигурами богов и мифологических животных. Материал, с которым работал мастер, губил его создания. В совсем уже просвещенном XIX веке в папском Риме переплавляли в металл художественные изделия, чтобы заплатить контрибуцию Наполеону Бонапарту.

Во времена золотого стандарта «эстетическое сокровище» — изделия из золота — было резервным фондом денежного обращения. Когда экономические условия вызвали сокращение денежного обращения, часть золотых монет переплавлялась в более или менее грубые изделия и сохранялась в такой форме. При изменении условий золото вновь вступало в обращение, для чего посуду, вазы или статуэтки превращали в слитки и обменивали на монеты. Это был вполне законный экономический механизм. Но кто поручится, что вместе с грубыми изделиями, в стоимости которых труд ювелира составлял небольшую долю, не превращались порой в безликий металл ценные произведения?

Золотой артицид случается и теперь. По причине высокой стоимости материала художественные изделия из золота портативны и прекрасно приспособлены к похищению, контрабанде и укрытию. Если воры, спекулянты или «коллекционеры» их не переплавляют, понимая, что в качестве произведений искусства они доходнее, чем в качестве металла, то нередко держат тайком в сейфах, а при тревожной ситуации закапывают в землю.

Кража и контрабанда археологических ценностей представляют собой на современном Западе большой бизнес. Когда археология сочетается с золотом, этот бизнес становится особенно масштабным и выгодным.

VI. ВЛАСТЬ ЗОЛОТА

Высказывания авторов всех времен и народов о власти золота привести невозможно: число их необозримо. Власть золота над людьми изумляла, ее проклинали, могущество золота воспевали, но никого желтый металл не оставлял равнодушным.

Настало время трезво рассмотреть вопрос: что реально означает эта власть и какова ее природа, почему она стала на протяжении веков элементом общественного сознания? Откуда эти бурные эмоции? Ведь, к примеру, железо, металл несравненно более полезный, занимает в чувствах — если не в умах — людей несравненно более скромное место, чем золото.

ЗОЛОТО, ДЕНЬГИ, КАПИТАЛ

У Горького в памфлете «Город Желтого дьявола» мы находим такой образ: железо — раб золота. В этом произведении писатель выразил свои впечатления от Нью-Йорка, куда он впервые приехал в 1906 году. Горький воспринял этот многомиллионный город как воплощение капиталистического варварства, как чудовищное порождение буржуазной цивилизации.

Желтый дьявол безраздельно царит в страшном, бесчеловечном городе, в сущности, в капиталистическом ми-

ре. Люди подчинены его власти. Если труженики — слепые орудия, то богачи — рабы Желтого дьявола. Желтые огни рекламы, кажется, источают золотой блеск. К ночи «грохот железа, гонимого всюду вдоль улиц жадными толчками Золота, не становится тише... Со стен домов, с вывесок, из окон ресторанов — льется ослепительный свет расплавленного Золота. Нахальный, крикливый, он торжествующе трепещет всюду, режет глаза, искажает лица своим холодным блеском».

Погоня за золотом, жажда и власть золота пронизывают всю жизнь людей: «Кажется, что где-то в центре города вертится со сладострастным визгом и ужасающей быстротой большой ком Золота, он распыливает по всем улицам мелкие пылинки, и целый день люди жадно ловят, ищут, хватают его. Но вот наступает вечер, ком Золота начинает вертеться в противоположную сторону, образуя холодный огненный вихрь, и втягивает в него людей затем, чтобы они отдали назад золотую пыль, пойманную днем. Они отдают всегда больше того, сколько взяли, и на утро другого дня ком Золота увеличивается в объеме, его вращение становится быстрее, громче звучит торжествующий вой железа, его раба, грохот всех сил, поработанных им»¹.

Как это далеко от материала зубных протезов и электронных контактов! Золото здесь достигающий апокалипсической силы символ, символ денег, а точнее, *капитала*. Именно капитал поработывает людей, делает людей своими орудиями, рабами и слугами. Ежедневно жиреющий «ком Золота» видится мне символом эксплуатации труда капиталом, неуклонного накопления прибавочной стоимости, превращаемой вновь в капитал.

Одни говорят, что Нью-Йорк — самый американский город США, другие, наоборот, что его никак нельзя считать лицом Америки. Это зависит от точки зрения. Но Горький, во всяком случае, увидел в этом городе образ американского капитализма — голого, циничного, «чистоганного», лишенного тех патриархальных фиговых листков, которые порой прикрывали его жестокость в Европе.

Образ золота возник у него как отражение того реального экономического факта, что оно было господствующей формой денег, по существу, синонимом денег. А деньги всегда выступают как исходная и наиболее осязаемая форма капитала. Капиталист прежде все-

го должен иметь деньги, чтобы купить машины и сырье, нанять рабочих, начать производство. Продав продукцию, он получает больше денег, чем вложил в дело.

Теперь деньги и капитал далеко не столь прямо ассоциируются с золотом, хотя суть капитала осталась прежней, а масштабы его накопления выросли во много раз. Для Нью-Йорка — города крупного капитала, тяжкого труда, массовой безработицы, расовой розни и рекордной преступности — современный писатель нашел бы, наверное, другой образ и другие слова. Но горьковский Желтый дьявол и ныне воспринимается именно так, как хотел писатель: символом антигуманности капитализма.

У людей, которым буржуазная цивилизация представляется венцом творения, власть золота вызывает совсем иные ассоциации. Для них золото скорее божество, и они поют ему хвалу. В 1943 году в Чикаго вышла книга под заглавием, которое говорит само за себя: «Золото. Подлинный властелин мира». Автору казалось, что отмена золотого стандарта в США — временная неприятность, и после войны оно будет вновь возвращено на свой трон. Имя автора — Франклин Гоббс (Hobbs) ничего не говорило бы читателю, если бы книга не была посвящена Томасу Гоббсу (Hobbes), «моему прославленному и много оклеветанному предку, который дал миру Левиафана». Представьте себе, что вы читаете книгу, автор которой посвящает ее своему предку А. Н. Радищеву или, скажем, протопопу Аввакуму. Думаю, что это подогреет ваш интерес.

С одной стороны, мистер Гоббс, потомок великого философа XVII века, — патентованный чудака. Книга снабжена многочисленными, набранными полудюймовыми литерами изречениями и афоризмами, например: «Золото — ключ к судьбе народов», «Золото для торговли — что кровь для тела», «Как пробный камень проверяет золото, так золото проверяет людей». Гоббс совершенно буквально понимает Библию и, по-видимому, не сомневается, что мир действительно сотворен несколько тысяч лет назад: «На самом пороге истории мира, сразу после Сотворения, появилось золото, и его власть начала утверждаться». Он говорит также: «Золото на языке Библии, как она понималась веками, означает власть; оно означает, в сущности, орудие бога».

Это обожествление металла, несколько странное в

XX веке, сочетается, однако, с любопытными наблюдениями и мыслями. Интересны даже недоумения автора. Приведем такое место: «Самый оклеветанный, самый ложно понимаемый и, можно сказать, самый ненавидимый в мире неодушевленный предмет есть золото. Поистине трудно понять, почему писатели и ораторы, политики и банкиры — все возбуждаются, когда они говорят о золоте. Они рвут, и мечут, и ругаются нехорошими словами, когда упоминается золото... Почему простой металл вызывает такое чувство враждебности, трудно понять»².

Золото, конечно, не «простой металл». Золото — деньги и капитал, с ним связаны имущественные отношения между людьми, связаны частные интересы отдельных лиц и общественных групп. Здесь замешаны, говоря словами Маркса, фурии частного интереса. Наивно было бы ожидать при обсуждении такого предмета спокойствия и беспристрастия.

Желтый металл исторически был не только воплощением капитала вообще, но орудием и знаменем определенного типа капитала, группы буржуазии. В конце XIX века вопрос о золоте оказался в центре политической жизни США. Республиканская партия, выражавшая интересы промышленного и банковского капитала, выступала за введение полного золотого стандарта и демонетизацию серебра. Демократическая партия, опиравшаяся в особенности на фермерство, стояла за серебро и биметаллизм. Подоплека этой позиции состояла в том, что от массовой чеканки серебра наравне с золотом ожидали повышения уровня цен в стране, а это было бы выгодно крупным фермерам. Лидер демократов Уильям Дж. Брайан клеймил своих противников: «...мы ответим на их требование золотого стандарта такими словами: вы не наденете на чело трудящихся этот терновый венец, вы не распнете род человеческий на золотом кресте»³.

В этом восклицании немало демагогии: подлинные интересы трудящихся были, конечно, связаны не с золотом и не с серебром, но эти интересы не могли в то время найти своего политического выражения. На президентских выборах 1896 года Брайан потерпел поражение. В 1900 году был принят закон о золотом стандарте, демонетизация серебра вступила в завершающую фазу.

Надо сказать, что ассоциация золота с *крупным капиталом*, изображение его как *денег богачей* имеют дол-

гую историю. Ему противопоставляют порой серебро и медь, порой бумажные деньги, как «деньги простого народа». На этом спекулировал в начале XVIII века Джон Ло, знаменитый шотландец, денежный новатор, своего рода «изобретатель» бумажных денег. Он утверждал, что путем замены золота в обращении бумажками он обеспечит народу денежное изобилие и тем самым экономическое процветание. Этот эксперимент во Франции кончился первой известной истории крупной бумажно-денежной инфляцией. Ло обогатил не народ, а кучку деловых людей, спекулянтов, рыцарей наживы⁴.

Идея власти золота имеет в разные эпохи далеко не одинаковый смысл. Для барона из пушкинского «Скупого рыцаря» золото — это, так сказать, потенциальная власть над людьми, над их трудом, который золото может купить. Среди них — услуги таких экзотических персонажей, как резвые нимфы, музы, вольный гений (то есть поэты, музыканты, художники) и наемные убийцы («окровавленное злодейство»). Власть золота для феодала еще не представляется как власть капитала. Ему трудно расставаться со своим золотом даже для того, чтобы отдать его в рост под проценты. Это, в сущности, *докапиталистический* взгляд на власть золота, это чистое *накопительство*, которое сродни современной примитивной тезаврации.

В феодальную эпоху золото воплощает также богатство и устремления молодой, еще политически бесправной буржуазии. В этом качестве оно противостоит земле и мечу феодалов, то есть землевладению и военной силе. Для буржуа золото прежде всего денежный капитал, который можно и нужно пустить в оборот, чтобы увеличить первоначальный капитал. В неоконченной драме Пушкина, публикуемой под заглавием «Сцены из рыцарских времен», есть такой диалог между монахом-алхимиком Бертольдом и богатым буржуа Мартыном: «Бертольд. Золота мне не нужно, я ищу одной истины. Мартын. А мне черт ли в истине, мне нужно золото»⁵. Ссуда в полтораста гульденов, которую он после долгих препирательств дает Бертольду, для Мартына тоже вложение капитала: он верит, что алхимик откроет секрет производства золота, и тогда Мартын получит огромный дивиденд на свой капитал.

Капитализм развивает и усиливает все аспекты власти золота. Оно обладает способностью купить любой

товар (или услугу), оплатить любой долг. Внутри каждой страны такую способность могут иметь и кредитно-бумажные деньги, особенно если они разменны на металл. Но на мировом рынке национальные деньги имеют весьма ограниченное хождение или вовсе не принимаются. Там свойствами всеобщего покупательного и всеобщего платежного средства обладает только золото. С развитием хозяйства и торговли колоссально расширяется круг товаров и услуг, которые могут быть оплачены золотом.

Как мы знаем, золото теперь реально не обращается и не выполняет функций денег во внутренней экономике капиталистических стран. Чтобы выступить как покупательное и платежное средство, оно должно быть продано за кредитно-бумажные деньги. Это роднит его с другими товарами. Однако трудно найти товар, который имел бы столь обеспеченный рынок сбыта, продавался бы с такой легкостью, как золото. Растущие масштабы тезаврации показывают, что роль золота как всеобщего покупательного и платежного средства не подорвана, хотя и изменилась. В современных условиях изменилось и положение золота в международной валютной системе, на мировом рынке. Но и теперь золотой запас является важным показателем международных позиций страны, мерой ее потенциальных возможностей на мировом рынке.

Золото становится при капитализме абсолютно общественной материализацией богатства — как бы самой эффективной, неоспоримой, безусловной формой богатства. Любой товар можно рассматривать как застывший человеческий труд в его абстрактной форме, в такой форме, где исчезают различия между конкретными видами труда, где важно только его количество. Но в золоте это свойство товара доведено до предела, потому что оно предоставляет свою блестящую плоть для выполнения функций денег.

«С расширением товарного обращения растет власть денег, этой абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности», — говорит Маркс⁶. Богатство в золоте и в деньгах — это было во времена Маркса практически одно и то же. Когда Маркс говорит о всегдашней «боевой готовности денег», он противопоставляет золото другим товарам, которые не обладают этим свойством абсолютной лик-

видности. В наше время оно противостоит в этом смысле не только другим товарам, но и кредитно-бумажным деньгам. Сфера их действия ограничена пределами национального государства, и они имеют неистребимую тенденцию к инфляционному обесценению. Национальные валюты, выполняющие роль международных платежных средств, в первую очередь доллары США, не могут избавиться от этих врожденных пороков. Если добавить к этому «приобретенные пороки» доллара, особенно явные в последние годы, преимущества золота как мировых денег выступают с особой силой.

На протяжении последних двух десятилетий большое внимание на Западе привлекает проблема *международной ликвидности*. Иначе говоря, это проблема достаточности резервов золота и его приемлемых заместителей в международном обороте для обеспечения относительно гладкого функционирования мировой торговли и расчетов. Золотые и валютные резервы страны — это та часть ее национального богатства, которая находится в форме мировых денег, в абсолютно ликвидной форме с точки зрения международных платежей. Эти резервы могут выручить страну в случае неурожая или другого стихийного бедствия, помочь преодолеть временные трудности в экспортных отраслях хозяйства. И многие страны не без основания считают, что запасы долларов при прочих равных условиях полезная вещь, права на кредиты Международного валютного фонда тоже могут пригодиться, но нет ничего надежнее золотого запаса. Его ликвидность, его боевая готовность выше, чем любых других резервов. Золото остается стержнем, основой международной ликвидности каждой страны и сохраняет важную роль во всей валютной системе капитализма.

Вообще роль и власть золота надо рассматривать в связи с экономической категорией и проблемой *резервов* и *резервного денежного капитала*. Сражение иной раз может быть выиграно дерзким ударом, но войну, как известно, выигрывает тот, у кого больше резервов, у кого они более мобильны и эффективны. Это относится и к деятельности капиталистической фирмы, и к экономической стратегии государства. Чтобы обеспечить успешный оборот всего капитала, надо какую-то его часть держать в резерве.

Золотой запас страны представляет собой национальный резервный денежный капитал. Конечно, неверно ду-

мать, что мощь государства определяется размерами его золотого запаса. Основой этой мощи являются экономика, производство, квалифицированная рабочая сила, научно-технический потенциал. Природные ресурсы и накопленные резервы главных видов сырья и топлива могут быть несравненно важнее, чем штабеля слитков желтого металла в подвалах банка. Но история знает ситуации, когда работа всего огромного хозяйственного механизма страны оказывалась в зависимости от наличия и использования таких слитков. Эта роль золота не исчерпана и поныне. Неустойчивость экономики и финансов капиталистических стран может ее увеличить.

ФЕТИШ

Заглянув в словарь иностранных слов, мы можем узнать, что слово «фетиш» пришло к нам из французского языка, а туда, в свою очередь, попало из португальского. Фетиш означает предмет, якобы наделенный сверхъестественными свойствами, предмет слепого поклонения.

Все, что мы уже знаем о золоте, подтверждает: это фетиш. Но почему и как оно превратилось в фетиш?

Ренэ Седийо объясняет дело таким образом. Поклонение людей золоту сродни поклонению силам природы. Оно никак не связано с его общественными функциями. «С того дня, когда человек узнал золото, он зачарован им... Следует думать, что его красота колдовская, потому что повсюду и с самого начала человек околдован им. Альфа и омега истории золота заключаются в этом тезисе: золото — магический металл... Там, где геологи хотели бы видеть только минерал, а экономисты — товар, социолог и историк должны видеть веру»⁷.

Он приводит затем обширный материал о той роли, которую золото играло в различных религиях. Выясняется, что так или иначе оно обожествлялось чуть ли не во всех религиях, за исключением китайской. Впрочем, и это связано с суеверием: древние китайцы связывали его со злыми подземными духами.

Однако объясняет ли этот исторический экскурс причины обожествления золота? По-моему, нет: почтенный автор сам становится жертвой своего рода фетишизма. «Магические» свойства золота объявляются присущими

ему от природы и потому оказываются, в сущности, необъяснимыми.

Возможно, в сравнении желтого металла с обожествляемыми в примитивных религиях силами природы есть рациональное зерно. Его ассоциация с солнцем носит очень древний характер, имеет место в египетской религии и сохраняется в алхимии вплоть до нового времени. Но едва ли это само по себе объясняет фетишизацию золота. Ведь своего расцвета она достигает как раз не в примитивных обществах, а на достаточно высокой ступени развития, когда чисто религиозные и тем более тотемические представления уже не играют столь большой роли в общественном сознании. В период завоевания Америки выяснилось, что по-настоящему золото было фетишем не у наивных индейцев, а у просвещенных христиан-европейцев.

Фетишизация золота носит главным образом *социальный* характер и обусловлена прежде всего общественными, а не природными функциями желтого металла. Не отрицая вероятную связь религиозного поклонения золоту с поклонением силам природы, надо видеть в этом поклонении главным образом отражение в религиозном сознании его особого *общественного* статуса.

Едва ли можно сомневаться, что та большая роль, которую играет золото в Ветхом завете, священной книге иудаизма и христианства, представляет собой лишь, так сказать, обратную проекцию в мифологию, в легендарную и полуполулегендарную историю — проекцию реальных товарно-денежных отношений эпохи, когда составлялась эта книга, то есть приблизительно рубежа II и I тысячелетий до нашей эры. В эту эпоху в Палестине золото, несомненно, играло важную социально-экономическую роль.

Франклин Гоббс, о котором говорилось выше, подсчитал, что золото упоминается в Ветхом завете 415 раз. Уже первое упоминание проливает свет на «магию» золота. Во второй главе ветхозаветной книги «Бытие» описывается рай (Едем), в котором бог поместил только что созданного человека. Адам уже создан, но творение Евы еще только предстоит! При этом сказано: «Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; и золото той земли хорошее»⁸. Какие географические реалии скрываются за

этим, точно не установлено. Некоторые специалисты считали, что страна Хавила — это центральная часть Аравийского полуострова в нынешней Саудовской Аравии, где в древности действительно добывалось золото⁹. Правда, подходящей реки там нет, но можно ли требовать от автора Библии географической точности? Да и не это нам важно. Важно то, что золото фигурирует здесь лишь как полезное ископаемое, притом важное, конечно, не с точки зрения нагого Адама, а с точки зрения автора, который уже отлично знал его ценность.

О богатстве праотца Авраама (Аврама) говорится: «И был Аврам очень богат скотом, и серебром, и золотом»¹⁰. Здесь нет и намек на магию, но зато есть любопытнейшее свидетельство о роли драгоценных металлов как особой формы богатства в древнееврейском обществе. Если здесь золото и серебро еще не деньги в полном смысле, то уже близки к этому.

Не утомляя читателя цитированием остальных 413 мест, мы можем констатировать: Библия фиксирует вовсе не божественное происхождение золота, а его социальный статус.

В убранстве храмов многих религий, в частности христианства, золото занимает видное место. По логике Седийо, это обусловлено тем, что оно само по себе элемент культа в каждой из этих религий. Но более реалистична другая логика: блестящая репутация золота возникает, собственно, вне религии, в социально-экономической действительности, «на рынке». Золото ценно не потому, что его освящает религия, а, напротив, религия берет его на вооружение, потому что оно ценно.

Итак, природа золотого фетиша социальная. Поэтому золотой фетишизм не уменьшается с ростом цивилизации, просвещения, а возрастает, принимает самые развитые, рафинированные формы. Данный природой естественный материал приобретает «сверхъестественные» свойства — становится деньгами. Деньги — порождение общественного строя, в котором люди относятся друг к другу не как личности, а как производители и владельцы определенных товаров.

Такой характер отношений между людьми усиливается с развитием капитализма. Производство продуктов для себя, для собственного потребления становится редкостью. Все производится только для обмена, для рынка, ради денег. Зависимость человека от других людей

всегда была необходимой чертой человеческого общества. Но рыночную и денежную форму эта зависимость приобретает лишь на определенной стадии развития общества. На ранних этапах капитализма существование человека зависит прежде всего от того, сумеет ли он продать товар, который он производит. В дальнейшем для все большего числа людей первостепенной становится продажа рабочей силы, способности к труду. Внешний мир, мир остальных людей противостоит человеку в виде безликой массы товаров и все более концентрируется в образе денег, золота, за которое продаются товары.

В сознании людей золото становится абстракцией всех товаров, их полномочным представителем, в известном смысле владыкой. Оно всемерно, поскольку все может купить. Людям кажется, что так было и должно быть от века, что такой порядок не результат определенного уровня и формы развития общества, а закон природы. Тогда получается, что золото самой природой создается как деньги, что ему предопределено быть властелином судеб людей. Отсюда уж совсем недалеко до обожествления. Маркс говорит по этому поводу: «Эти вещи — золото и серебро — в том самом виде, как они выходят из недр земных, вместе с тем оказываются непосредственным воплощением всякого человеческого труда. Отсюда магический характер денег»¹¹.

Образчик такого фетишизма мы находим у известного нам Гоббса (разумеется, не предка, а потомка): «Золото всегда было деньгами. Это результат естественного закона и не будет изменено законом, являющимся делом человеческих рук»¹². Преимущество этого высказывания в его прямолинейности. Оно выгодно отличается от довольно обычной у экономистов витиеватой и нечеткой манеры выражения. В другом месте Гоббс приводит такой афоризм: «Золото — князь металлов и король товаров»¹³.

Деньги при капитализме проходят путь от золотых монет до записей в банковских книгах, а теперь часто имеют физическую форму сигналов в памяти электронно-вычислительных машин. Дело идет к тому, что платежи будут все более осуществляться путем «нажатия кнопок», точнее сказать, набора различных кодов, понятных компьютерам. Но это не может изменить социально-экономическую природу денег при капитализ-

ме. Они выражают в принципе те же общественные отношения, прежде всего отношения между капиталом и наемным трудом. Деньги не только остаются столпом капиталистической цивилизации, но их власть и влияние на жизнь людей неизбежно усиливаются. Перфокарта или магнитная лента могут быть фетишем не менее, чем золотая монета, если они воплощают деньги и их движение.

Но, как мы видели, современный капитализм не может избавиться и от золотого фетиша в самом буквальном смысле этого слова. Даже когда золото перестает функционировать как деньги и, казалось бы, возвращается в мир обычных товаров, оно сохраняет настолько специфические общественные свойства, что остается предметом алчного обожания и поклонения.

При социализме по сравнению с капитализмом роль и функции денег коренным образом меняются. Их власть ограничивается, а функционирование подчиняется целям общества. Но сознание людей меняется гораздо медленнее. Нельзя закрывать глаза на то, сколько антиобщественных, аморальных поступков, сколько преступлений совершается еще из-за денег. Не секрет, что для некоторых людей в нашем обществе и золото остается фетишем, не полезным природным материалом и предметом потребления, а объектом накопления, страстью, морально уродующей человека. Об этом аспекте проблемы мы не можем забывать, толкуя о роли золота при капитализме. Ликвидации таких явлений в сознании и поведении должно помогать коммунистическое воспитание молодежи.

ГИМНЫ И ПРОКЛЯТИЯ

С незапамятных времен золото в сознании людей соединяет в себе бога и дьявола, величие и низость, совершенство и уродство, благородство и преступление. Эта двойственность моральной оценки доходит до нашего времени в виде споров между экономистами на Западе: хорошо ли золото как деньги, должно оно быть деньгами или не должно?

Седийо, в чьей книге сквозь трезвый социологический анализ просвечивает произвольное восхищение этим загадочным, неисчерпаемым металлом, сообщает

читателям: «Я не ношу золото ни в своем сердце, ни на пальце, ни в кошельке. Материально оно отсутствует в моей жизни...»¹⁴ С другой стороны, Пол Эйнциг рассказывает: «Я лично знал нескольких громогласных противников денежной роли золота, которые носили золотые часы, портсигары и иные предметы, хотя нержавеющая сталь или другие металлы отлично могли бы послужить этим практическим целям»¹⁵.

Эти парадоксы указывают лишь на то, что человеческая психология не так уж прямолинейна. Но разве читатель предполагает, что человек, пишущий книгу о золоте, непременно должен обожать его в повседневной жизни? Разве человек, ратующий против золотого стандарта, должен презирать этот неодушевленный предмет?

Люди восхищались и восхищаются красотой желтого металла. Но в природе много красоты, и едва ли достоинства золота превосходят все созданное ею. Уж конечно, не природные свойства золота имел в виду Колумб в цитированном письме, когда называл золото *совершенством*. И не ради «красивых глаз» славит его бальзаковский Гобсек. Сам природный блеск желтого металла удесятеряется, когда люди смотрят на него как на действительные или потенциальные деньги. Золото с осязаемой силой воплощает все стороны денег, и прежде всего деньги как «личинку» капитала — стоимости, способной порождать новую стоимость.

«Современное общество, — говорит Маркс, — которое еще в детстве вытащило за волосы Плутона из недр земных, приветствует золото как блестящее воплощение своего сокровеннейшего жизненного принципа». Как мы узнаем из примечания Маркса, в словах о Плуtone (боге подземного царства и хозяине его богатств) он имел в виду фразу древнегреческого автора Атеней: «Алчность надеялась вытащить за волосы из недр земных самого Плутона»¹⁶.

Преклонение перед золотом, которое мы встречаем в обычаях и литературе многих народов, может иметь различные оттенки. Золотой фетиш может оборачиваться разными своими сторонами.

Есть мотив *всесилия* золота, его универсальной способности все покупать — товары, услуги, самих людей, их таланты, труд, совесть. Есть мотив *загадочности*, таинственности золота, изумления тем, что вещь обладает такой силой. Золото *уравнивает* людей всех сосло-

вий и состояний, делит их только по одному признаку: кто сколько его имеет. Золото *стимулирует* человеческий труд, энергию, предприимчивость, оно все оживляет, ускоряет, толкает вперед. Наконец, есть мотив восхищения *налаженностью* хозяйственного механизма, в котором золото стихийно, а отчасти по согласию людей занимает центральное место, является основной формой денег. Пожалуй, эта форма золотого фетишизма особенно долговечна и распространена среди экономистов.

Во времена золотого стандарта, до первой мировой войны, достоинства золота как основы денежной системы обычно принимались без обсуждения, как нечто очевидное и не требующее доказательства. Пожалуй, именно крах золотого стандарта заставил экономистов и социологов внимательнее присмотреться к старому знакомому, попытаться осмыслить его роль в капиталистическом хозяйстве и буржуазной цивилизации.

Не будем более касаться примитивных, наивных форм преклонения перед золотом. Посмотрим, какие темы развивают ученые «певцы золота», претендующие на научный анализ проблемы.

Одна из самых излюбленных тем — золото и «свободное предпринимательство». Исторически господство золота как основы денежной системы ассоциируется с эпохой капитализма свободной конкуренции, а ностальгия по этому миру «порядка и гармонии» встречается на Западе нередко. Вот Эйнциг: «В сущности, справедливо можно сказать, что период золотого стандарта до 1914 года был (и притом во многих отношениях) золотым веком человечества»¹⁷. По этому поводу уместно, пожалуй, привести еще один парадокс Феликса Кривина: «*Золотой век*. Всем известный железный век, который мог бы стать золотым, если бы не его чрезмерное пристрастие к золоту»¹⁸.

В современных условиях за возврат к золоту обычно ратуют сторонники частной инициативы, критики «чрезмерного» вмешательства государства в хозяйственную жизнь. Такая порода людей живуча и встречается во многих сферах, в том числе на университетских кафедрах.

С этим тесно связана другая тема — устойчивость золота и золотых денег, их противoinфляционная природа. Вложение капитала в золото — «остров стабильности» в бушующем море инфляции. Но еще важнее

другое: если золото хоть в какой-то степени является деньгами, хозяйство и само государство вынуждены подчиняться «золотой дисциплине», а это некоторая гарантия от инфляции. Покупательная способность золота складывается стихийно и имеет тенденцию к длительной стабильности. Покупательная способность бумажных денег зависит от того, сколько их выпустит государство. Такая постановка вопроса многих склоняла, конечно, в пользу золота как денег. Не кто иной, как Бернард Шоу, писал с легкой нотой своего неподражаемого юмора: «Вы должны выбирать (в качестве избирателя) между естественной стабильностью золота и естественной стабильностью ума и честности членов правительства. И, при всем подобающем уважении к этим джентльменам, я советую вам, пока существует капиталистическая система, голосовать за золото»¹⁹.

С древних времен между серебром и золотом было своеобразное разделение труда. Серебро было преимущественно внутренними деньгами и мало выходило за пределы государства. Золото испокон веков было мировыми деньгами и использовалось в международных расчетах. «Певцы золота» восхваляют его космополитизм, связующую и объединяющую роль на мировом рынке. Впрочем, это не мешает иным из них восхвалять накопление больших государственных запасов золота, которые всегда служат орудием национализма. С наивной прямолинейностью все тот же Гоббс говорит о золотом запасе США времен второй мировой войны: «Большой запас монетарного золота, которым владеет в настоящее время эта страна, таит в своей желтой массе судьбы стран и всех народов мира»²⁰. Нечего и говорить, что эта вера во всемогущество золотого кулака оказалась пустой, хотя и вредной, иллюзией.

Традиция осуждения золота, хулы и проклятий в адрес этого мертвого предмета столь же стара, как и традиция восхваления. В античном мире оно (в сущности, не золото как таковое, а развитие товарно-денежных отношений) разлагает патриархальный уклад жизни, обесценивает старые моральные ценности, способствует «порче нравов». Как сообщает Плутарх, полулегендарный законодатель древней Спарты Ликург пытался бороться с этой заразой путем запрещения денег из драгоценных металлов. Разумеется, из этого ничего не вышло. Софокл в «Антигоне» говорит, что деньги — проклятие

рода человеческого, что они развращают сердца и учат людей совершать бесчестные поступки.

Различные исторические источники сообщают о «страхе перед золотом» в Древнем Китае, среди германских племен римской эпохи. Этот страх сродни опасениям, которые двигали Ликургом. Подобные вещи мы встречаем не только в седой древности. Когда в 50-х годах прошлого века появились сведения о залежах металла в Южной Африке, парламент трансваальских буров — немногочисленного народа с патриархальными нравами — издал специальные законы, запрещающие разведку полезных ископаемых и разглашение сведений о минеральных богатствах страны ²¹.

Начиная с Платона уничтожение денег есть излюбленная идея утопистов, предлагавших проекты переустройства общества. В сущности, они хотели бы уничтожить капитал и неразрывно с ним связанную эксплуатацию человека человеком. Но утопическим критикам буржуазного общества капитал предстает в блестящем золотом обличье точно так же, как и тем, кто поет ему хвалу.

Как считают исследователи ²², под влиянием Томаса Мора, автора «Утопии» — сочинения, давшего имя всему направлению, сложились строки Шекспира из трагедии «Тимон Афинский»:

...Да, этот плут сверкающий начнет
И связывать и расторгать обеты,
Благословлять проклятое, людей
Ниц повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленопреклоненьем,
Сажая их высоко, на скамьи
Сенаторов... ²³

Шекспир называет золото всесветлой наложницей (в другом переводе — «шлюхой человечества» ²⁴).

Пьер Буагильбер, замечательный французский мыслитель XVII—XVIII веков, один из родоначальников науки политической экономии, писал, что драгоценные металлы как деньги приобрели над людьми тираническую власть и стали главной причиной экономических бедствий. Поскольку деньги сами по себе не являются важными предметами потребления, они кажутся ему в разумном человеческом обществе чем-то искусственным и ненужным. Он клеймит деньги в сильных выражениях:

«Испорченность сердец превратила... золото и серебро... в идолов. Их превратили в божества, которым приносили и приносят в жертву больше благ, ценностей и даже людей, чем слепая древность когда-либо жертвовала этим божествам, с давних пор превратившимся в единственный культ и религию большей части народов»²⁵.

Демократ и гуманист А. Н. Радищев, рассказывая о жизни Ломоносова и его интересе к добыче полезных ископаемых, делает следующее замечание о драгоценных металлах как деньгах: «Злато и серебро яко драгоценнейшие по совершенству своему металлы, и доселе украшением служившие, преображены стали в знаки всякое стяжание представляющие. И тогда только по истинне, тогда возгорелась в сердце человеческом, ненасытная сия и мерзительная страсть к богатствам, которая, яко пламень все пожирающий, усиливается, получая пищу. Тогда оставив первобытную свою простоту и природное свое упражнение земледелие, человек предал живот свой свирепым волнам, или, презрев глад и зной пустынный, протекал чрез оныя в неведомыя страны для снискания богатств и сокровищ. Тогда презрев свет солнечный, живой нисходил в могилу и, разторгнув недра земные, прорывал себе нору, подобен гаду земному, ищущему в нощи свою пищу»²⁶.

В этих архаических, но сильных оборотах Радищев высказал замечательную мысль. Он отметил двойственную роль драгоценных металлов в развитии человечества: с одной стороны, они толкают людей на дальние путешествия, на исследование недр земли и таким образом способствуют прогрессу, с другой — от них происходит гнусность общества, в котором все подчинено погоне за деньгами.

Иллюзия, что все зло, все пороки капитализма происходят от денег, более того, именно от преобладающей роли драгоценных металлов, чрезвычайно живуча. Нет числа проектам освобождения капитализма от его пороков путем отмены денег. Это была любимая идея Пьера Жозефа Прудона — одного из предшественников научного социализма, чье имя по праву выбито среди имен других основателей социализма на граните обелиска в Александровском саду, у стен Кремля. Прудон, который ненавидел и гневно обличал капитализм, полагал: стоит только ввести прямой безденежный обмен товарами по каким-то образом определенной и удостоверенной тру-

довой стоимости (то есть по затратам труда на их производство), и эксплуатация, несправедливость, нищета исчезнут сами собой. Золото и серебро должны при этом вернуться к своему «естественному» статусу обычных товаров. Социализм Прудона и его последователей был мелкобуржуазным: они хотели улучшить капитализм, а не свергнуть его, они не ставили задачу ликвидации частной собственности на средства производства.

В XX столетии, особенно во второй его половине, прямое отождествление золота и капитала, прямая ассоциация желтого металла с пороками капитализма постепенно утрачивают смысл. Это связано с отходом от золотого стандарта и частичным вытеснением золота из денежной сферы. Ненависть мелкобуржуазного реформиста скорее обратится теперь против гигантского монополистического банка, чем против благородного металла. Если в XIX веке критика золота была все же критикой капитализма, то теперь просто невозможно представить себе социалиста любого толка, для которого борьба с всевластием золота была бы важной частью антикапиталистической программы.

Критика золота теперь вполне респектабельна и ведется с позиций государственно-монополистического капитализма. Страстные проклятия золоту сменяются трезвыми рассуждениями на тему о том, что оно должно «знать свое место», что нельзя позволить ему ограничивать государственное регулирование экономики.

Противники и критики золота называют золотой стандарт и вообще денежные функции желтого металла «варварским пережитком». Эти слова Джона М. Кейнса из его книги «Трактат о денежной реформе» (1924 г.) приобрели необычайную известность, стали штампом, лозунгом, заклинанием²⁷. В вину золоту ставится прежде всего негибкость основанной на нем денежной системы, трудность ее сознательного регулирования со стороны государства.

Сторонники золота утверждают, что только оно способно избавить капитализм от инфляции, валютных кризисов и других потрясений. Разумеется, и те и другие хотят капитализму добра, но ищут к этой цели разных путей.

Полемика принимает порой весьма острый характер, вновь и вновь напоминая истину, что золото никого не оставляет равнодушным. Каждая из сторон охотно осы-

пает оппонентов стрелами сарказма. Противники золота изображают его сторонников безнадежными ретроgrадами, приверженцами устарелых догм. Те не остаются в долгу и утверждают, что против золота выступают яйцеголовые — оторванные от жизни профессора, готовые гнаться за любой модной теорией, и честолюбивые, расточительные чиновники высших ярусов госаппарата, их недавние студенты. Один автор заметил, что размежевание проходит по возрасту: старики — за золото, молодые — против. Быть может, в этом заключении и есть доля истины, но дело не в возрасте оппонентов: против золота обычно выступают сторонники активного государственного регулирования экономики, последователи Кейнса; за золото — те, кто возлагает надежды на рыночный механизм. Обе позиции имеют к тому же много нюансов. Одни — за полную и немедленную демонетизацию, другие — за постепенную и осторожную. Одни — за восстановление золотого стандарта в его полном, первозданном виде (таких, впрочем, мало), другие — за частичное и ограниченное, обычно только в международной сфере. В конце концов значимость и авторитет специалиста требуют, чтобы он имел свою позицию, хоть чем-то отличную даже от позиции единомышленников.

МАГНАТЫ

Издавна люди говорят о богаче: мешок с золотом. Однако в действительности значительную часть своего богатства в золоте держит лишь собиратель сокровищ — фигура, типичная скорее для средневековья, чем для «просвещенного» капитализма. Наоборот, с развитием этого строя усиливается стремление держать в золоте и вообще в деньгах (в том числе на вкладах в банках) возможно меньшую долю капитала. Ведь золото как капитал мертво, оно не только не приносит прибыли, но и требует расходов на хранение, страхование и т. д. Наличные деньги тоже ничего не дают. Вклад в банке приносит в лучшем случае процент, по своей величине более низкий, чем прибыль, которую можно получить, если вложить капитал в какое-либо предприятие. Капитал по своей природе не терпит покоя. Если теперь, как мы видели, в моде тезаврация и вложение капитала в золо-

то, то это объясняется не природным благородством желтого металла, а нарушениями в экономике и социально-политической системе капитализма — инфляцией, неустойчивостью, кризисами.

Но отсюда никак не следует, что денежная форма капитала не играет существенной роли. Отмобилизованный, готовый к действию капитал представляет собой определенную сумму денег. В ходе кругооборота капитала часть его всегда должна находиться в форме денег, в форме денежного резерва. Преимущественно денежную форму имеет капитал ссудных капиталистов — банкиров.

Кроме того, важно следующее. Богатство обычно воспринимается как его осязаемый и регулярный результат — доход, а доход всегда поступает получателю как ежегодная сумма денег.

Таким образом, когда желтый металл является деньгами, ассоциация богатства с золотом отнюдь не представляет собой только традиционный оборот речи. Эта связь имеет еще другой смысл. Времена золотого стандарта (конец XIX — начало XX века) были классическим веком богачей, и не просто богачей, а магнатов капитала, создателей финансово-промышленных империй и гигантских семейных состояний. Ничто не мешало им обогащаться и передавать богатство наследникам. Государство не имело необходимости вмешиваться и почти не вмешивалось в дела частного капитала. Налогов на прибыли и наследства почти вовсе не существовало. Деньги были устойчивы, и казалось, что нет в мире ничего надежнее английских консолей (государственных облигаций, приносящих твердый доход). Земной шар был поделен между империалистическими державами, национально-освободительные движения еще всерьез не угрожали иностранным компаниям. Границы между государствами не мешали им, впервые в истории капитализма формировались международные монополии. Это был мир, в котором неравенство между людьми, классами и нациями считалось в кругах буржуазии и буржуазной интеллигенции естественным. Богатство пользовалось уважением и вызывало почтительную зависть.

Конечно, существовало уже сильное рабочее движение, во многих странах Европы действовали влиятельные социал-демократические партии. Революция 1905 — 1907 годов в России была грозным предупреждением не

только самодержавию, но и мировому империализму. Непокойно было в Китае, на Балканах, в других районах земного шара. Но все это еще всерьез не пугало буржуазию главных стран капитализма.

Символом этой эпохи, этого мира собственников и магнатов капитала было золото. Для них то был по-длинно золотой век. Желтый металл не был объектом па-нических спекуляций и пугливого накопительства, как в наше время. Он был законной основой денежных систем и ходил в виде звонкой монеты.

Золотые деньги всегда ассоциировались на Западе и теперь ассоциируются с финансовым и политическим консерватизмом, с борьбой против всяких реформ. Хотя это далеко не всеобщее правило, но часто «за золото» стоят те, кто выступает против профсоюзов, против на-логов на высокие доходы, против широкого избиратель-ного права и т. п. В романе Хейли «Менялы», о котором уже шла речь, радикально настроенная женщина-адво-кат Марго Брэкен говорит в споре с финансовым кон-серватором Дорси, мечтающим о золотой валюте: «При золотом стандарте даже меньшее число людей, чем те-перь, владело бы большей частью мирового богатства, а остальное человечество ходило бы без штанов»²⁸.

Кстати сказать, позиция и язык Дорси заимствованы писателем, который, как известно, отличается дотошным изучением среды действия своих романов, из вполне реальных источников. Прообразом мог, например, по-служить Франц Пик, издатель финансовых обзоров и справочников. Он с яростью обрушивается на профес-соров, проповедующих демонетизацию золота, на «аб-солютно незрелых банковских президентов», на «еще ме-нее интеллигентных чиновников правительства», на «артистов из отдела информации Казначейства США», на всех тех, кто поддается злостным выдумкам об уста-релости золотого стандарта и проводит «антизолотую» политику²⁹. И вымышленный Дорси, и реальнейший Франц Пик пишут и издают свои бюллетени для очень состоятельных людей и играют на понятной тоске бога-чей по добрым временам и порядкам золотого стан-дарта.

Итак, богачи и золото, магнаты и золото — эти по-нятия реально и фольклорно близки между собой. Но эта близость становится особенно тесной и конкрет-ной, когда мы говорим о золотых магнатах, о лидерах

крупного капитала, в чьих руках находятся добыча, рынок и переработка золота.

Усилиями наемных писак и добросовестно увлеченных историографов возникла обширная литература об основателях южноафриканской золотопромышленности. Их времена изображаются как героический и романтический век, а сами они как воплощение энергии, предприимчивости и деловой сметки.

Первым среди «героев золота» обычно называют Сесила Родса (1853—1902). Имя английского колонизатора дало название стране Родезии, которое, впрочем, скоро может исчезнуть с политической карты мира, уступив место древнему африканскому названию Зимбабве. Начало его богатству положили алмазные копи, которые были открыты на десятилетие ранее золотого пояса Витватерсранда. Родс с компаньонами создал в 1887 году компанию «Голд филдз оф Саут Африка», которая и теперь добывает около 20 процентов всего южноафриканского золота. Родс держал в своих руках учредительские акции и был главным административным лицом компании, что давало ему в совокупности ежегодный доход от 300 до 400 тысяч фунтов стерлингов. Отказавшись позже от особых учредительских акций, он получил в обмен обыкновенные акции на сумму 1300 тысяч фунтов³⁰. Родс был премьер-министром английской Капской колонии и много сделал, чтобы спровоцировать англо-бурскую войну, опустошившую Южную Африку.

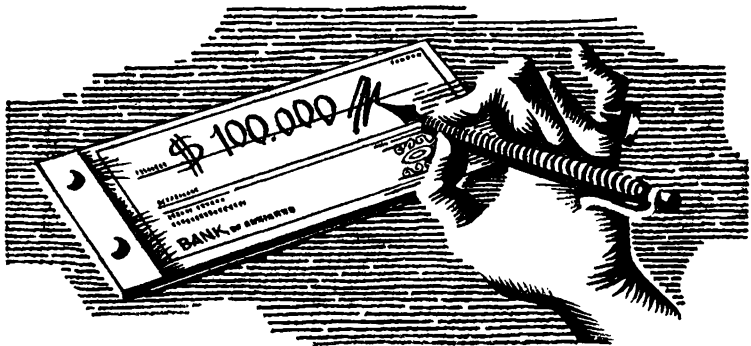
Еще более драматична карьера другого золотого короля — Барни Айзекса, принявшего фамилию Барнато (1853—1897). Выходец из лондонского гетто, балаганный клоун, нищий искатель приключений, он, подобно Родсу, разбогател на алмазах. Когда в разгар золотой лихорадки, в 1888 году, он прибыл в Йоганнесбург, его спросили, что он будет покупать. Его ответ гласил: «Все!»³¹ Через полгода Барнато уже был крупнейшим собственником золотоносных участков. В партнерстве со своим братом и племянником Барнато создал «Йоганнесбург консолидейтед инвестмент компани», которая процветает и поныне. Лондонская биржа жадно хватала акции компании Барнато. Маленький клоун из Уайтчестла вернулся в Лондон финансовым магнатом, лорд-мэр устроил для него пышный банкет. Бурная жизнь Барнато закончилась помешательством и самоубийством.

Имя Эрнста Оппенгеймера (1880—1957) уже упоминалось выше. Он положил начало вовлечению американского капитала в золотодобывающую промышленность Южной Африки. Это отражено даже в названии учрежденного им в 1917 году концерна («Англо-Американская корпорация»). Южноафриканский историк Витватерсрэнда говорит о нем: «Конечно, удача ему сопутствовала. Но у него были смелость и воображение, без которых он не выиграл бы. В сущности, воображение, которое банкиры называют «предвидением», было его главным качеством. У него был дар: он мог, взяв лишь детали какого-либо плана, построить умственным взором всю структуру, какой она будет через пять или десять лет»³².

Сын сэра Эрнста Гарри Оппенгеймер и теперь управляет семейной империей. Но времена меняются. Золотодобывающая промышленность давно не знает сенсационных открытий, лихорадочного учредительства, создания новых концернов. В руководстве компаний теперь заметнее роль специалистов — администраторов, инженеров, финансовых экспертов. Слияния и поглощения компаний, выдвижение новых фирм и лиц скорее вероятны в нефтяной или машиностроительной промышленности.

И все же золото остается особым товаром. Нельзя сказать, что оно важнее нефти: просто оно экономически иное, чем нефть или любой другой вид ископаемого сырья. По словам Эрика Шанеля, «золото остается высшей формой денег, не подверженной, как, по крайней мере, представляется, капризам времени и людей. Весь мир в замешательстве обращается к нему, когда ухудшается национальная или международная экономическая и политическая ситуация. Вот причина, по которой оно играет роль барометра или индикатора трений в экономических системах, особенно в западной капиталистической системе, одним из символов которой оно является»³³.

Итак, мы вернулись к тезису, что золото — символ капитализма. Однако оно не только символ, но и важная экономическая категория. Последующие главы посвящены экономической роли золота в современном капитализме и ее эволюции.

VII. ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ И ЕГО АГОНИЯ

Классик политической экономии Адам Смит, начиная изложение проблемы стоимости в своей знаменитой книге «Богатство народов» (1776 г.), слегка извиняется перед читателем за трудность этого материала. Он говорит, что попытается дать анализ стоимости «возможно полнее и яснее, причем должен со всей серьезностью просить у читателя терпения и внимания: терпения — для рассмотрения подробностей, которые могут порой показаться излишне утомительными; внимания — для усвоения того, что может показаться до некоторой степени неясным даже после самых обстоятельных объяснений, какие я в состоянии дать»¹.

Переходя к вопросу о роли золота в денежной системе капитализма, хочется сказать нечто подобное, тем более что тема близка к смитовой: золото как деньги — это прежде всего мера стоимости.

Казалось бы, золотой стандарт попроще атомного ядра. Но мы здесь в полной мере сталкиваемся с трудностями, которые вообще отличают общественные науки от естественных. В этой области невозможны опыт и экспериментальное подтверждение или опровержение теории. Социальные явления меняются во времени, и то, что было верно несколько десятилетий назад, может оказаться неверным теперь. Выявление причинных связей чрезвычайно затруднено невероятным многообразием действующих факторов, тенденций и контртенденций.

Фактические и статистические данные недостаточно достоверны, а часто вообще отсутствуют.

Поэтому, несмотря на необъятность научной литературы о золоте как деньгах и о золотом стандарте, многое в этой области остается спорным. Нет согласия даже о сущности золотого стандарта, о временных границах его действия и причинах крушения, не говоря уже о современном и будущем статусе золота. Эмоции в этой области часто заменяют факты, а взаимные обвинения — аргументы.

Кроме того, всегда считалось и считается теперь, что по такому вопросу может грамотно высказаться любой интеллигентный человек. К примеру, такие безусловно компетентные в своем деле люди, как Бернард Шоу или Шарль де Голль, наверно, поостереглись бы говорить о ядерной физике, но о золотом стандарте они высказывались весьма категорично.

То, что будет изложено на последующих страницах, может служить лишь самым популярным и упрощенным введением в проблемы денежной и международной валютной системы капитализма.

КАК ЭТО БЫЛО

Время золотого стандарта «размыто» с обоих краев — в начале и в конце. При расширительном толковании начало этой эпохи относят к XVIII веку и, во всяком случае, к 1816—1821 годам, когда в Великобритании после наполеоновских войн был восстановлен обмен банкнот на золото. Но в других крупных странах наряду с золотом серебро еще оставалось основой денежной системы или даже выступало единолично (в частности, в России). Золото еще не было абсолютно преобладающей формой мировых денег. Такие условия сложились лишь к 60-м годам. Как сообщает Гэлбрейт, юридически золото было признано единственной формой мировых денег на одной «довольно малоизвестной конференции» в Париже в 1867 году². Многие авторы датируют начало полного («классического») международного золотого стандарта где-то близко к этой дате, хотя серебро вело арьергардные бои до конца столетия и даже позже, а во внутреннем обращении многих стран (особенно в Азии) так и не было вытеснено золотом.

Непросто обстоит дело и с концом эпохи золотого стандарта. Как полная и развитая система он перестал существовать уже в 1914 году, однако США сохранили золотой стандарт, а Англия, Франция и другие страны восстановили его в урезанных формах после первой мировой войны. Свое «второе крушение» он потерпел в 30-х годах, в период глубочайшего мирового экономического кризиса, когда повсюду был отменен размен банкнот на золото. Но и сложившаяся после второй мировой войны международная валютная система (так называемая бреттонвудская система) оставляла за золотом важнейшую роль. «Окончательный конец» золотого стандарта теперь обычно относят к 1971 году, когда была отменена международная обратимость доллара в золото и тем самым оборвана последняя нить, легально связывавшая мир кредитно-бумажных денег с золотом.

Таким образом, максимально эпоха золотого стандарта охватывает около двух столетий, минимально — полстолетия. Но суть дела состоит в том, что это была денежная система, которая соответствовала определенной стадии развития капитализма — стадии *промышленного (домонополистического) капитализма*. Иногда мы называем эту стадию — капитализм свободной конкуренции. Приблизительно на рубеже XIX—XX столетий она сменилась стадией монополистического капитализма. Золотой стандарт как бы по инерции существовал и даже расширялся в первом десятилетии XX века. Но вся последующая эпоха, начавшаяся первой мировой войной и социалистической революцией в России, эпоха общего кризиса капитализма, есть время умирания золотого стандарта. Он не соответствует условиям и потребностям современного капиталистического хозяйства.

В начале нынешнего века многим наблюдателям казалось, что создана наконец идеальная денежная система как внутри главных стран, так и на международной арене. Ее простота, налаженность, автоматизм, независимость от произвола чиновников вызвали восхищение отнюдь не только у платных наемников капитала. Она казалась красивой, как математическое построение, как хорошо работающая машина. Эта красота была не без пороков, но об этом позже. Она, как обычно бывает в жизни, оказалась недолговечной. Золотой стандарт был лишь эпизодом в истории капитализма, хотя и весьма заметным эпизодом. Прежде чем пойти дальше, отметим три фак-

та, которые особенно важны для правильного понимания этого эпизода.

Во-первых, кратковременность золотого стандарта никак не исключает того, что золото фактически было деньгами до его введения и что оно сохранило в измененном виде функции денег после его ликвидации.

Во-вторых, в эту эпоху золото отнюдь не было единственной и даже количественно преобладающей формой денег; под его эгидой происходило быстрое развитие различных видов кредитно-бумажных денег.

В-третьих, золотой стандарт даже в период своего расцвета существовал в полной мере лишь в группе промышленно развитых стран; остальным приходилось волей-неволей приспосабливаться к порядку, установленному сильными мира сего.

Система золотого стандарта включала несколько основных элементов. Не во всех странах и не все время они были полностью в наличии, но действовала несомненная тенденция к их распространению.

В обращении находились золотые монеты. Они являлись главной формой денег, по отношению к которой кредитно-бумажные деньги и деньги из других металлов играли функционально подчиненную роль. По оценочным данным, в 1913 году на три главных страны (США, Англия и Франция) приходилось 62 процента мирового монетного обращения, причем эта доля возрастала. Значительным было также количество золотых монет в Германии. В России в обращении находилось сравнительно мало золотых денег — по стоимости в два-три раза меньше, чем в каждой из названных стран.

Все остальные виды денег были разменны на золото по номиналу. Первую линию этой разменности создавали частные коммерческие банки, всегда державшие запас монет. В конечном счете разменность обеспечивали центральные банки, где хранились национальные запасы золота. На три названных страны приходился в 1913 году 51 процент мировых централизованных запасов. Как видим, эта доля ниже, чем их доля в обращении монет. Дело в том, что Англия, являвшаяся центром международной валютной системы, по традиции обходилась весьма скромным золотым запасом. Самый крупный золотой запас (1,9 тысячи тонн) уже тогда имели США, на втором месте была Россия (1,2 тысячи тонн), на третьем — Франция (1,0 тысячи тонн).

Централизованные золотые запасы были *главным резервом мировых денег, международных платежных средств*. В 1913 году золотые запасы всех стран мира оценивались в 6,8 миллиарда долларов, а резервы иностранной валюты всего лишь в 0,8 миллиарда долларов. Но доллар здесь использован лишь как счетная единица: реальных резервов в долларах (то есть иностранных вкладов в банках США и американских государственных ценных бумаг за границей) у центральных банков практически не было, а почти все резервы были в фунтах стерлингов и хранились в английских банках.

Золотое содержание каждой денежной единицы определялось законом и поддерживалось неизменным, как правило, на протяжении десятилетий и даже столетий. В связи с этим были также устойчивы соотношения между денежными единицами (валютные паритеты). Золотое содержание фунта составляло округленно 7,322 грамма чистого золота, а доллара — 1,505 грамма, паритет фунта в долларах, как частное от деления первой величины на вторую, — 4,87. Столь же твердые соотношения связывали фунт и доллар с французским франком, германской маркой и другими ведущими валютами.

Существовала свободная *взаимная обратимость валют* (свобода обмена одной валюты на другую). Обмен производился по рыночным курсам, которые отклонялись от паритетов в очень узких границах, обычно не более 1 процента вверх или вниз. Курсы не могли отклоняться больше, потому что должник, который обязан был заплатить долг в иностранной валюте, всегда имел выбор: либо купить на свои национальные деньги эту валюту, либо купить и переслать золото. Например, в течение 1889—1908 годов курс фунта стерлингов в Париже (говорили еще «курс на Лондон») отклонялся от паритета не более чем на 0,67 процента. Курс доллара в Париже («курс на Нью-Йорк») отклонялся от паритета больше — до 1,18 процента. Эта разница объяснялась тем, что пересылка золота между Парижем и Нью-Йорком стоила дороже, чем между Парижем и Лондоном.

Вывоз и ввоз золота был свободен, и золото постоянно передвигалось между странами. Это не значит, конечно, что каждая внешнеторговая и иная международная сделка завершалась платежом в золоте. Подавляющая масса расчетов производилась путем перевода валюты между банками. Золото вступало в игру лишь в

крайних случаях, как последнее средство для погашения сальдо платежного баланса, то есть остатка всех взаимных требований и обязательств между странами. Например, международный платежный оборот за 1894 год оценивается в 20 миллиардов долларов, а движение золота между странами составило около 0,7 миллиарда долларов. Каждый доллар в золоте «обернул» 30 долларов товаров и услуг³.

Нормальное действие этой системы зависело от золотых запасов центральных банков. Чтобы обеспечить бесперебойную разменность банкнот, были приняты законы, которые обязывали центральные банки всегда иметь золота не меньше определенной доли от суммы выпущенных ими банкнот. Чтобы удержать золото и не прибегать к отказу от разменности банкнот при большом истребовании металла, банки имели два главных средства. Во-первых, можно было получить кредит за границей в валюте и в случае необходимости обменять ее на золото. Во-вторых, банки проводили в этом случае ограничительную кредитную политику, в первую очередь повышали процентную ставку по своим ссудам частным коммерческим банкам, чтобы уменьшить объем кредита и обращения банкнот. При повышенной процентной ставке коммерческие банки берут меньше ссуд в центральном банке и сами дают меньше ссуд промышленникам, торговцам, населению. Деньги делаются «дороже», их становится меньше. В результате может сократиться и истребование золота из центрального банка. Кроме того, высокие процентные ставки привлекают в страну иностранный капитал, а это улучшает платежный баланс и уменьшает потребность в золоте для погашения внешнего сальдо, для платежей за границу.

Такова азбука золотого стандарта. Здесь речь идет, однако, лишь о его главных чертах, внешних проявлениях, так сказать, о технике. Более важен вопрос об экономическом механизме золотого стандарта.

МЕХАНИЗМ

В теории, в модели это похоже на систему сообщающихся сосудов. Как жидкость в таких сосудах, золото в условиях равновесия распределяется между странами в грубом соответствии с потребностями хозяйства

каждой из них. Если система выведена из равновесия — либо в результате роста добычи металла в одной из стран, либо в результате резких изменений в платежных балансах, — то стихийно возникают силы, которые через некоторое время вновь восстанавливают нормальное положение.

Это нормальное положение, или состояние равновесия, означает, что платежные балансы удовлетворительно сбалансированы и, кроме того, уровни товарных цен в разных странах примерно одинаковы. Последнее условие надо понимать так: на 1 фунт стерлингов можно, например, купить приблизительно столько же товаров, сколько на 5 долларов в США (вспомним, что таков был округленно паритет между ними) и на соответствующее по паритету количество марок, франков и т. д.

Какой же механизм должен восстанавливать и поддерживать это равновесие? Рассмотрим его на примере.

Предположим, что в силу каких-то причин платежный баланс Англии со всем остальным миром (будем условно рассматривать его как единое целое) ухудшился. Курс фунта стерлингов понизился, стало выгодно обменивать фунты на золото и отправлять его за границу. Происходит отлив золота, уменьшается золотой запас Банка Англии. В остальном мире, напротив, золота становится больше.

Это вызывает следующие симметричные процессы. Золото является основой банковского кредита в стране. Когда оно уходит из Англии, резервы банков уменьшаются, и они сокращают свои ссуды промышленности и торговле. При прочих равных условиях в результате этого падает спрос на товары и происходит снижение цен. Напротив, в остальном мире приток золота становится основой расширения банковского кредита, оживления спроса и повышения цен.

Более спорным является наличие другого гипотетического механизма симметричного изменения цен, который связан с *количественной теорией денег*. Согласно этому взгляду, который ведет свое начало от Давида Рикардо, отлив золота прямо и непосредственно вызывает снижение цен, поскольку в стране становится меньше денег. Меньшему количеству денег противостоит прежнее количество товаров, и цена единицы каждого товара должна снизиться. В странах, куда золото притекает, происходит обратное. Напомним, что речь идет о золо-

тых или разменных на золото деньгах. Марксистская экономическая теория не приемлет это объяснение и не согласна с количественной теорией денег. Почему? Потому что неверно, что стоимость золота якобы устанавливается в обращении независимо от условий *производства* товаров и золота. Эта теория крайне односторонне толкует причины понижения или повышения цен, связывая то и другое только с количеством денег.

Как бы то ни было, в стране, откуда уходит золото, возникает тенденция к снижению цен, а в стране, куда золото притекает, — к повышению цен. Здравый смысл подсказывает, что товары должны стремиться с дешевого рынка на дорогой. Поэтому экспорт Англии возрастает, а импорт сокращается. Улучшается торговый и платежный баланс, повышается курс фунта стерлингов, золото начинает возвращаться в Англию.

Обратные процессы происходят в остальном мире: высокие цены притягивают товары из Англии и удерживают от вывоза товары местного производства. Экспорт остального мира в Англию уменьшается, импорт возрастает, торговые и платежные балансы ухудшаются, курсы валют по отношению к фунту стерлингов снижаются, золото уходит из этих стран в Англию.

Действие этого стихийного механизма подкрепляется описанной выше политикой центральных банков: в Англии процентные ставки повышались и кредит ограничивался, в остальных странах они понижались, кредит становился более доступен. Это оказывало соответствующее воздействие на спрос и цены. Если продолжить сравнение с сообщающимися сосудами, то можно, например, сказать: таким путем несколько расширились соединительные трубки и ускорялся процесс выравнивания уровней жидкости.

Как говорится, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Действительность была далека от идеальной модели, которую мы описали. И это неудивительно. Модель золотого стандарта построена на ряде допущений, которые мало или вовсе не соответствуют действительности. Вот главные из них.

В теории предполагается, что все внешнеэкономические операции чувствительны к ценам или процентным ставкам и меняются должным образом под их воздействием. На деле это далеко не так. В течение всей эпохи золотого стандарта Англия вывозила за границу

долгосрочный капитал: на английские деньги строились в других странах предприятия и железные дороги, правительства размещали займы на лондонском рынке. Столь же регулярно притекали в Англию доходы от капиталовложений. Эти операции шли своим чередом, не обращая, так сказать, внимания на движение золота и валютные курсы.

Не менее сомнительно допущение, что приток золота в страну непременно вызывает увеличение денежной массы и что это увеличение, в свою очередь, вызывает соответствующее повышение цен (а в стране, откуда уходит золото, происходит обратное). Этот тезис подверг острой критике еще Маркс. Если хозяйство страны не испытывает потребности в деньгах, то навязать ему прирост денежной массы в условиях золотого стандарта невозможно. Ввозимое в страну золото может либо уйти в запасные фонды частной тезаврации, либо остаться мертвым богатством в подвалах центрального банка.

Далее. Даже если денежная масса действительно возросла, то это совсем не означает, что обязательно произойдет повышение цен. Важнейшее значение для уровня цен имеет фаза экономического цикла: цены повышаются обычно в фазах оживления и подъема. Вероятно, рост денежной массы мог способствовать повышению цен лишь в той мере и в тех случаях, когда он совпадал с этими фазами цикла.

Наконец — и это, может быть, самое важное, — в реальной жизни выравнивание, восстановление какого-то равновесия происходило вовсе не в виде гладких процессов приспособления, а через острые экономические и кредитно-денежные кризисы, ценой больших жертв для хозяйства и населения.

Отлив золота из страны был обычно симптомом и спутником экономического кризиса. В свою очередь, он усиливал этот кризис. Когда золото уходило, банки сокращали свои ссуды. На денежном рынке наступало «стеснение»: трудно было достать наличные деньги для срочных платежей, часто для таких платежей, от которых зависело, быть фирме банкротом или нет. Банкротство одних фирм вызывало банкротство других, непогашение ссуд вызывало банкротство банков. Кредит оказывался подорванным, все требовали наличных денег: золота или замещающих его банкнот и других кредит-

ных денег. Это называлось финансовой паникой. Центральный банк, который в соответствии с «правилами игры» повышал в этих условиях свою учетную ставку и ограничивал кредит, в сущности, еще больше обострял ситуацию.

Что происходило в таких условиях в хозяйстве? Капиталистические фирмы за бесценок распродавали запасы товаров, сокращали или вовсе прекращали производство, выбрасывали за ворота часть рабочих, снижали заработную плату тех, кто оставался на работе. Возрастала безработица, сокращался национальный доход, ухудшалось положение трудящихся.

Лишь такой ценой и таким путем постепенно изживался экономический кризис, возникали условия для очередного оживления в хозяйстве. При этом возвращалось в страну и золото, восстанавливался золотой запас центрального банка. Чтобы вернуть в подвалы золота на несколько миллионов или десятков миллионов фунтов стерлингов, надо было сдвинуть и привести в движение всю махину экономики страны, нарушив при этом нормальный ход ее развития.

Эта процедура, как заметил один современный западный экономист, «напоминает клоуна, который, увидев далеко отставленный от рояля стул, пододвигает не стул, а, выбиваясь из сил, толкает рояль к стулу»⁴.

Выравнивание и приспособление происходят, но происходят в мучительных судорогах, с тяжкими жертвами, в жестокой борьбе всех против всех. Если это и похоже на систему сообщающихся сосудов, то заполнена она не водой, а какой-то вязкой жидкостью, которая забивает соединительные трубки, пробивается через них бурными потоками, время от времени выплескивается наружу и т. п.

Можно сказать так: приходится удивляться не тому, что золотой стандарт в капиталистическом мире оказался недолговечен, а тому, что он продержался столь долго. Относительная стабильность денег и валют, которую он обеспечивал, объяснялась не его совершенством, а теми конкретными условиями, в которых развивался капитализм во второй половине XIX и в начале XX века. Среди этих условий надо выделить центральную экономическую и политическую роль Англии, которая могла навязывать остальному миру «правила игры» золотого

стандарта. Система эта в значительной мере опиралась на Лондон как на торговый и финансовый центр тогдашнего мира. Центральные банки во главе с Банком Англии поддерживали и охраняли международный золотой стандарт — систему, которая давала им необыкновенную силу и влияние.

До первой мировой войны ни один серьезный экономист не мог даже в мыслях допустить сомнение в благотворности золотого стандарта. Он казался венцом цивилизации, высшим экономическим достижением, символом порядка и буржуазной свободы. Тем более удивительны глубокие и проницательные суждения Маркса по этим вопросам, содержащиеся в особенности в нескольких главах оставшегося незавершенным пятого отдела третьего тома «Капитала».

«Центральный банк есть ось кредитной системы. А металлический запас есть в свою очередь ось банка». Отметив этот факт действительности, он говорит «об ужасающем проявлении во время кризисов этого характера «оси»». Буржуазные экономисты разных школ «одинаково признают необходимость огромных жертв реальным богатствам для того, чтобы в критический момент удержать металлический базис»⁵. И в 60-х годах прошлого века, когда эти мысли были записаны Марксом, и в 90-х годах, когда они были впервые опубликованы Энгельсом, они были совершенно необычны и намного опережали свое время.

Идеи Маркса о золоте и золотом стандарте тесно связаны с основами его учения о природе капиталистического способа производства и его судьбах. В отливе золота, кредитно-денежном кризисе и их экономических последствиях проявляется самая суть капитализма как системы, в которой общественное по своей сущности производство не подчинено общественному контролю.

В противоположность буржуазным экономистам Маркс видел в капитализме не естественный и вечный строй, а лишь закономерный этап в развитии человеческого общества. С этих позиций подходил он и к созданной капитализмом кредитно-денежной системе. Крупные банки и порождаемую ими форму «общественного счетоводства и распределения средств производства» он рассматривал как «самое искусное и совершенное творение, к которому вообще приводит капиталистический способ производства»⁶. Маркс считал, что

этот механизм будет наполнен новым содержанием и использован социализмом. Трудно себе представить, чтобы он мог это сказать о золотых деньгах и механизме золотого стандарта.

МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Более полувека экономисты и политики на Западе спорят о том, какие последствия имело восстановление золотого стандарта в Англии в 1925 году. Дело в том, что во время первой мировой войны английское правительство, как и правительства почти всех других стран, фактически отменило золотой стандарт и постаралось сосредоточить все имеющееся в стране золото в своих руках. Неразмennyй на золото фунт обесценился по отношению к золоту, товарам и твердым иностранным валютам. Финансовые магнаты Сити и консервативные политики не хотели примириться с этим: золотой фунт был символом Британской империи, над землями которой согласно известному выражению никогда не заходило солнце. Нашелся и подходящий человек для проведения операции восстановления — министр финансов Уинстон Черчилль, твердолобый консерватор и империалист, в будущем премьер-министр Великобритании. Операция предстояла мучительная — наподобие той, что описана выше. Надо было добиться снижения уровня цен в стране, повышения курса фунта стерлингов на мировом рынке, улучшения платежного баланса и прилива золота. Это достигалось ценой массовой безработицы, снижения заработной платы, затягивания поясов — с помощью политики, которая в последние десятилетия носит название *дефляция*.

Золотой стандарт был восстановлен на базе довоенного паритета фунта. Это означало, что вновь вводилось и старое соотношение фунта и доллара. Между тем при этом соотношении уровень цен в Англии оказался, несмотря на некоторое снижение, заметно выше, чем в США. Курс фунта оказался таким образом завышенным. Стране, чей валютный курс завышен, трудно экспортировать товары.

Поясним это на числовом примере, так как вопрос о валютных курсах и внешних рынках будет играть заметную роль во всем дальнейшем изложении. Паритет

фунта составлял около 5 долларов. Но в действительности он «стоил» только 4 доллара в том смысле, что какой-то типовой набор товаров, оцененный в Англии в некоторое количество фунтов, в США выражался суммой долларов, в четыре раза превышавшей число фунтов. Эта разница измеряет степень завышенности курса фунта. Предположим, английская фирма продавала в США товар за 1000 долларов. Обменяв их на свою национальную валюту, она получала 200 фунтов стерлингов (1000:5). Но на деле этот товар мог стоить скорее около 250 фунтов (1000:4). При таких условиях английской фирме было невыгодно продавать товар за границей.

Как общее правило, мы можем установить: завышенный курс национальной валюты ограничивает экспорт страны, стимулирует импорт и способствует дефициту торгового и платежного баланса. Понижение курса может при определенных условиях увеличить конкурентоспособность товаров данной страны и помочь выправлению баланса. Такое понижение называют *девальвация*.

Вернемся, однако, к Англии 20-х годов. Поколения экономистов обвиняли Черчилля в невежестве и роковой ошибке. В 1975 году Гэлбрейт писал: «Возврат к золотому стандарту в 1925 году был, может быть, самым безусловно вредоносным действием в денежной сфере в современную эпоху»⁷.

Иные склонны даже утверждать, что сама «великая депрессия» — мировой экономической кризис 1929—1933 годов — проистекает из этой ошибки. Логика здесь такая. Несмотря на ослабление своих позиций в мировой экономике после войны, Англия все же играла в ней важнейшую роль как крупнейший импортер сырья, финансовый центр и т. д.

Восстановление золотого стандарта на базе довоенного паритета и связанная с этим жесткая дефляция сделали Англию в 20-х годах слабым звеном в экономике Запада. В 1926 году промышленное производство было на 30 процентов ниже уровня 1913 года, а безработные составляли более 12 процентов всех работоспособных. Англия не могла успешно экспортировать свои промышленные товары и поэтому сокращала импорт сырья. Слабость Лондона лишала устойчивости весь мировой денежный рынок. Все это помогло превратить биржевой крах в Нью-Йорке осенью 1929 года в мировой кри-

зис невиданных масштабов. При желании можно тянуть эту цепь дальше. Захват гитлеровцами власти в Германии тесно связан с экономическим кризисом. Получается поразительный вывод: даже вторая мировая война причинно связана с восстановлением золотого стандарта в Англии!

Такие построения, конечно, трудно принять всерьез. Мировой экономический кризис был порожден комплексом более глубоких факторов, чем финансовая политика Англии, даже если она была ошибочной. Но способствовать углублению кризиса этот фактор мог. Вспомним, что Маркс, который всегда стремился докопаться до объективной сути экономических процессов, не зависящей от действий людей, тем не менее считал, например, что «невежественное и нелепое банковское законодательство... может усилить... денежный кризис»⁸. Он имел в виду действовавшие в Англии законы, которые жестко ограничивали эмиссию банкнот как раз в те периоды, когда хозяйство остро нуждалось в деньгах.

Всеобщий вопль экономистов-теоретиков и финансов-практиков в 20-х годах гласил: нехватка золота! Между тем количество золота в государственных запасах было в это время почти вдвое больше, чем в 1913 году. Но потребности возросли еще сильнее. Неравномерность распределения запасов резко усилилась: в конце десятилетия почти две трети всего золота капиталистического мира оказалось сосредоточено в двух странах — США и Франции⁹. Но еще важнее другое: вместе с довоенным капитализмом канула в Лету эпоха сравнительной стабильности, международного доверия, постепенности сдвигов. Скажем, золотой запас Англии был в несколько раз больше, чем до войны, но свои функции он выполнял гораздо хуже.

Послевоенный золотой стандарт был лишь бледной тенью довоенного. Обращение золотых монет в небольшой мере сохранялось в США. Англия и Франция восстановили его в виде так называемого *золотослиткового стандарта*: центральные банки обменивали банкноты только на золотые слитки стандартного веса (около 12,5 килограмма). Это практически означало, что «мелочь» отстранялась от операций с золотом, реально правом разменности могли воспользоваться лишь крупные капиталисты, особенно частные банки. Рассказывают, правда, что во Франции, где золотой стандарт продер-

жался дольше всего, до сентября 1936 года, мелкие тезавраторы порой покупали такой слиток в складчину и делили его у ближайшего ювелира¹⁰. Но это уже не нормальное функционирование системы, а ее, так сказать, гримасы и судороги.

Другой формой экономии металла был *золотодевизный стандарт* — система, при которой центральные банки многих стран обменивали свои банкноты не на золото, а на иностранную валюту, которая считалась разменной на золото. Чтобы поддерживать такую разменность, центральные банки держали значительные *валютные резервы*. Если до войны практически единственной *резервной валютой* выступал фунт стерлингов, то теперь его сильным конкурентом стал американский доллар.

Суть этих разновидностей золотого стандарта сводилась к тому, что желтый металл почти полностью изымался из внутреннего обращения и концентрировался в руках государства как мировые деньги, как всеобщее средство платежа на мировом рынке. Но эта система, воздвигнутая с таким трудом и жертвами, существовала всего несколько лет: капиталистический мир стоял на пороге глубочайшего в истории экономического кризиса.

Отход от золота в капиталистических странах происходил по-разному. В Англии золотой фунт пал в сентябре 1931 года под ударами международного финансового кризиса: капиталисты других стран отказали ему в доверии. Правительство объявило, что считает принятые меры временными, но, как заметил английский писатель Норткот Паркинсон (автор знаменитого «закона Паркинсона»), нет ничего более постоянного, чем нечто временное. В США отмена обратимости доллара в золото и мобилизация золота государством были одной из первых антикризисных мер так называемого нового курса президента Рузвельта, который приступил к исполнению своих обязанностей в начале 1933 года в обстановке острейшего кризиса. Франция была последним могикином золотого стандарта. Его отмена произошла в острой политической ситуации, когда буржуазия боролась против левого правительства народного фронта (его возглавлял социалист Леон Блюм), в массовом порядке изымая капиталы из экономики своей страны и переводя их за границу. В Германии фашисты золото и валюту, как и все хозяйство страны, подчинили подго-

товке к войне. Были введены жесткие ограничения на любые платежи за границу, заморожены иностранные счета в марках. Вопрос о золотом стандарте был попросту снят с повестки дня.

Важнейший экономический результат всех этих изменений заключался в том, что твердые соотношения между валютами (паритеты) перестали существовать. Валюты «пустились в плавание» наподобие того, что происходит в наши дни после 1973 года. Как только страна отходила от золота, курс ее валюты резко понижался. Нередко страна добивалась возможно большего снижения курса, потому что это давало преимущество в конкурентной борьбе за рынки. Твердые золотые паритеты были бы в этих условиях только обузой. Золото теперь изымалось из частного денежного оборота и из внутренней сферы. Государство полностью концентрировало монетарное золото и использовало его для международных расчетов как конечное средство платежа. Изменился механизм международного движения металла. Он теперь мог переходить только из подвала одного центрального банка (или особого государственного фонда) в подвал другого банка. Впрочем, в предвоенные и первые военные годы путь у него был один — за океан, в Соединенные Штаты.

В 40-х и 50-х годах главное американское хранилище золота приобрело такую известность, что автор романов о пресловутом тайном агенте 007 Джеймсе Бонде, английский писатель Ян Флеминг сделал сюжетом одного из своих «сриллеров» («Голдфингер») попытку ограбления Форт-Нокса. Этот Голдфингер — патологический обожатель желтого металла и по совместительству «рука Москвы». Лишь необыкновенные качества и решительность Джеймса Бонда не дают ему осуществить этот дьявольский план — при поддержке главарей гангстерских банд украсть у Соединенных Штатов золото на сумму 15 миллиардов долларов (по тогдашней официальной цене 35 долларов за унцию). Что касается власти золота, то Флеминг заставляет Голдфингера многократно распространяться об этом предмете и обнаруживает неплохое знание его.

Концентрация мировых золотых запасов в США играла важную роль во внешней и внешнеэкономической политике американского правительства во время и после войны.

Летом 1944 года делегаты 44 стран, будущих членов ООН, собрались в курортном городке Бреттон-Вудсе (США, штат Нью-Хэмпшир) на международную финансовую конференцию. В Европе, в Азии, на океанах еще бушевала война, но уже видны были контуры победы, уже вставали вопросы послевоенного политического и экономического устройства мира.

На конференции обсуждался неслыханный ранее вопрос — о создании всемирной валютно-финансовой организации и международном регулировании валютных отношений. Дело это было новое и сложное. Конференция приняла решение о создании такой организации — Международного валютного фонда — и утвердила устав («статьи соглашения»), который пошел на ратификацию законодательных органов стран-участниц. Скажем сразу, что Советский Союз не ратифицировал этот документ и не вступил в члены Фонда. Очень скоро после окончания войны выяснилось, что заправляют в Фонде правящие круги США, позиция которых по отношению к СССР становилась все враждебнее.

В настоящее время членами Международного валютного фонда состоят все промышленно развитые капиталистические страны, за исключением Швейцарии, все развивающиеся страны, за исключением немногих малых государств, и некоторые социалистические страны (Югославия, Румыния, Вьетнам, Лаос). Общее число членов на начало 1978 года составляло 132.

Перед глазами создателей бреттон-вудской системы стояли тяжелые 30-е годы, годы мирового экономического кризиса. Считалось несомненным, что события в валютной сфере (крах золотого стандарта, конкурентное обесценение валют, упадок международного кредита, введение всякого рода ограничений торговли и платежей) в большой мере способствовали этому кризису. Страх, что послевоенный период готовит мировому капитализму подобные потрясения, был распространен среди экономистов и политиков.

Меры, которые намечали создатели, шли в двух направлениях. Во-первых, предлагалось ввести строгие «правила поведения» в валютной сфере: не проводить девальвацию без согласия Фонда, отменить и не вводить вновь ограничения платежей за границу и т. д.

Во-вторых, намечалось создание новой системы международного кредита, который Фонд должен был предоставлять странам, попавшим в тиски валютных трудностей.

На Западе принято считать, что у истоков бреттонвудской системы стояли два человека: англичанин Джон М. Кейнс и американец Гарри Д. Уайт. Каждый из них разработал свой проект будущей организации, и оба проекта были представлены конференции. Кейнс считался к этому времени признанным корифеем экономической науки, создателем теории государственного регулирования хозяйства, авторитетом в области экономической политики и финансов. Незадолго до этого он стал лордом — так сказать, первым аристократом от политической экономии. Уайт был практиком, заместителем министра финансов США. Это был «человек Рузвельта» — один из группы соратников и советников президента, сыгравшего столь значительную роль в истории Соединенных Штатов XX века.

Кстати сказать, жить обоим оставалось недолго. Кейнс умер в 1946 году, окруженный почетом. Судьба Уайта сложилась иначе. В годы маккартизма и «охоты за ведьмами» он оказался слишком левым, был обвинен в подрывных действиях и в 1948 году вызван в пресловутый комитет по антиамериканской деятельности на допрос. Через несколько дней после этого он умер от сердечного приступа ¹¹.

Кейнс и Уайт стремились к общей цели — укрепить валютно-финансовую систему и тем самым упрочить мировой капитализм. Но проекты их были во многом различны, потому что Кейнс думал о восстановлении позиций Великобритании, а Уайт — о закреплении руководящей роли США в послевоенном экономическом устройстве. Кейнс предлагал, чтобы кредит Фонда предоставлялся обильно и свободно, ибо было ясно, что Великобритания будет одним из первых претендентов на этот кредит. Это было неприемлемо для США, потому что они неизбежно должны были стать главным кредитором. Поэтому проект Уайта предусматривал гораздо более жесткие условия кредита. Силы были неравны. Конференция почтительно выслушала Кейнса, но приняла за основу проект, который был представлен от лица правительства США.

Главная цель нового валютного порядка заключалась в том, чтобы сохранить преимущества золотого стандар-

та, избавившись от его недостатков. *Преимущества* были таковы: стабильность соотношений между валютами, их взаимная обратимость, свобода движения товаров и капиталов. Важное значение придавалось дисциплине золотого стандарта: если страна «жила не по средствам», она теряла золото и была вынуждена принимать меры экономии и ограничения, проводить политику так называемой дефляции. *Недостатки* заключались в негибкости и стихийности этой системы, именно в том, что она навязывала странам дефляцию слишком рано и слишком часто. А дефляция означала безработицу, замедление экономического роста. Поскольку создатели бреттонвудской системы и без того опасались таких вещей в послевоенном мире, это был, с их точки зрения, главный порок золотого стандарта.

Все же золоту была отведена важная роль в новой системе. Это было связано и с силой традиции, и с верой в его благотворительную роль, и с наличием огромного золотого запаса у США. Но, как говорил Кейнс еще в 1924 году, у золота хотели теперь отнять власть самодержца и оставить его на положении конституционного монарха. Правда, делалось это на американский, а не на английский лад.

Золото восстанавливалось в роли измерителя международной стоимости денежных единиц: каждая страна обязывалась закрепить золотое содержание своей денежной единицы (валюты) и поддерживать его. Золото являлось также главной формой международных резервов, конечным средством погашения дефицита платежного баланса.

Все это совершенно не затрагивало внутренних денежных функций золота. По существу, считалось очевидным, что размен банкнот на золото не будет восстановлен, что внутри стран оно не будет играть роль денег. Впрочем, по традиции в большинстве стран, в частности в США, продолжали действовать законы, требовавшие, чтобы банкноты и другие виды кредитных денег были в определенной доле покрыты золотом. В США эти нормы были отменены лишь в 60-х годах, а кое-где действуют и поныне.

Вводился таким образом своего рода *международный* золотой стандарт. Но на поверку выходило, что это был не столько золотой, сколько *золото-долларовый* стандарт.

Подобно тому как папа римский считается посредником между верующими и католическим богом, так доллар занимал теперь положение посредника между всеми остальными валютами и золотом. В сущности, валюты прикреплялись не к золоту, а к доллару, который считался как бы дубликатом, полноправным представителем благородного металла. В уставе Международного валютного фонда говорилось: «Паритетная стоимость валюты каждой страны-члена будет выражаться в золоте как общем мериле или в долларах США веса и пробы на 1 июля 1944 года» (статья IV, часть I).

Реальное экономическое значение имело золотое содержание доллара, или, что то же самое, официальная цена золота в долларах, так как по этой цене оно использовалось для погашения дефицита платежного баланса — покупалось и продавалось центральными банками. С 1934 по 1971 год эта цена была неизменна и составляла 35 долларов за унцию. Она казалась своего рода естественной константой мировой экономики, как постоянные величины физики.

Для каждой страны важнейшее значение имел долларовый паритет валюты, ее соотношение с долларом. Вокруг установления этой величины шли споры, порой разворачивалась острая борьба. Ведь от нее зависела выгодность экспорта и импорта товаров, результаты других внешнеэкономических операций. Определив долларовый паритет, брали арифмометр и подсчитывали, что это будет означать в золоте. Международный валютный фонд фиксировал ту и другую величины как равнозначные. Первоначальный паритет фунта стерлингов был установлен в 4,03 доллара. В сентябре 1949 года Англия провела девальвацию и снизила этот паритет до 2,80 доллара. Это было своего рода валютное землетрясение, сдвиг, имевший важные экономические и политические последствия. Гораздо меньшее значение имело соответствующее снижение золотого содержания фунта.

Собрав в бронированных подвалах Форт-Нокса и Манхэттена огромную часть мировых запасов металла, США могли позволить себе роскошь свободно обменивать доллары на золото для *иностранных правительств и центральных банков*. Ни американские, ни иностранные частные лица, фирмы и банки такого права не имели. У иностранных государств просто не было в то время долларов, чтобы обменивать их. Но это резко выде-

ляло доллар из всей компании. Если он не был золотым, то был, так сказать, позолоченным.

Эта ограниченная разменность доллара представляла собой тонкую нить, которая связывала всю систему с золотом. Если страна имела валюту, обратимую в доллары, то тем самым эта валюта была в конечном счете и в известном смысле разменна на золото. В первые послевоенные годы обратимости в доллары, как правило, не было, но затем по мере восстановления и укрепления хозяйства страны Западной Европы и Японии ввели такую обратимость. Однако доллар оставался безусловным центром системы.

«Доллар так же хорош, как золото» — эта финансовая «истина» стала у американцев почти пословицей в то время. «Доллар лучше золота!» — восклицали энтузиасты и приводили аргументы: держатели долларов (счетов в банках США и американских ценных бумаг) получают проценты на свои деньги, тогда как металл не только не приносит дохода, но даже требует издержек. Теперь эти изречения могут вызвать лишь улыбку, но в 40-х и 50-х годах они имели известный смысл.

В операциях между центральными банками золото покупалось и продавалось главным образом на доллары, а физически, как мы видели выше, редко покидало пределы США. Но оно продолжало играть роль конечного платежного средства, последнего ресурса для погашения дефицита платежного баланса. Можно было также обратить в золото долларовые накопления центральных банков, предъявив доллары казначейству США для обмена. Поэтому движение металла между государственными хранилищами было довольно интенсивным.

В 1945—1949 годах золото, как в предвоенные годы, уходило в США: для обедневших, разоренных войной стран оно было единственным средством расчета за американские товары. В конце 1949 года золотой запас США достиг рекордной отметки — 21,8 тысячи тонн, что составляло 70 процентов резервов капиталистического мира. После этого стягивание золота в США приостановилось, а в 50-х годах стал нарастать обратный поток. В конце 1960 года они имели 15,8 тысячи тонн (44 процента), а в 1972 году, когда США закрыли золотое окошко, прекратив обмен долларов на золото, — всего лишь 8,6 тысячи тонн (21 процент)¹². На этом уровне золотой запас США застыл, как и запасы дру-

гих стран. Межгосударственное движение желтого металла приостановилось.

Изменение золотого запаса США отражает лишь конечный итог (сальдо) его движения между ними и остальными странами. На самом деле США до конца 60-х годов постоянно продавали золото одним странам и покупали у других. За период 1951—1966 годов было продано 13,2 тысячи тонн и куплено 5,1 тысячи тонн. Разница и составила отлив золота из США¹³.

Сам Международный валютный фонд требовал согласно уставу, чтобы страны-члены вносили четверть своего пая (так называемой квоты) в золото. Если у страны было мало золота, сумма взноса устанавливалась иначе: 10 процентов ее золотых и долларовых запасов.

В формировании послевоенной валютной системы выразилось приспособление государственно-монополистического капитализма к меняющимся условиям в мире. До известной степени она соответствовала потребностям и условиям развития экономики. Она обеспечила условия для значительного расширения мировой торговли и других форм хозяйственного сближения наций. С 1949 по 1970 год физический объем внешней торговли капиталистических стран возрос в четыре раза, причем рост мировой торговли обгонял расширение производства. Это значит, что росло международное разделение труда, развивались специализация и кооперация производства. Расширение внешних экономических связей помогало повышению эффективности экономики.

Конец этой временной и относительной стабильности наступил во второй половине 60-х годов.

РЕЗЕРВЫ И ДОЛГИ

В мире финансов есть такой парадокс: если вы должны кому-нибудь пять долларов и отдать долг нечем, то вы в руках у кредитора. Но если вы должны 5 миллиардов долларов, то кредитор у вас в руках. Соединенные Штаты уже к концу 1967 года были должны остальному миру около 36 миллиардов долларов, из них 18 миллиардов — правительствам и центральным банкам. В настоящее время сумма задолженности приближается к астрономической цифре: 150 миллиардов долларов. Это одно-

временно средство экспансии американского империализма и источник неустойчивости в валютной системе.

Долги Соединенных Штатов другим странам носят специфический характер. Они одновременно представляют собой валютные резервы, запасы международных платежных средств, накопленные другими странами. Как монета всегда имеет две стороны, так, скажем, любой вклад в банке выглядит по-разному в зависимости от того, смотрят ли на него со стороны вкладчика (кредитора) или со стороны банка (должника). Обе эти стороны представляют неразрывное единство, но в данный момент и с данной точки зрения преобладающее значение может иметь одна из них. В первые два послевоенных десятилетия на передний план выступала *резервная* сторона и как-то забывалось, что это вместе с тем американские долги. Когда же накопления достигли десятков миллиардов, главной оказалась *долговая сторона*, ибо под сомнение попала платежеспособность должника. Это «преображение» резервов в долги — важнейший фактор валютного кризиса 70-х годов.

Золотой запас США был подобием резерва, который должен иметь каждый банк, чтобы быть в состоянии в любой момент оплатить наличными вклады своих клиентов. При нормальных условиях одни вкладчики изымают свои деньги, другие несут деньги в банк, и он может обходиться довольно скромными резервами. Но, когда доверие к банку подорвано, когда вкладчики начинают опасаться за свои деньги, начинается массовое, паническое изъятие вкладов. Для этого есть колоритное английское выражение *run on the bank* («набег на банк»).

В первые послевоенные годы США могли совершенно не опасаться такого развития событий. В 1950 году их золотой запас почти в семь раз превышал долларо-вые активы иностранных властей. Но в 1967 году он составлял уже только 78 процентов тех активов, по которым владельцы могли в любой момент потребовать золото. В 1971 году этот процент снизился до 22. Он достиг критической величины, и на этом этапе правительство США захлопнуло окошечко кассы. Для частного банка это означало бы банкротство и распродажу имущества. Но кто мог принять такие меры к самому дяде Сэму?

Крушению золото-долларового стандарта предшествовали драматические события, которые имели важные по-

литические аспекты. В них принимали участие видные государственные люди Запада. При этом нельзя не сказать несколько слов о Франции и ее политике.

В конце 50-х годов период сильной инфляции сменился относительной стабильностью денег и цен. За десять лет промышленное производство почти удвоилось. Проведя модернизацию и рационализацию предприятий, французские фирмы развернули наступление на внешних рынках сбыта, тесня конкурентов. Платежный баланс, который до этого был хронически дефицитным, заметно улучшился, Франция начала накапливать валютные резервы. К концу 1957 года общая сумма золотых и валютных (практически долларовых) резервов снизилась до критически низкого уровня — 645 миллионов долларов. Через десять лет она была в 11 раз больше — почти 7 миллиардов долларов.

Франция стала проводить гораздо более независимую внешнюю политику. Она вышла из военной организации НАТО, прекратила колониальную войну в Алжире, улучшила отношения с социалистическими странами. Франция отказалась послушно следовать в фарватере политики США.

Эти сдвиги тесно связаны с именем выдающегося государственного деятеля Шарля де Голля, который возглавлял страну с 1958 по 1969 год. Де Голль был сложной, своеобразной и яркой личностью. Воспитанный на идеях «величия Франции» и преданный этим идеям, он был склонен ассоциировать его с «честными» золотыми деньгами. Ведь золотой франк, верно служивший Франции более ста лет, ввел Наполеон I, любимый герой генерала. Дефициты и инфляция столь же прочно ассоциировались в его мозгу с мелким политиканством, которое он ненавидел.

Своим интуитивным, основанным более на чувстве, чем на разуме, взглядам де Голль нашел подтверждение и опору в теориях влиятельных французских экономистов, среди которых надо назвать Шарля Риста и Жака Рюэфа. Эта школа во многом противостоит школе Кейнса, поскольку видит спасение капитализма не в усилении государственного регулирования, а, напротив, в укреплении «свободного частного предпринимательства», в сохранении стихийных механизмов рынка. Золотой стандарт, конечно, очень подходит к этим идеям.

Во взглядах французских «металлистов» (сторонни-

ков металлических денег) отразилось и уже известное нам пристрастие французов к золоту. Оно связано с историческими особенностями развития Франции и социальной структурой общества. Во второй половине XIX и в начале XX века Франция была классической страной рантье — денежных капиталистов, живущих доходами на отданный в ссуду капитал. Кредитор, ожидающий погашения займа и выплаты процентов, заинтересован в устойчивости денег. Золото же — самые устойчивые деньги. Французские рантье были разорены инфляцией, начавшейся в 1914 году и имевшей лишь перерыв в 1927—1936 годах, когда Франция была на золотом стандарте. Это усилило тягу к тезаврации золота и тоску по надежным, устойчивым деньгам.

В конкретных условиях 60-х годов французский металллизм приобрел четко выраженное антиамериканское направление. На этот счет сами французские экономисты не оставляют сомнения. Сделав доллар резервной валютой, США получили преимущество перед другими нациями: они могут многие годы иметь дефицит платежного баланса и погашать его бумажными долларами, которые вынуждены принимать и держать другие страны. Отдавая товары и накапливая доллары, другие страны усиливают инфляцию у себя дома. Надо лишить американцев этой возможности, заставить их платить по счетам золотом. Тогда им волей-неволей придется привести в порядок свою экономику, сдержат рост цен, ликвидировать дефицит платежного баланса.

Рюэф и его единомышленники не предлагают восстанавливать размен денег на золото во внутреннем обращении. Но они считают, что усиление его роли в международной валютной системе могло бы оздоровить ее. Золото должно, по их мнению, быть главной формой международных резервов и должно интенсивно обращаться между странами.

Из этих взглядов очевидным образом вытекал практический вывод: требовать от казначейства США обмена накапливаемых Францией долларов на золото. По рекомендации Рюэфа французское правительство это и стало делать, как только у Франции появился «долларовый жирок». 4 февраля 1965 года вопрос был перенесен в сферу высокой политики. В этот день президент де Голль сделал заявление, которое нанесло доллару хорошо рассчитанный и болезненный удар.

Представьте себе, что к банкиру, который уже испытывает трудности с наличными деньгами, обращается один из его крупнейших вкладчиков и изымает значительную часть вклада. Более того, он заявляет, что будет и далее забирать наличными средства, которые числятся или будут зачисляться на его счет. Но мало и этого! Он намеренно привлекает внимание соседей, других вкладчиков к своей операции: спешите, мол, забрать свои деньги, пока не поздно. Банкир же хорошо знает, что если еще несколько крупных вкладчиков последуют этому совету, то ему останется только прекратить платежи. Такого рода события разыгрались в мировой экономике в начале 1965 года. Роль богатого, но очень нервного банкира играло правительство Соединенных Штатов, роль опасливого вкладчика — правительство Франции, остальные роли — другие капиталистические страны, которые держат свои резервы в виде долларовых вкладов. Де Голль подверг резкой критике всю валютную систему Запада в выражениях, соединявших экономический анализ в духе Рюэфа с собственным патетическим стилем генерала-президента: «Мы считаем необходимым, чтобы международный обмен был установлен, как это было до великих несчастий мира, на бесспорной основе, не носящей печати какой-то определенной страны. На какой основе? По правде говоря, трудно представить себе, чтобы мог быть какой-то иной стандарт, кроме золота. Да, золото не меняет своей природы: оно может быть в слитках, брусках, монетах; оно не имеет национальности, оно издавна и всем миром принимается за неизменную ценность. Несомненно, что еще и сегодня стоимость любой валюты определяется на основе прямых и косвенных, реальных или предполагаемых связей с золотом. В международном обмене высший закон, золотое правило (здесь это уместно сказать), правило, которое следует восстановить, — это обязательство обеспечивать равновесие платежного баланса разных валютных зон путем действительных поступлений и затрат золота»¹⁴. Под «великими несчастьями» де Голль, несомненно, понимал мировой экономический кризис 1929—1933 годов и вторую мировую войну. Таким образом, он предлагал восстановить межвоенный золотой стандарт, главным содержанием которого была решающая роль золота в международных расчетах.

Заявление де Голля было подкреплено дальнейшим

изъятием золота из США. Долларовые резервы были доведены до уровня «рабочих остатков», необходимых для текущих операций. Некоторые страны последовали примеру Франции, хотя и не так демонстративно. За три года США потеряли более 3 тысяч тонн золота.

США пытались оказывать давление на другие страны, требуя, чтобы они воздержались от обмена накапливаемых ими долларов на золото. От давления США перешли к выкручиванию рук и угрозам. Отчасти это вроде бы помогло: в 1969 и 1970 годах золотой запас США не уменьшался. Но это был короткий период затишья. В 1971 году поднялась новая волна недоверия к доллару, и некоторые страны Западной Европы вновь стали изымать золото. Это послужило той соломинкой, которая переломила спину верблюду. В августе 1971 года Соединенные Штаты отменили обратимость доллара в золото.

Наследники де Голля — Помпиду, Жискар д'Эстен и другие — продолжали его политику, но менее решительно, с готовностью к компромиссам. Острота «анти-долларовых» выступлений Франции не раз менялась под влиянием разных факторов, но все же ее позиция по главным вопросам, в том числе о роли золота, неизменно отличается от позиции США и часто противостоит ей.

В 70-х годах валютная проблема стала постоянным предметом переговоров на самом высоком уровне. Комментируя выступление президента Франции и перефразируя известное изречение о войне и генералах, одна из французских газет писала, что финансы слишком серьезная вещь, чтобы доверять ее финансистам. С другой стороны, государственному деятелю ныне трудно обойтись без специальных знаний в экономике и финансах. Довольно характерной становится фигура профессора экономики, который делает политическую карьеру министра и государственного деятеля. Такова была карьера английского премьер-министра Гарольда Вильсона, канцлера ФРГ Людвига Эрхарда, премьер-министра Франции Раймона Барра. Да и оба последних французских президента — крупнейшие знатоки в области финансов.

Насколько такое положение помогает экономике страны и мировому капиталистическому хозяйству преодолевать нарастающие трудности, это другой вопрос. Думается, никакой комплект профессоров и практиков не мог бы вывести капитализм из лабиринта кризисов и проблем, которые отличают 70-е годы XX столетия.

VIII. КРИЗИС И РЕФОРМА

Может создаться впечатление, что судьбы золота в наше время решаются совещаниями и комитетами, законами и международными соглашениями. Одни против золота, другие — за, в конце концов достигается компромисс, принимается какое-то согласованное решение. Такова внешняя сторона событий. Никогда еще столько комитетов и советов не обсуждали международную валютную систему и роль золота в ней, как в 70-х годах.

Один американский профессор, не лишенный юмора и склонности к версификации, сочинил в связи с этим стишки на мотив английской народной присказки о Humpty-Dumpty (в переводе Маршака — Шалтай-Болтай). По-русски это звучит примерно так:

Шалтай-Болтай сидел на стене,
Шалтай-Болтай свалился во сне.
Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Опять комитет ad hoc создали
И сели вопрос обсуждать.

Падение Шалтай-Болтая в данном случае — кризис бреттон-вудской системы, который вызвал приступ комитетской лихорадки. Ad hoc означает комитет, создаваемый специально для обсуждения данного вопроса¹.

Конечно, от решений комитетов и тем более от политики правительств многое зависит. Но, присмотрев-

шись к делу пристальнее, видишь, что сами эти решения и меры диктуются объективными процессами в мировой экономике и валютно-финансовой ситуации. Новое рождается не за столами с зеленым сукном или новейшим пластиком, а в самой экономической реальности.

Главные повороты в судьбах золота: отмена обратимости доллара в золото, многократное повышение свободной цены металла, прекращение операций с ним по официальной цене и утрата золотыми паритетами всякого подобия реальности — происходили в кризисных условиях. Когда в 1976 году было наконец достигнуто международное соглашение о «реформе» валютной системы, дело свелось к тому, что было просто зафиксировано фактически сложившееся положение.

КАПИТАЛИЗМ 70-Х ГОДОВ

Это было нелегкое время для экономики мирового капитализма. Позади остались сравнительно высокие темпы роста производства и торговли, «экономические чудеса» в Западной Германии, Японии, Франции. Война в Индокитае и другие события ухудшили положение США, ослабили их позиции. Хроническим больным была Великобритания. За 1971—1978 годы среднегодовые темпы роста промышленного производства в странах развитого капитализма составили только 3,5 процента, тогда как в 60-х годах они доходили до 6 процентов.

Экономический спад 1974—1975 годов был самым серьезным за послевоенный период. Безработица в США и Западной Европе достигла невиданно высокого уровня и упорно не желает рассасываться, хотя спад «официально» закончился. Особенно большие трудности создает одновременное наличие значительной безработицы и сильной инфляции. Государство не может бороться с безработицей, не рискуя вызвать усиление инфляции, и не может принимать действенных мер против инфляции, потому что такие меры (дефляция) могут увеличить безработицу. В этом заколдованном кругу метается экономическая политика многих стран Запада.

Все это не означает, как указывал Л. И. Брежнев на XXV съезде партии, что может наступить какой-то «автоматический крах» капитализма. Он еще имеет немалые резервы, обладает изрядной способностью приспособ-

сабливаться к новым условиям. Во многих отраслях продолжался в это десятилетие интенсивный научно-технический прогресс. Но события 70-х годов в целом указывают на ослабление позиций капитализма в современном мире.

В 1973 году вырвался из бутылки новый джинн — энергетический кризис. Это арабское сравнение тем уместнее, что важную роль тут сыграли страны Ближнего Востока — производители и экспортеры нефти. В результате недальновидной политики правительств и компаний Запада в 50-х и 60-х годах сложилась непомерная зависимость промышленных капиталистических стран от ближневосточной и венесуэльской нефти. Когда в конце 1973 года страны ОПЕК (Организация стран-экспортеров нефти), используя возникшую благоприятную ситуацию, примерно в четыре раза повысили цены на сырую нефть, экономика мирового капитализма испытала сильнейший шок. Нефть потянула за собой другие виды сырья, цены на которое стали скачкообразно повышаться. Все это одновременно усилило инфляцию и обострило экономический кризис. Энергетическая проблема носит длительный характер и продолжает оказывать большое влияние на экономику и политику.

Под влиянием энергетического кризиса и усилившейся борьбы за рынки возникли гигантские диспропорции в международных платежах. Большие кредиты для финансирования ввоза нефти понадобились Великобритании, Италии, Франции. Хотя США относительно меньше зависят от импорта энергетического сырья, они тоже оказались не в состоянии покрывать его обычным экспортом. Самым сенсационным изменением в мировой финансовой ситуации стало образование многомиллиардных доходов и накоплений у нефтедобывающих стран. Потоки нефтяных денег хлынули на счета Саудовской Аравии, Ирана, Венесуэлы, Кувейта и нескольких других небольших стран. Эти страны не в состоянии были в короткий срок использовать миллиарды для закупки полезных товаров, поэтому денежные потоки пошли как бы в обратном направлении — на мировые рынки ссудных капиталов. Огромная их часть осела в виде валютных (главным образом долларовых) резервов. С конца 1973 года до конца 1977-го резервы стран ОПЕК возросли более чем в 5 раз. Чемпионом является Саудовская Аравия. К концу 1977 года она занимала по сум-

ме резервов второе место в мире, уступая только ФРГ. На третьем месте была Япония².

Все диспропорции в платежах были покрыты, профинансированы посредством различных форм кредита. Золото вовсе не участвовало в этих операциях. Централизованные золотые запасы всех стран застыли на цифрах 1971—1972 годов и не меняются. Это одновременно указывает и на эффективность кредитной системы, и на опасности, связанные со сложной пирамидой долгов и требований.

Золотые запасы нефтедобывающих стран ничтожно малы и совершенно не отражают их валютное богатство. В 1977 году у всех стран ОПЕК, вместе взятых, было меньше золота, чем у одной Бельгии или Голландии. Но никто не берется утверждать, что такое положение сохранится надолго. В современных условиях золото может быть куплено только по цене свободного рынка — либо у центральных банков, которые согласятся его продать, либо (и это более вероятно) непосредственно на рынке, главным образом из новой добычи. Финансовая пресса Запада постоянно обсуждает эту возможность, которая пока еще не стала реальностью. Однако этот потенциальный спрос является одним из факторов, поддерживающих цену золота и толкающих ее вверх.

Важнейшим фактом в развитии международной валютной системы в 70-х годах был вынужденный переход от твердых валютных паритетов к «плавающим курсам» — постоянным и значительным колебаниям складывающихся на рынке обменных соотношений между валютами.

Веками считалось, что в сфере золота и валют должна царить стабильность. Теперь ненормальность стала нормой, неустойчивость — единственно устойчивым явлением.

ПЛАВАЮЩИЕ ВАЛЮТЫ

Современная ситуация, в сущности, не имеет прецедентов в истории капитализма. Конечно, и при бреттонвудской системе нередко бывало, что страна не фиксировала паритет или, установив его, фактически не соблюдала. Если при этом курс валюты не закреплялся с помощью валютного контроля (ограничений), то он мог

колебаться на рынке. Однако, во-первых, такой режим считался временным, переходным, и установление твердого паритета оставалось целью; во-вторых, это касалось именно данной валюты, но никак не всей системы. Данная валюта колебалась по отношению к какой-то оси стабильности, но сама эта ось была неподвижна. Такой осью служил связанный с золотом доллар.

Теперь положение иное: нет вообще никакой оси стабильности. Золото, как мерило официальной стоимости валют, вовсе исключено из системы, и ни одна валюта не разменивается на него по твердому паритету. Доллар же, так сказать, плавает в общем бассейне, как все прочие, хотя и выделяется своей массивной фигурой из толпы пловцов.

Курс всегда связывает две валюты. Если одна из них понижается, то другая соответственно повышается, и наоборот. Для ясности можно привести такую аналогию. Если индекс цен растет, то покупательная способность денег падает. Наоборот, если этот индекс снижается (чего, впрочем, теперь не бывает), то покупательная способность денег растет. Точно так же: если доллар падает по отношению к западногерманской мерке, то это само собой означает, что марка повышается по отношению к доллару.

Однако до 1971—1973 годов на курс между данной валютой и долларом всегда смотрели с одной стороны — как эта валюта относится к доллару. Опять-таки доллар был осью, точкой отсчета для всей системы. Теперь другое дело. В конце 1977-го и в течение 1978 года большое беспокойство на Западе вызывало упорное падение курса доллара. Именно эта сторона была в центре внимания, хотя можно было с равным основанием говорить о повышении курса других валют, особенно марки, иены, швейцарского франка.

Плавание валют тесно связано с процессом вытеснения золота из международной валютной системы. Таков очередной парадокс: кризис 70-х годов был кризисом резервных валют, практически кризисом доллара. Но «жертвой» оказался желтый металл: по крайней мере, официально его оттеснили на задворки системы.

Центральное событие в истории золота и валют произошло 15 августа 1971 года. Ему предшествовало нарастающее напряжение на валютных рынках. Недоверие к доллару достигло такой степени, что частные держатели

долларов (банки, фирмы, капиталисты) в массовом порядке стремились избавиться от американской валюты и переводили свои деньги в банки Западной Европы и Японии. Курс доллара упал до нижнего предела, на котором центральные банки этих стран, соблюдая международные соглашения, должны были его поддерживать. Это означало скупать на рынке все новые миллиарды долларов, увеличивая свои и без того огромные резервы.

По правилам игры надо было бы провести девальвацию доллара, чтобы перевод денег из долларов в другие валюты стал дороже. Но США не могли этого сделать, не понижая золотое содержание своей валюты, неизменное с 1934 года, ставшее своего рода политическим фетишем. Другой выход мог заключаться в том, чтобы другие страны повысили паритеты своих валют к доллару. Но они не хотели этого: как мы выше видели, повышение курса валюты ослабляет конкурентоспособность товаров данной страны, затрудняет экспорт. Прошли времена, когда Соединенные Штаты могли навязывать партнерам подобные вещи. Более того, партнеры теряли терпение и недвусмысленно намекали, что они потребуют золото в обмен на свои долларовые накопления.

Советники президента Никсона предложили ему закрыть золотое окошко (отменить обратимость доллара в золото), ввести особую карательную пошлину на ввоз иностранных товаров в США, а также провести некоторые внутренние меры против инфляции. Воскресным вечером 15 августа Никсон в 18-минутной речи объявил эту «новую экономическую политику», которая явилась сильным ударом по партнерам США. Как рассказывал американский еженедельник, новость подняла английского премьер-министра Хита с постели в его загородной резиденции, «а утром в понедельник министры летели в свои столицы, ошеломленные и загорелые, прервав отпуска на юге Франции и на охотничьих угодьях в Шотландии»³.

Но министры мало что могли сделать, по крайней мере в срочном порядке. Скупать на рынке и накапливать «новые» — необратимые в золото — доллары стало совсем бессмысленно, и центральные банки перестали делать это и поддерживать курс доллара. В течение нескольких недель курсы валют большинства промышленных стран повысились по отношению к доллару. Систе-

ма твердых паритетов была нарушена, валюты пустились в плавание.

В последние месяцы 1971 года суматоха совещаний и переговоров достигла апогея. Угроза хаоса заставила искать компромисса. Американцы вели эти переговоры под девизом: все мы сидим в одной лодке, поэтому нельзя раскачивать ее слишком сильно. Европейцы отвечали, что именно Никсон так наклонил лодку, что она уже изрядно зачерпнула воды. Представитель такой далеко не маленькой страны, как ФРГ, однажды заметил, что сидеть в одной «валютной лодке» с Соединенными Штатами все равно что иметь в лодке слона ⁴.

Бреттон-вудская система трещала по всем швам, связь валют с золотом была утрачена. Но привычные формы еще довели над мышлением. Поэтому компромисс искали в установлении новых золотых паритетов и восстановлении более или менее твердых соотношений между валютами. Умы политиков еще не были подготовлены ко всеобщему плаванью, хотя многие экономисты давно ратовали за это.

Компромисс был сначала достигнут в двусторонних переговорах президентов США и Франции, в которых последний в известном смысле выступал от лица всей Западной Европы. Никсон и Помпиду «после долгих частных обсуждений валютных вопросов — предмета, от которого Помпиду был в восторге, а у Никсона, говорят, помутнели глаза, — согласились, что доллар будет девальвирован путем повышения цены золота с 35 до 38 долларов за унцию» ⁵. В декабре 1971 года этот компромисс был закреплен многосторонним соглашением в Вашингтоне.

Заметим прежде всего, что никакого реального экономического значения эта цена не имела и не могла иметь. На свободном рынке золото стоило в конце 1971 года около 44 долларов за унцию, а в конце 1972 года — 65 долларов. Все операции совершались по этим ценам, а по 38 долларов никто золото не продавал.

Суть была в другом. Политически девальвация доллара была капитуляцией правительства США. Бесчисленное число раз американские президенты, министры финансов и другие высшие чиновники заявляли, что золотой паритет доллара неприкосновенен, что доллар никогда не будет девальвирован. При этом подразумева-

лось, что доллар не чета всем другим валютам. Теперь французы имели некоторое основание для злорадного торжества: доллар оказался подвержен тем же порокам, что и все прочие валюты.

Но Соединенные Штаты были достаточно сильны и влиятельны, чтобы выжать из своей уступки максимум выгод. Англия и Франция сохранили прежнее формальное золотое содержание валют, Япония и ФРГ несколько повысили его. В результате паритеты всех этих и многих других валют к *доллару* были повышены в разной степени. Это было именно то, чего добивались США: с подешевевшим долларом им было легче конкурировать на мировых рынках.

Никсон поспешил объявить эти решения «самым важным соглашением по валютной проблеме в мировой истории». На деле заявление американского президента оказалось одним из самых близоруких «в мировой истории». Установленный в декабре 1971 года порядок продержался всего 14 месяцев. Платежный баланс США не улучшился, недоверие к доллару не ослабло. Лиха беда начало: потерявший «невинность» доллар в феврале 1973 года без особых угрызений совести прошел через повторную девальвацию. Цена золота была повышена до 42,22 доллара. Между тем на свободном рынке цена достигла в конце 1973 года 112 долларов, а в конце 1974 года — 187 долларов. Однажды котировка подошла вплотную к цифре 200.

Это был, как любят говорить склонные к высокопарности обозреватели, конец эпохи. Никто уже и не пытался устанавливать новые твердые паритеты. Началась эпоха плавающих валют. Диаграмма валютных курсов после марта 1973 года похожа на веер. Курс западно-германской марки, рассчитанный в среднем по отношению к остальным валютам, взмыл вверх и удерживается на высоком уровне. На другом полюсе находился курс английского фунта стерлингов, он долгое время упорно катился вниз. В последнее время платежному балансу Великобритании стала помогать нефть Северного моря, повысился и курс фунта. Остальные валюты удерживаются между этими полюсами. Движение валютного курса — один из показателей экономического положения страны. Более или менее благоприятное положение, особенно если оно проявляется в активном (положительном) сальдо платежного баланса, обычно

сопровождается повышением курса, неблагоприятное — понижением.

В теории считается, что плавающие валюты резко снижают потребность в золотых и валютных резервах, а в предельном случае вовсе ее устраняют. Имеется в виду следующее: при ухудшении платежного баланса курс валюты опускается столь низко, что возникают факторы, стихийно возвращающие баланс к равновесию. На деле оказалось совсем другое. По разным причинам ни сама страна, ни ее партнеры не могут допустить такого снижения курса. Чтобы регулировать платежный баланс и поддерживать курс рыночными методами, необходимы резервы. Колебания платежных балансов достигают в 70-х годах огромных размеров. Поэтому проблема резервов — их количества и структуры — несколько не смягчилась. Это, как мы увидим ниже, может открыть «второе дыхание» золоту — самой надежной форме резервов.

БУМАЖНОЕ ЗОЛОТО

Эйнциг замечает: если бы золота не было, следовало бы его выдумать — такова его полезность для мировой экономики⁶. Ирония событий состоит в том, что такое «искусственное» золото было создано именно для того, чтобы оттеснить и в конечном счете заменить в межгосударственном обороте желтый металл, защитником которого был Эйнциг. Речь, разумеется, идет не о синтетическом материале с золотоподобными свойствами, а об особой форме кредитных денег, которые опираются на коллективный кредит правительств многих стран.

Международные кредитные деньги были созданы впервые в 1969 году в итоге долгих и трудных переговоров. Они получили название *Специальные права заимствования (СПЗ)*. В нашей литературе чаще используется, впрочем, сокращение *СДР*, образованное от первых букв английского названия — *Special Drawing Rights*.

Вопросы, связанные с СДР и их ролью в международной валютной системе, не отличаются простотой. Американский эксперт, на протяжении многих лет принимавший участие в международных переговорах о реформе этой системы, пишет, что технические аспекты настолько сложны, что не приходится ожидать понимания

их со стороны большинства министров финансов, официально представлявших на переговорах свои страны⁷.

Не знаю, как насчет министров, но для широкой публики и даже для профессиональных экономистов, не занимающихся специально валютной проблемой, эти СДР, несомненно, представляют загадку и теперь. Международный валютный фонд ежемесячно выпускает объемистую книгу — бюллетень «Международная финансовая статистика». Раньше он начинался довольно простой таблицей выраженных в золоте и долларах паритетов валют. Теперь мы узнаем из вводной таблицы нечто малопонятное и неудобоваримое: сколько долларов США стоила одна единица СДР и сколько таких единиц стоил один доллар. Притом эти величины меняются ежедневно: к примеру, 1 марта 1977 года котировка доллара была 0,864165 единицы СДР, а 31 марта — 0,862691 единицы. Доллар чуть-чуть понизился за месяц. Другая таблица показывает ежедневно колеблющийся курс каждой из ведущих валют к доллару.

Далее раньше шла серия таблиц, отражающих операции каждой страны с Фондом и ее валютные резервы. Все эти величины были выражены в долларах, но при желании ничего не стоило пересчитать их в золото или в любую твердую валюту. Это тоже было понятно и привычно. Теперь же мы, например, узнаем, что в конце 1976 года общая сумма резервов ФРГ составляла 29,9 миллиарда единиц СДР, в том числе золота на 4,1 миллиарда единиц, иностранной валюты на 22,0 миллиарда, самих СДР на 1,7 миллиарда и резервной позиции в Фонде на 2,1 миллиарда⁸. Дело еще осложняется тем, что оценка золота в единицах СДР совершенно условна: она вовсе не отражает рыночную реальную цену золота, а отражает только тот факт, что *когда-то* золотое содержание единицы считалось равным золотому содержанию «старого» (до девальвации 1971 года) доллара и составляло 0,888671 грамма. Теперь же единица СДР не имеет никакого золотого содержания и, разумеется, не обменивается на золото. Что касается цены золота в долларах, то она многозначительно приводится в разделе товарных цен, где золото (Gold) по законам английского алфавита попадает между рыбной мукой (Fishmeal) и земляными орехами (Groundnuts). Составители бюллетеня хотят этим показать, что золото демонетизировано, низведено до положения обычного товара.

Откуда взялись СДР, какие функции они выполняют? Почему на журналистском жаргоне их называют бумажным золотом?

Идея создания подобного типа кредитных денег давно носилась в воздухе. Речь шла о том, чтобы ввести в межгосударственный оборот такие деньги, запас которых можно было бы пополнять сознательно, в меру необходимости. Этим они были бы лучше золота, приток которого в централизованные запасы зависит от разных случайностей, вроде открытия новых месторождений и спроса на металл для немонетарных целей. Но они были бы лучше и национальных валют (долларов), использование которых в качестве международных денег привело к кризису. Так это выглядело на бумаге — в проектах экономистов.

На деле все оказалось скромнее, но сторонники внедрения СДР не унывают, полагая, что это только начало. Как центральный банк страны эмитирует (выпускает в обращение) бумажные деньги, примерно так же Международный валютный фонд «создал» и распределил в 1970—1972 годах около 10 миллиардов единиц СДР. В то время единица была по золотому содержанию равна доллару. Эти точно свалившиеся с неба деньги каждая страна зачислила в свои резервы. Естественно, капиталистический мир не стал от этого богаче, потому что богатство состоит в реальных ценностях, а это ценность бумажная. Но для каждой страны в отдельности это прибавление реально: оно увеличивает ее *ликвидность*, способность оплачивать международные обязательства.

Чем СДР похожи на золото? Во-первых, погашая ими дефицит платежного баланса, страна совершает окончательный расчет, как будто она заплатила золотом. Это не кредит, который надо потом погашать. Во-вторых, резервы в СДР в отличие от долларовых резервов не представляют собой одновременно чьи-то долги. Их судьба не зависит от положения должника, например, банков США. В-третьих, СДР, раз попав в оборот центральных банков, не могут никуда уйти из него, а могут только передвигаться от одной страны к другой.

Но, конечно, это не золото. Они не имеют внутренней стоимости и, как всякие кредитно-бумажные деньги, могут обращаться лишь на основе доверия к ним и к выпускающему их органу. Преимущество СДР лишь в том, что они опираются на *коллективный* кредит. Скажем,

банкноты государственного центрального банка, когда их стали выпускать в XVIII—XIX веках, были надежнее, чем банкноты частных банков, но от этого они не переставали быть бумажками. СДР надежнее национальных банкнот и других форм кредитно-бумажных денег, но природа их та же самая. Кстати сказать, СДР существуют только в безналичной форме, как записи на особых счетах страны в Фонде, а не в форме банкнот.

Система СДР несет на себе печать компромисса. США добивались создания таких международных *денег*, которые имели бы широкие денежные функции и могли бы серьезно потеснить золото как средство резервов и расчетов. Франция, традиционно приверженная к золоту, не хотела этого и пыталась свести дело к созданию еще одной формы международного *кредита*. Таким денежно-кредитным гибридом они и оказались. Как заметил один эксперт, СДР подобны зебре: можно считать, что это черное животное с белыми полосами, а можно — белое с черными полосами.

Впрочем, за десять лет страсти улеглись, потому что возможности реального внедрения СДР в качестве резервного и расчетного средства оказались довольно ограниченными. Их доля в совокупной сумме золото-валютных резервов всех стран не превышает 3—4 процентов. (Эта величина зависит от того, считаем ли мы золото по официальной или по рыночной цене.) Оборот СДР между странами также невелик. Теперь даже самые пылкие энтузиасты новых международных денег не надеются, что они к концу столетия заменят золото и национальные валюты.

Проекты таких энтузиастов предусматривают превращение Международного валютного фонда в мировой сверхбанк, а выпускаемых им денег в главное и даже единственное средство резервов и расчетов на межгосударственном уровне. Эти идеи мирового валютного сверхрегулирования сродни модной в свое время концепции ультраимпериализма, которую критиковал В. И. Ленин. Как дело не может дойти при капитализме до единого мирового треста, регулирующего все производство, всю торговлю, все потребление, так дело не может дойти и до мирового сверхбанка, регулирующего в глобальном масштабе деньги и кредит⁹.

Наиболее заметна роль СДР как *счетной единицы* в международных валютных отношениях. Это понятно:

когда золотые паритеты валют были фактически, а затем и юридически ликвидированы и валюты пустились в плавание, остро встал вопрос: в чем считать денежные суммы, если они выражены в разных национальных деньгах? Какой возможен общий знаменатель?

Такие функции и приняла на себя единица СДР. Но это очень своеобразный общий знаменатель: он плавает вместе с валютами. Стоимость СДР не является стабильной ни в золоте, ни в каком-либо наборе товаров. В той мере, в какой валюты обесцениваются под влиянием инфляции, единица СДР обесценивается вместе с ними. С тех пор как единица СДР была внедрена около десяти лет назад, ее реальная покупательная способность упала примерно вдвое. Она только *усредняет* это обесценивание, устраняет крайние случаи.

Стоимость единицы СДР (ее соотношение с валютами) определяется на основе взаимных курсов валют — так называемой «стандартной корзины» из 16 главных валют. Но если это так, то каким образом валюты измеряют свою стоимость в СДР? Получается заколдованный круг. Чтобы выйти из него, была принята некоторая точка отсчета, определена первоначальная стоимость единицы СДР в долларах и других валютах. Первоначальная стоимость единицы СДР составляла 1,20635 доллара и была получена делением золотого содержания СДР на золотое содержание дважды (в 1971 и 1973 годах) девальвированного доллара. Как видим, без золота и здесь не обошлось. Соотношение СДР со всеми остальными валютами было определено, исходя из этой величины и курса данной валюты по отношению к доллару. После этого единица СДР выражает, по существу, не стоимость валют, а отклонение курса каждой валюты по отношению ко всем остальным от этого первоначального уровня.

Измерение в единицах СДР смягчает, сглаживает колебания. Например, с августа до декабря 1977 года курс доллара к марке ФРГ упал на 9 процентов, к японской иене — на 10 процентов, а его соотношение с СДР снизилось только на 4 процента ¹⁰.

Огромные колебания валютных курсов заставляют кредиторов, вкладчиков и других получателей будущих платежей искать какой-то гарантии от потерь. В некоторой мере для этого пригодны СДР: например, при выдаче займа в фунтах стерлингов оговаривается, что возвра-

ту подлежит сумма фунтов, эквивалентная неизменной величине СДР. Если фунт упадет хоть на 20 процентов, кредитор получит обратно прежнюю сумму, выраженную в СДР, то есть, в сущности, в среднем в 16 валютах.

Но, как мы видели, СДР не гарантируют от главной опасности — инфляции. Страны ОПЕК давно приняли принципиальное решение исчислять цены на нефть не в долларах, а в единицах СДР. Однако по ряду причин это решение пока не вводится в жизнь. Одна из причин состоит в том, что это не слишком эффективно: курс доллара к единице СДР понижается очень мало, хотя цены товаров в долларах могут резко расти.

Инфляция заставляет прибегать к разного рода индексным оговоркам такого типа: данная денежная сумма будет увеличена в той мере, в какой повысится индекс оптовых или розничных цен. Но существует множество разных индексов, между контрагентами возникают споры об их применении. У этих оговорок есть и другие недостатки.

Естественно, возникает вопрос: а не годится ли для этих целей золото? Хотя оно и попало в товарный список между рыбной мукой и земляными орехами, цена золота экономически, исторически, политически, психологически отличается от цен этих прозаических товаров. Хотя цена золота резко колеблется, в тенденции она весьма четко отражает инфляционное обесценение доллара и других бумажных денег. Есть симптомы возрождения *золотой оговорки* — условия в договорах, согласно которому денежные суммы пересматриваются в зависимости от цены золота.

МИНИ-РЕФОРМА

Разговоры о необходимости реформы бреттон-вудской системы начались в академических кругах в конце 50-х годов. Вскоре проекты такой реформы стали расти как грибы. Вокруг этого вопроса в 60-х годах образовалась большая литература. Лавры Кейнса и Уайта — создателей Бреттон-Вудса — многим не давали спать спокойно. К концу десятилетия могло возникнуть впечатление, что каждый мало-мальски честолюбивый экономист и политик считал необходимым быть автором какого-нибудь «плана» или на худой конец дополнений и поправок к чужому плану.

Англо-американские планы, как правило, исходили из уменьшения роли золота и внедрения какой-либо формы интернациональных резервов. В крайних вариантах речь шла о создании мирового сверхбанка и полной замене золота и национальных валют международными деньгами, которые планомерно выпускал бы этот сверхбанк. Верные традиции французы предлагали, наоборот, увеличить роль золота и в связи с этим резко поднять его официальную цену, то есть девальвировать доллар, а заодно и другие валюты. Впрочем, было немало исключений. В Англии Эйнциг ратовал за золото, а «антизолотую» позицию руководителей политики США и Великобритании объяснял «комплексом кислого винограда»: подобно лисе из басни, они предлагали отказаться от того, чего у них было мало и становилось все меньше.

Вместе с тем постепенно становилось все яснее, что возрождение золотого стандарта упирается не только в упрямство англосаксов, но и в объективные трудности, в реальные условия развития экономики капитализма. Внимание все более концентрировалось на создании новых резервных средств. Вопрос перешел из сферы проектов и обсуждений в сферу переговоров и финансовой дипломатии, в результате чего возникли известные нам СДР. Их внедрение совпало с острым валютным кризисом начала 70-х годов. СДР не оказали и не могли оказать никакого влияния на этот кризис, но стали одной из основ, на которой строились новые планы реформы.

К этому времени многое изменилось. Важные принципы бреттон-вудской системы были разрушены, валюты пустились в плавание, золотые запасы были заморожены. Реформа стала одновременно и актуальнее и труднее. Осенью 1973 года, когда в бесконечно длинных переговорах были согласованы некоторые принципы реформы, грянул нефтяной кризис. События снова смешали карты валютных реформаторов. После очередной сессии Международного валютного фонда осенью 1974 года, когда предполагалось утвердить реформу, представитель ФРГ сказал, что усилия по выработке реформы международной валютной системы на три четверти провалились. Оставшаяся четверть свелась к юридическому оформлению порядка, который сложился стихийно, в ходе острых кризисов и столкновений интересов.

Гора родила мышь. Лишь с весьма большим усилием над словами можно назвать реформой те изменения

в международной валютной системе, которые были окончательно согласованы в январе 1976 года на совещании в Кингстоне, столице Ямайки. В апреле 1978 года после ратификации достаточным числом стран — членом Международного валютного фонда это соглашение официально вступило в силу.

Остался неизменным статус доллара как резервной валюты. Если золото *уже* не может служить главным средством международных резервов и расчетов, а «бумажное золото» — СДР — *еще* не может играть такую роль (да и неизвестно, сможет ли когда-либо), то за долларом неизбежно остается центральная позиция.

Плавающие валютные курсы получили официальную санкцию в уставе Международного валютного фонда. Возврат к твердым паритетам остается лишь туманной возможностью.

Если в чем-то новое соглашение было сенсацией (известной, впрочем, еще с сентября 1975 года), то только в вопросе о судьбе золота. Официальная цена золота и официальные золотые паритеты валют отменяются. Золото устраняется из операций Международного валютного фонда с его членами. В частности, Фонд не будет теперь требовать золото в уплату части квоты (паевого взноса) каждой страны, как было ранее. Золотой запас Фонда должен быть ликвидирован: одна треть в течение ближайших четырех лет, две трети в дальнейшем. Половина первой трети возвращается странам, которые внесли золото при вступлении, другая половина продается на свободном рынке. Прибыль от этой операции (разница между рыночной и официальной ценой) зачисляется на особый счет и используется для льготных ссуд самым бедным развивающимся странам.

Эти меры означают формальную *демонетизацию* золота, ликвидацию его официальных денежных функций в установленной соглашением международной валютной системе. Комитет Международного валютного фонда, готовивший реформу, заявлял: «Цель должна состоять в том, чтобы увеличивать роль СДР как центральной формы активов в международной валютной системе и, следовательно, уменьшать роль золота»¹¹.

Однако едва лишь стали известны эти решения, как возникла дискуссия: уменьшается ли *реально* роль золота или увеличивается? Дело в том, что отмена официальной цены золота полностью легализует свободную цену,

которая в несколько раз выше первой. Реальная покупательная или платежная сила золотых запасов повышается. Перед центральными банками открывается (с 1978 г.) возможность продавать и покупать в своем кругу золото по высокой рыночной цене. Получается, что резервная функция золота не сокращается, а скорее даже возрастает. Авторы реформы полагали, что из банковских подвалов золото будет постепенно уходить в сферу промышленного применения, но пока что правительства и центральные банки очень неохотно расстаются со своими запасами. Более того, одни продают золото на рынке, другие покупают, хоть и в небольших количествах.

Новая роль золота уже кое в чем проявилась. Италия использовала часть своего золотого запаса как залог, получив под него кредит от ФРГ. Золото при этом оценивалось по рыночной цене. Франция демонстративно пересчитала свой золотой запас на базе средней рыночной цены, отчего он «возрос» в несколько раз. За ней последовали Италия, ЮАР, Австралия.

Все эти факты и тенденции допускают двоякое толкование. С одной стороны, здесь можно видеть проявление демонетизации золота. Оно выступает не как основа всей валютной системы, не как главная форма резервов международных платежных средств, а как *товар*, цена которого, подобно ценам других товаров, колеблется на рынке. С другой стороны, реальная экономическая роль золотых запасов возросла, возможности их использования для регулирования платежных балансов расширились. Масштабы и роль свободного рынка желтого металла увеличились.

Ситуация такова, что одни говорят о вытеснении, другие — о «победе» золота. Заголовок статьи о решениях по золоту, опубликованной во влиятельной французской газете «Монд», гласил: «Демонетизируем золото, да здравствует золото!» (вариация на тему известного изречения «Король умер, да здравствует король!») ¹².

Золото гонят через дверь (через парадный подъезд Международного валютного фонда в Вашингтоне), оно возвращается через окно. Желтый дьявол цепок и упрям.

Кингстонское соглашение не покончило с монетарной ролью золота в международном обороте, хотя значительно видоизменило и в известном смысле ослабило ее. Да и никакое соглашение не способно одним махом ликвидировать эту роль.

Советскому читателю, особенно молодому, аукцион известен, вероятно, главным образом по роману и фильму «Двенадцать стульев». Аукцион — способ продажи товара, при котором он достается тому, кто предлагает самую высокую цену. Как известно, на аукционе, где продавался мебельный гарнитур мадам Петуховой, компаньоны выиграли схватку за драгоценные стулья и получили бы их, если бы Воробьянинов не прокутил деньги.

В капиталистических странах аукцион — вещь довольно обыкновенная. Но продажа золота с аукциона всего несколько лет назад показалась бы вздором любому профессионалу. Теперь же это стало почти рутинным делом. В 1975 году министерство финансов США провело два аукциона, на которых было продано по ценам, близким к тогдашнему рыночному уровню, 39 тонн металла. Во исполнение ямайских соглашений Международный валютный фонд начал 2 июня 1976 года серию золотых аукционов. Сначала они проводились каждые шесть недель, а затем ежемесячно. На двадцати одном аукционе, проведенном до мая 1978 года, было продано около 390 тонн.

Особой необходимости в этих спектаклях не было. С таким же успехом золото могло быть продано обычным путем на рынке, как это, например, делалось во времена Золотого пула (1961—1968 гг.). Метод аукциона был избран, чтобы продемонстрировать, что золото стало обычным товаром. Таким путем продажам золота из централизованных запасов придается максимальная публичность, огласка. Фонд публикует точнейшие данные о числе поступивших и удовлетворенных заявок (предложений покупателей), количестве проданного золота и ценах. Золотые аукционы проводятся в рамках политики, направленной на вытеснение золота из международной валютной системы.

Вашингтонские аукционы Международного валютного фонда мало похожи на шумные и лихорадочные сборища с выкриками покупателей и молотком администратора. Покупатели подают свои заявки в запечатанных конвертах, указывая количество, которое они хотели бы приобрести, и предлагаемую цену. Минимальная величина заявки — 1200 унций (около 37,3 килограмма).

Уже отсюда ясно, что этот бизнес не для рядовых граждан. Для продажи Фонд объявляет определенное количество металла, в последнее время — 524,8 тысячи унций (16,3 тонны) на каждом аукционе. В пределах этого количества удовлетворяются заявки, в которых названы наивысшие цены.

На первых двенадцати аукционах число успешных участников, то есть покупателей, чьи заявки были удовлетворены, колебалось между семью и шестнадцатью. Все это отлично знакомые в финансовом мире «имена» из группы золотых дилеров. В различных комбинациях мы встречаем в этом списке «Большую тройку» швейцарских банков, членов лондонского рынка во главе с домом Ротшильдов, западногерманские гросс-банки Дойче банк и Дрезднер банк, крупнейшие американские фирмы, прежде всего компанию Энгелхарда. До 1978 года в аукционах формально не могли участвовать центральные банки. Но Франция, неизменно занимающая по вопросу о золоте особую позицию, покупала его через посредника — Банк международных расчетов, своеобразное международное учреждение с резиденцией в Базеле (Швейцария).

Возможно, в первое время аукционы Фонда усиливали понижение цен, которое происходило на рынке до осени 1976 года. Такие страны, как Италия и Франция, выражали недовольство этим: обесценивались их золотые запасы, которые им были в это время особенно нужны. Но скоро выяснилось, что аукционы не могут изменить главную тенденцию рынка. На третьем аукционе в сентябре 1976 года цена упала до 109 долларов, а на двенадцатом в марте 1978 года она составляла 192 доллара за унцию.

Предполагается, что к 1980 году Фонд распродаст шестую часть своего золотого запаса и еще одну шестую часть вернет странам, которые внесли золото. Возможно, так же будет поступлено и с остальными двумя третями. В этом случае при нынешних темпах Фонду хватит золота для продажи еще на десять лет.

В США имеются влиятельные круги, которые выступают за возобновление продажи металла из запасов государства. В последнее время вопрос обострился в связи с ухудшением позиций доллара на мировом валютном рынке. Сторонники продаж спрашивают: для чего Соединенные Штаты хранят золото, как не для того, чтобы

пустить его в ход в трудный момент? Такой совет дал Артур Бернс, председатель правления Федеральной резервной системы, маститый ученый и практик, уходя со своего поста в марте 1978 года. Как банкиру и экономисту ему трудно согласиться с тем, что золото на 50 миллиардов долларов (столько стоит золотой запас США по нынешним ценам) должно лежать мертвым грузом, в то время как оно могло бы с пользой «работать». До сих пор США использовали для поддержки доллара краткосрочные займы в иностранной валюте. Было также объявлено, что они введут в действие следующую линию валютной обороны — свои резервы СДР.

Хорошо известно, однако, что против продажи золота всегда возражал Пентагон. Это весьма влиятельное ведомство, и связанные с ним политические круги рассматривают содержимое Форт-Нокса как военно-стратегический резерв. Генералов, вероятно, не интересуют тонкости демонетизации, но вековой опыт говорит им, что в критический момент золото еще никогда никому не мешало и не было лишним.

Мы не знаем, по этой или по какой-либо другой причине, но рыночные продажи золота пока затронули лишь ничтожную долю американского запаса. В 1975 году было продано менее 0,5 процента этого запаса, и затем в течение трех лет ни один грамм металла не покидал государственных хранилища. В апреле 1978 года правительство США объявило о возобновлении аукционов. Намечена программа шести ежемесячных аукционов, на каждом из которых будет продано за доллары 300 тысяч унций (9,3 тонны). Реализация этой программы сократит запасы США примерно на 0,6 процента. Предусмотрена возможность дальнейших продаж, в том числе за иностранную валюту. Специалисты немедленно подсчитали, что при таком темпе «разбазаривания» золотой запас США будет исчерпан через 77 лет.

Каковы цели этих операций? Официально заявлено, что этих целей две. Во-первых, сократить дефицит платежного баланса и поддержать курс доллара. Во-вторых, подтвердить желание Соединенных Штатов продолжать процесс ликвидации международных денежных функций золота.

Как видим, демонетизаторы гнут свою линию. Реакция в Западной Европе на американские действия была не слишком благоприятной, нередко саркастической.

Французская газета «Фигаро» поместила статью своего финансового обозревателя под заглавием «Блеф американских продаж золота». Автор называет это отвлекающим маневром США, которые продают золото на несколько сот миллионов долларов, навязывая одновременно другим странам бумажные доллары (все те же долги-резервы) на десятки миллиардов. США устраивают очередное «шоу» вместо того, чтобы «заниматься своими фундаментальными проблемами»¹³.

По разным причинам некоторые другие страны, не добывающие золото, вынуждены в последние годы реализовать на свободном рынке часть своих запасов. Делается это, разумеется, вовсе не из доктринерского стремления содействовать демонетизации. Известное количество золота продала Португалия, испытывающая большие экономические и финансовые трудности. В мае 1978 года серию аукционов начало правительство Индии, которое намерено продать на внутреннем рынке около 70 тонн металла. Основная цель этой операции — экономическими средствами подорвать контрабанду. По последним оценкам, контрабандный ввоз золота в страну составляет до 60 тонн в год¹⁴.

Выступает ли золото в таких операциях как обычный товар или как мировые деньги? Сведите двух экономистов, которые придерживаются по этому вопросу крайних и противоположных взглядов, и они будут спорить до хрипоты. И, думается, напрасно. Каждый из этих взглядов односторонен, не различает в едином сложном явлении присущих ему противоположностей. Не может быть такого, чтобы несколько лет назад золото являлось *только* деньгами, а теперь стало *только* товаром. Очевидно, «товарные свойства» золота усилились, но они не определяют полностью его современное экономическое бытие.

IX. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

В этой главе подводятся итоги и делаются некоторые прогнозы. Золото переживает переломный период своей многовековой истории. Заключено международное соглашение о его выведении из валютной системы капитализма в качестве меры ценности национальных денежных единиц и в качестве основной формы резервов. Происходит неслыханный ранее процесс сокращения централизованных запасов металла. Рыночная цена золота испытывает огромные колебания, не менее резко колеблются валютные курсы, оторвавшиеся от золота. Многократное повышение цены сопровождается устойчивой тенденцией к снижению производства. Смысл этих фактов и их значение для будущего — сложный и интересный вопрос. Попытаемся наметить хотя бы контуры ответа на него.

СТОИМОСТЬ, ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ, ЦЕНА ЗОЛОТА

Исторически этот вопрос составлял ядро, основное содержание *теории денег*. С вытеснением золота из денежной системы и с отрывом кредитно-бумажных денег от золотой основы центр тяжести этой теории сместился. Главное место в ней стали занимать такие вопросы, как влияние денег и денежной системы на экономический

рост, их роль в государственном регулировании экономики, в борьбе с циклическими кризисами. Но и теперь смысл и взаимосвязь стоимости, покупательной способности и цены золота представляют весьма сложную проблему.

Сама наука политической экономии многими своими корнями уходит в наблюдение и анализ металлических денег. Резкое снижение стоимости и покупательной способности золота (и серебра) в XVI—XVII веках — так называемая *революция цен* дала огромный материал и послужила той основой, на которой формировалась эта новая наука. Как заметил крупнейший советский исследователь денег И. А. Трахтенберг, «вовсе не преувеличением является утверждение, что из вопроса о деньгах выросла экономическая наука»¹. Подобное мнение высказывалось и ранее.

С появлением и развитием кредитно-бумажных денег проблема еще более усложнилась. Откуда берется их покупательная способность и чем она определяется? Американский ученый Пол Самуэлсон, лауреат Нобелевской премии и автор самого популярного в XX веке на Западе учебника по экономике, отмечал, что по вопросу о ценности денежной единицы «было написано больше, чем по любому другому вопросу денежной теории»².

Головоломность теории денег и их ценности (покупательной способности) служила поводом для многих остроумных и иронических высказываний. Основатель банкирского дома и династии Ротшильдов, как передают, однажды сказал, что на свете есть всего два человека, которые понимают золото. Один из них — незаметный клерк в Банке Франции, другой — один из директоров Банка Англии. «К сожалению, — добавил Ротшильд, — они не согласны между собой»³.

Золото имеет одну важнейшую общую черту со всеми товарами: оно производится человеческим трудом. Труд создает *стоимость* золота, как всякого товара. Величина стоимости определяется количеством труда, необходимого при обычных условиях производства для выпуска единицы товара, в данном случае для добычи унции или грамма золота. Повышение производительности труда уменьшает это количество (иначе говоря, рабочее время, измеренное в человеко-часах или других подобных единицах) и, следовательно, снижает стоимость.

Но стоимость скрыта где-то в глубинах хозяйства.

Внешне она может проявиться только в форме *меновой стоимости*. Меновая стоимость есть система соотношений, в которых товар обменивается на другие товары. Эту систему соотношений называют *покупательной способностью* (покупательной силой) золота. В своей основе покупательная способность золота (как и меновая стоимость любого товара) зависит от того, как относятся затраты труда на производство единицы золота к затратам труда на производство других товаров. Отсюда ясно: если затраты труда на добычу золота сокращаются быстрее, чем на производство других товаров (иначе говоря, производительность труда в золотодобыче растет быстрее), то покупательная способность золота при прочих равных условиях должна снижаться. Наоборот, если производительность труда растет быстрее в других отраслях, то покупательная способность золота должна иметь тенденцию к росту.

Однако эта закономерность представляет собой лишь самую абстрактную схему формирования меновой стоимости (покупательной способности) золота. В экономической реальности она складывается весьма сложным образом под воздействием многих факторов, действующих как непосредственно в производстве металла, так и в хозяйстве в целом.

Что такое затраты труда и его производительность? Они складываются из двух частей: живого труда, применяемого непосредственно в золотодобыче, и овеществленного труда — сооружений, машин, транспорта, электроэнергии и т. п. Производительность труда есть совокупная производительность обоих его видов. Она зависит от многих факторов, но прежде всего от богатства месторождения, прогресса техники и квалификации рабочих. Но, оказывается, затраты и производительность труда зависят также от того, как продается золото, от его покупательной способности. Между трудовой стоимостью и покупательной способностью есть не только прямая, но и обратная связь.

Например, по каким-то причинам покупательная способность золота низка. Тогда производители, в современных условиях крупные компании, оставляют в стороне бедные руды, замораживают нерентабельные рудники и таким путем уменьшают затраты труда на единицу продукта. Иначе говоря, снижается стоимость золота.

Низкая покупательная способность золота может

сложиться под влиянием разных причин. Она может быть следствием низкого спроса при большом предложении. Она много лет была искусственно низка, так как цена золота в долларах поддерживалась на неизменном уровне, тогда как цены всех товаров резко повысились.

Покупательная способность золота именно так реально и складывается. С одной стороны, формируется его *цена* в кредитно-бумажных деньгах, с другой — цены всех прочих товаров. Но поскольку золото исторически было деньгами, его цена имела принципиальные отличия от цен других товаров. Ценой товара вообще является его стоимость, выраженная в деньгах, то есть — при золотом стандарте — в золоте. Поскольку золото не может выражать свою стоимость в самом себе, то в этих условиях оно не может иметь экономически значимой цены. Цена золота была просто масштабом, монетным названием определенных весовых количеств золота. Она была лишь перевернутым золотым содержанием денежной единицы.

Цены всех товаров, разумеется, выражались не в унциях и граммах золота, а в долларах и других национальных деньгах. Эти цены были подвижны и постоянно изменялись. Напротив, цена золота была закреплена. Поэтому покупательная способность золота могла меняться только путем изменения общего уровня товарных цен. Если этот уровень повышался, это означало падение покупательной способности золота, и наоборот. В XIX веке общий уровень цен и его движение уже измерялись с помощью индексов цен, хотя первоначально они были очень ненадежны.

При золотом стандарте продать золото означало просто обменять слитки на монеты или на банкноты, разменные на монеты. Продажа и купля золота, в сущности, означала только изменение его формы. Но когда кредитно-бумажные деньги неразменны на золото и являются единственной реальной формой денег в обращении, цена золота в этих деньгах уже не отличается принципиально от цен других товаров. Купля-продажа желтого металла становится во многом подобна купле-продаже любого товара. Производитель золота, продавая его за доллары или фунты стерлингов, не отличается в принципе от производителя алмазов, меди или свинца. В современных условиях это особенно очевидно.

Как исторически менялась покупательная способность золота?

В истории последних столетий можно найти два периода, когда она резко и стихийно менялась под влиянием изменений в стоимости золота.

Первый такой период — время упомянутой революции цен. В Западную Европу хлынул поток «дешевого» золота и серебра из Америки. Эти более низкие затраты труда стали определять стоимость драгоценных металлов. В Испании, где воздействие притока драгоценных металлов было самым непосредственным, средний уровень товарных цен повысился с 1500 по 1600 год в 3,5 раза⁴. С некоторым запозданием то же происходило в других странах Европы.

Второй интересующий нас период — 70—90-е годы XIX века, период утверждения золотого стандарта. С 1872 по 1896 год индекс оптовых цен в США снизился на 50 процентов, в Англии — на 39, во Франции — на 43 процента⁵. Правдоподобно такое объяснение: в этот период не было открыто новых богатых руд (южноафриканское золото еще не успело себя показать), производительность труда в золотодобыче не росла, а, возможно, даже снижалась. Напротив, в большинстве других отраслей шел бурный технический прогресс, повышалась производительность труда. Отсюда рост покупательной способности желтого металла.

Вздорожание золота имело одним из следствий рост рентабельности золотодобычи. Принимая в неограниченном количестве вновь добытое золото по неизменной цене, правительства как бы субсидировали золотодобывающую промышленность. Вероятно, этот неограниченный спрос сам по себе вызывал повышение стоимости золота через следующий механизм. В добычу вовлекались бедные руды и россыпи, где затраты труда на единицу продукта были высоки. Поскольку места добычи золота на земном шаре ограничены и производство не может быть свободно увеличено, эти худшие условия добычи определяют стоимость. При относительно лучших условиях, на более богатых месторождениях предприниматели получают дополнительную прибыль.

Покупательная способность золота к концу столетия была необычайно высока. На унцию металла можно было в среднем купить вдвое больше товаров, чем тридцатью годами раньше. Прибыли в золотодобыче были

фантастически высоки. Можно думать, что это отчасти объясняет чудовищную интенсивность золотых лихорадок той эпохи.

После 1914 года положение с золотом изменилось. Его цена в кредитно-бумажных деньгах разных стран перестала быть раз навсегда закрепленной величиной. Покупательная способность золота теперь зависела от двух факторов: товарных цен в кредитно-бумажных деньгах и цены золота в этих же деньгах. Эта цена стала орудием политики правительств, орудием государственно-монополистического регулирования. Особенно большое экономическое и политическое значение имели действия правительства США.

В марте 1933 года только что пришедшее к власти правительство Рузвельта отменило золотой стандарт и ввело, говоря современным языком, плавающую цену золота и плавающий курс доллара. Государство, как монопольный покупатель золота, постепенно повышало цену. Как рассказывают, президент иной раз определял цену золота на день за завтраком в беседе с министром финансов Моргантау и председателем Реконструктивной финансовой корпорации Джонсом. Однажды цену повысили на 21 цент за унцию только потому, что Рузвельт считал 7 счастливым числом, а для разумного масштаба умножил его на три⁶. К январю 1934 года цена дошла до 35 долларов за унцию и была закреплена на этом уровне. Он был почти на 70 процентов выше старой цены.

Вся эта операция проводилась в расчете на то, что цена золота потянет вверх товарные цены, оживит спрос и поможет вытянуть хозяйство из трясины глубочайшего кризиса.

Однако товарные цены почти не реагировали на удорожание золота. Поскольку цена золота резко возросла, а цены товаров не изменились, произошло повышение покупательной способности золота. В отличие от событий конца XIX века это было теперь результатом волевого акта, политического решения, которое ничего общего не имело с изменением стоимости золота.

Как мы знаем, неизменная официальная цена 35 долларов за унцию поддерживалась правительством США с 1934 по 1971 год. За это время индекс оптовых цен в США поднялся более чем в три раза. Многие товары, в частности драгоценные и цветные металлы, подорожали еще больше. Товарные цены вели себя «как положено» в

период военных, послевоенных и иных инфляций, а цена золота была закреплена как при золотом стандарте. Произошло резкое — и опять-таки экономически не обоснованное — обесценение золота. По мнению многих экономистов, как советских, так и западных, это явилось важным фактором валютного кризиса в конце 60-х и начале 70-х годов.

Упорно поддерживая нереально низкую цену золота, США руководствовались в первую очередь политическими мотивами. Считалось, что повышение официальной цены золота (девальвация доллара) подорвет престиж Соединенных Штатов. В правящих кругах было распространено мнение, что это будет «подарком» Советскому Союзу как золотодобывающей стране, а также странам, которые накапливали золото вместо долларов, особенно Франции.

В 1971—1973 годах Соединенным Штатам пришлось отказаться от своей твердолобой позиции. Это произошло не на базе беспристрастных статистических расчетов и спокойных обсуждений, а в атмосфере острых кризисов, в условиях паники и спешки. Установленная в 1973 году официальная цена 42,22 доллара за унцию с самого начала не имела реального экономического значения. Рыночная цена повысилась с конца 1971 года по конец 1974 года в четыре раза. Это не только ликвидировало заниженность покупательной способности золота, но и вывело его вперед. При исчислении по индексу оптовых цен в США покупательная способность золота была в среднем за 1974 год на 76 процентов выше, чем в 1913 году, и на 63 процента выше, чем в 1934 году. Выраженная в бумажных долларах, цена золота почти в восемь раз превышала цену 1913 года⁷.

За последние четыре-пять десятилетий в экономике капитализма произошли большие изменения. Среди них надо отметить появление *односторонней эластичности цен*. С 1934 года не было практически ни одного года, когда уровень цен в главных капиталистических странах понизился бы. Отдельные товары порой могут дешеветь, но общий уровень цен только повышается. Разумеется, вместе со всеми товарами дорожает и золото.

Это положение принципиально отлично от картины эпохи золотого стандарта. Тогда цены то повышались, то понижались. Были длинные волны движения цен, были относительно краткосрочные колебания. Но в среднем

уровень цен в фунтах стерлингов и долларах к 30-м годам нашего столетия не отличался принципиально от уровня начала XIX века. Поэтому могло быть неизменным и золотое содержание этих денежных единиц.

ЦЕНА ТЕПЕРЬ И В БУДУЩЕМ

Когда в 1933 году Рузвельт повышал цену золота, это воспринималось как важный акт экономической политики. Даже в 1960 году, когда произошла «золотая лихорадка» и свободная цена золота поднялась до 41—42 долларов при официальной цене 35 долларов за унцию, Соединенные Штаты забили тревогу и вскоре организовали Золотой пул для регулирования рынка и рыночной цены. Теперь обстоятельства изменились. Летом 1973 года, когда эта цена перевалила за «психологический рубеж» 100 долларов, американский министр финансов Шульц демонстративно заявил, что его больше волнует цена сосисок, чем золота. В этой шутке было немало лицемерия и рисовки. Старый скептик лондонский «Экономист», существовавший и имевший авторитет уже во времена Маркса, написал, что «мало кто ему поверил». И объяснил: чем выше поднимается цена золота в долларах, тем меньше доверия к доллару⁸. Это сохраняет силу и в настоящее время. Тем не менее и в «административной шутке» министра есть рациональное зерно: цена золота не потеряла своего значения как показатель международных позиций доллара, но инфляцию народ чувствует не по цене золота, а по цене мяса и других жизненно важных товаров, и это имеет первостепенное политическое значение.

Мировая цена золота выражается обычно в долларах: это результат центральной роли валюты США в экономике капиталистического мира. Может случиться, например, так, что цена в долларах растет, а цена в марках ФРГ снижается или растет в меньшей степени. Это, однако, имеет мало отношения к самому золоту, а означает лишь, что в этот период падал *курс* доллара к марке.

Инфляция встроена в экономику современного капитализма. Любой прогноз развития капиталистической экономики исходит из того, что рост среднего уровня цен будет продолжаться в обозримом будущем. Разно-

гласия могут быть лишь по поводу темпов этого роста. Уже это одно делает вероятным, более того, неизбежным повышение долларовой цены золота в будущем. Вопрос заключается в том, будет ли рост цены золота обгонять средний уровень товарных цен в долларах или не будет. Иными словами: будет ли повышаться покупательная способность золота или она будет падать?

Конечной основой цены и покупательной способности золота является его стоимость, движение затрат труда на его добычу в сравнении с затратами труда на производство других товаров. Но эта закономерность прокладывает себе путь через рынок, через соотношение спроса и предложения. Поэтому для прогноза покупательной способности золота надо исследовать конкретные условия его производства и потребления.

Общее количество золота в земной коре и океанской воде огромно, оно исчисляется миллионами тонн. Но промышленные (экономически доступные при данном уровне техники) запасы во много раз меньше. Оценки делаются также при допущении известного уровня цены. Это понятно: если бы цена золота, например, подскочила до 1000 долларов за унцию, то сделались бы рентабельны разработки таких руд, на которые промышленность при нынешней цене не обращает внимания.

По авторитетным оценкам Горнорудного управления США, при уровне цен 1974 года промышленные запасы золота в капиталистическом мире составляли около 35 тысяч тонн, в том числе в Южно-Африканской Республике — 25 тысяч тонн. При нынешних размерах добычи его может хватить на 30—40 лет⁹.

Но и это не дает полной картины. Когда разрабатываются новые богатые месторождения, издержки производства могут резко снижаться и добыча резко расти. Есть ли такая перспектива? По мнению практически всех экспертов, *такой перспективы нет*. Последние крупные открытия в Южной Африке были сделаны в 50-х годах, и сливки с них давно сняты. Геологи не обещают сенсаций. Но даже если бы относительно богатые руды были найдены, потребовалось бы долгое время на их освоение. Прошло бы десятилетие, прежде чем такие находки могли оказать влияние на рынок золота. По данным на 1976 год, в ЮАР строилось лишь три сравнительно небольших рудника и новых рудников не проек-

тировалось. Упоминавшиеся выше находки в Бразилии пока недостоверны и не могут приниматься в расчет.

Руководители южноафриканской золотодобывающей промышленности исходят из того, что до середины 80-х годов сохранится приблизительно неизменный уровень добычи (700—750 тонн), а далее производство будет снижаться. По оценке ответственных лиц из «Англо-Америкэн корпорейшн», в конце столетия добыча, по всей вероятности, будет составлять половину того, что добывается теперь. Компании уже переключают резервы в другие отрасли. Кроме того, надо помнить о большой «неизвестной величине» в Южной Африке — национально-освободительном движении и его воздействии на золотодобывающую промышленность.

Нет симптомов, которые предвещали бы рост производства золота в других капиталистических странах. Как говорилось, в США, Канаде и некоторых других странах значительная доля золота приходится теперь на попутную добычу.

Такова картина со стороны *производства*. Из трех известных нам сфер *потребления* (государственные запасы, частная тезаврация и промышленность, включая ювелирное дело) наиболее ясно, казалось бы, дело обстоит с первой: золото формально демонетизировано и даже продается с аукциона; для чего оно при таких условиях правительствам и центральным банкам? Но вывод о том, что эта сфера не будет предъявлять спроса, был бы весьма поспешным. Кто может поручиться, что деньги Саудовской Аравии или Кувейта не будут вложены в золото даже без существенного изменения мировой политической и финансово-экономической ситуации? В случае каких-либо особых обстоятельств это еще более вероятно. По имеющимся сведениям, Саудовская Аравия пока ограничилась тем, что перевезла свой небольшой золотой запас из Нью-Йорка на свою территорию, а Кувейт купил на свободном рынке несколько тонн золота. Ни один эксперт не даст также гарантии, что центральные банки Франции, Швейцарии и еще нескольких стран откажутся от покупки золота, если будут считать это политически и коммерчески целесообразным.

Спрос на ювелирные изделия, как говорят экономисты, эластичен по доходу, особенно при высоком уровне дохода. За этим специальным языком скрывается простая вещь: если человек, имеющий, скажем, 50 тысяч дол-

ларов годового дохода, получил прирост дохода в 10 тысяч, то он истратит на ювелирные изделия, например, 5 процентов этой суммы, но из следующих 10 тысяч — уже 7 или 8 процентов. Доля же продовольствия при этом сократится. Поэтому рост доходов обеспеченных слоев ведет к более чем пропорциональному увеличению спроса на ювелирные изделия. Разумеется, этот спрос гораздо более сложное явление с экономической и социальной стороны. Но, во всяком случае, не приходится ожидать снижения спроса на золото в этой сфере.

Электронная и другие отрасли промышленности предъявляют устойчивый, хотя и довольно медленно растущий, спрос. Это же характерно для зубоврачебного и зубопротезного дела.

Вывод очевиден: нет оснований ожидать снижения реальной цены (покупательной способности) золота. Напротив, есть серьезные основания ожидать, что она будет повышаться. События 1974—1978 годов укладываются в эту схему, в этот долгосрочный прогноз. Достигнув в конце 1974 года спекулятивного пика (почти 200 долларов за унцию), цена золота затем снизилась до 110—120 долларов. Но уже в 1976 году началось новое, более устойчивое повышение, и в начале 1978 года она достигла 180—190 долларов. В июле 1978 года цена золота уверенно перешагнула очередной психологический рубеж — 200 долларов за унцию. Его покупательная способность, во всяком случае, не снизилась по сравнению с 1974 годом. Возможно, это стартовая площадка для нового подорожания.

Всякий прогноз носит вероятностный характер. Так и здесь. Вероятность повышения покупательной способности золота значительна, но это недостоверно. Будущее по самой своей природе содержит элемент неопределенности. Тем не менее этот прогноз важен для оценки перспектив золотодобывающей промышленности и капиталовложений в нее.

Как видим, здесь парадокс на парадоксе. Спрос и цена товара растут, а его производство снижается. Золото демонетизируют, а цена на него повышается. Но главный парадокс действительности заключается в следующем: *современный капитализм не может базировать свою денежную систему на золоте, но вместе с тем он не может обойтись без золота.*

Тенденция к сокращению денежных функций золота не может вызывать сомнений. В новейшем советском учебнике отмечается: «В условиях современного капитализма усилилась тенденция к *демонетизации* золота, т. е. к постепенной утрате золотом функций денежного товара... Золотые деньги не соответствуют экономическим потребностям государственно-монополистического капитализма. Они превратились в своеобразную «золотую цепь», сдерживающую экспансию монополий и использование инфляции как метода регулирования экономики... Процесс демонетизации золота отражает достигнутый уровень развития и обобществления производства, а также приспособление денежной сферы к требованиям государственно-монополистического капитализма»¹⁰.

Вопрос здесь поставлен совершенно правильно. В дискуссиях по золоту на Западе дело часто выглядит так: можно демонетизировать золото, а можно и сохранить за ним функции денег. Одни хотят первого, другие второго, но позиции сторонников демонетизации сильнее, потому она и происходит. На самом деле вытеснение золота из денежной системы есть объективный процесс, не зависящий от чьей-либо воли, он навязан капитализму самим ходом исторического развития. Это не исключает, конечно, того, что темпы и формы вытеснения могут определяться соотношением сил влиятельных групп внутри страны или на международной арене. Хорошо известно, что экономическая и политическая сила США играет в последние годы важную роль в формальной международной демонетизации золота.

Золотой стандарт соответствовал условиям более простой экономики XIX века. Приток или отлив золота мог оказывать свое воздействие на кредитно-денежную сферу, структура которой тоже была относительно проста, и через нее на экономику в целом. Современная кредитно-денежная система отличается сложностью и многозвенностью, столь же сложны ее связи и каналы ее влияния на сферу производства.

Золотой стандарт отвечал условиям домонополистического капитализма, когда производство было раздроблено среди массы мелких предприятий и каждое из них не могло оказывать никакого влияния на цены своих товаров. Но он ограничивает экспансию крупных предприя-

тий, их стремление устанавливать монопольно высокие цены. Если цены в данной стране повышались, то это вело к ухудшению платежного баланса и потере золота. При золотом стандарте это положение могло быть исправлено только одним путем — ограничением банковского кредита и капиталовложений, снижением цен. Ныне это неприемлемо для крупного капитала.

Еще менее совместим золотой стандарт с государственно-монополистическим капитализмом. Трудно себе представить, как капиталистические страны могли бы нести огромные военные расходы и усиливать инфляцию, если бы правительства были скованы «золотой дисциплиной». Были бы крайне затруднены и различные формы государственного регулирования экономики, которое играет в современном капитализме такую важную роль. Золотой стандарт ограничивал бы стратегию экономического роста и антикризисные меры, так как все это связано с большими бюджетными расходами и расширением кредита. Ни одно правительство не может теперь позволить себе жертвовать производством и занятостью рабочей силы ради сохранения золотого запаса и поддержания размена бумажных денег на золото.

Невозможен оказался даже урезанный, ограниченный лишь международной сферой «золотой стандарт бреттон-вудского типа», хотя его сознательно пытались сделать более гибким и маневренным. Как выяснилось, он мог существовать лишь в специфических условиях первых двух послевоенных десятилетий, когда США занимали безусловно центральное место в экономике мирового капитализма, а доллар служил удовлетворительным «заместителем» золота. Но когда разменность доллара на золото (для иностранных центральных банков) и твердый паритет доллара стали всерьез стеснять экономическую политику правительства США, оно отменило эти остатки золотого стандарта. Формальная демонетизация золота лишь зафиксировала тот факт, что в ходе валютного кризиса бреттон-вудская система потерпела крушение, во всяком случае, в части золота, резервных валют и твердых паритетов.

Капиталистические страны жизненно заинтересованы в известной стабильности международной валютной системы. Эту проблему неизменно обсуждают главы государств и правительств ведущих стран Запада на их экономических совещаниях, которые стали с 1975 года регу-

лярными. Первое такое совещание осенью 1975 года в Рамбуйе (Франция) подтвердило меры по демонетизации. Четвертое совещание летом 1978 года в Бонне обсуждало вопрос о поддержании доллара, курс которого падал в последние месяцы. Но никому даже в голову не могло прийти искать стабильности на путях восстановления валютной роли золота.

Формальная международная демонетизация — это лишь бледная тень глубинных стихийных изменений, которые произошли в экономическом бытии и функционировании золота. Суть денег выражается в их функциях. Поэтому надо посмотреть, в какой мере прекратилось, в какой изменилось выполнение золотом функций денег.

Наиболее очевидно обстоит дело с функцией средства обращения. Золото давно не выполняет ее. Конечно, и при золотом стандарте оно далеко не везде и не в значительных количествах находилось в обращении. Но оно всегда потенциально могло вступить в обращение, оно стояло за кредитно-бумажными деньгами, которые только были его представителями.

Золото утратило также функцию платежного средства (средства погашения отложенных платежей). Никто не считает теперь платеж в кредитно-бумажных деньгах временным, неокончательным и не ждет, что при окончательном расчете он получит золото.

Функция сокровища неузнаваемо изменилась. Централизованные золотые запасы больше не служат фондами для размена кредитно-бумажных денег. Они утратили всякую связь с внутренним денежным обращением. Частные золотые запасы в былые времена играли роль резервного фонда обращения: золото уходило в них, когда становилось излишним для обращения, и выходило наружу, когда возникала экономическая необходимость пополнения обращения. Ныне тезаврационные накопления имеют совсем другой характер. Они служат противoinфляционным и политическим страховым фондом и оторваны от денежного обращения.

Наиболее сложно обстоит дело с функциями меры стоимости и мировых денег. Когда золото было деньгами в полном смысле этого слова, все было ясно. Оно измеряло стоимость каждого товара и давало основу для образования цен всех товаров. Если кредитно-бумажные деньги были разменны на металл, то они точно таким же образом измеряли стоимость товаров. Если разменности

не было, то кредитно-бумажные деньги могли обесцениться по отношению к металлу. Товары тогда приобретали двойные цены — золотые (или серебряные) и бумажные. Но бумажные цены не были самостоятельными, они лишь выражали степень обесценения этих денег.

В России в первой половине XIX века главным денежным металлом было серебро и цена каждого товара выражалась в серебряных рублях. Но, кроме того, обращались государственные ассигнации — особого рода бумажные деньги, выпуск которых начался еще при Екатерине II. Государство не обменивало ассигнации на серебро по номиналу, и они имели текущий рыночный курс. В зависимости от размеров эмиссии, политического и экономического положения в стране и других факторов серебряный рубль мог стоить два, три, четыре рубля ассигнациями (ниже их курс не падал). Поэтому каждый товар имел две цены — в серебряных и ассигнационных рублях. Когда Собакевич яростно торгуется с Чичиковым из-за мертвых душ, он запрашивает «по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнациями, право, только для знакомства». Эта же цена в серебре была бы гораздо накладнее.

Хотя цены в ассигнациях были широко распространены, по существу, это были только удвоенные или утроенные цены в серебре. Никому не приходило в голову считать ассигнации основной формой денег, а серебро — товаром, имеющим цену в ассигнациях. То, что здесь речь идет о серебре, а не о золоте, не меняет суть дела.

Каждому ясно, что теперь положение другое. Металлические деньги вовсе не обращаются, цены в них не выражаются, само золото имеет вполне реальную цену в кредитно-бумажных деньгах. Подавляющая часть вновь производимого золота используется в промышленности и никакого отношения к денежной сфере не имеет. Можно ли считать, что функция золота как меры стоимости в этих условиях осталась неизменной? Очевидно, нет.

Маркс рассматривал деньги как единство их функций. Он указывал на те условия, при которых золото может в полной мере служить всеобщим эквивалентом товарного мира: «...Золото функционирует как идеальная мера стоимости только потому, что оно уже обращается как денежный товар в меновом процессе. В идеальной мере стоимости скрывается, таким образом, звонкая монета»¹¹. Но именно эти условия давно отсутствуют в ка-

питалистической экономике. Если звонкая монета и падает людям в руки, то вовсе не как деньги, а как специфический тезаврационный товар.

Непреодолимые силы исторического развития вытесняют золото из денежной сферы. Но товарам как-то надо сравнивать, сопоставлять свои стоимости, в чем-то надо выражать цены. Они не могут найти для этой цели ничего иного, кроме кредитно-бумажных денег. Мало смысла обсуждать вопрос, хорошо это или плохо. Просто это единственно возможный путь развития.

Существование и обращение кредитно-бумажных денег неразрывно связаны с государством, которое санкционирует и удостоверяет их общественную функцию. Поэтому укрепление национально обособленных государств играет важную роль в жизнеспособности кредитно-бумажных денег. Инфляция и обесценение есть закон их жизни, форма их существования. Это важный фактор обострения противоречий современного капитализма. Но он вынужден приспосабливаться и приспосабливается к этим условиям. Пока сохраняется определенная степень экономической и социально-политической стабильности, кредитно-бумажные деньги так или иначе справляются со своими задачами. Возникает законный вопрос: не может ли произойти *стихийный* возврат к золоту как к единственной устойчивой основе денег в случае утраты этой стабильности? Косвенный ответ на этот вопрос можно искать в таких ситуациях последних десятилетий, как западные зоны оккупации Германии в 1945—1948 годах, Южный Вьетнам перед крахом марионеточного режима в начале 70-х годов, некоторые страны Латинской Америки с «трехзначной инфляцией» (то есть ежегодными темпами роста цен свыше 100 процентов). Опыт показывает: в подобных условиях возрастает, принимает чудовищные формы тезаврационный спрос на желтый металл. Но нигде не наблюдается его превращение в основу измерения стоимостей, выражение в нем товарных цен и заработной платы. Скорее могут возникать локальные и временные «меры стоимости» вроде соли, сигарет или продовольственных талонов.

И все же здесь уместно большое НО! Уже говорилось, что к вопросу о золоте и деньгах прямо относится важнейший принцип диалектики: явление никогда не существует в чистом виде, и утверждения типа «да» — «нет» не могут привести к истине. Утрата золотом функций

денег есть длительный процесс, и едва ли можно утверждать, что он завершился.

Сравнительно недавно, в 1973 году, во Франции выпущен государственный заем, получивший биржевую кличку «Жискар» — по имени тогдашнего министра финансов (ныне президента республики) Валери Жискар д'Эстена. Облигации этого займа погашаются не по номиналу, а по курсу, который рассчитывается с учетом изменения рыночной цены золота в Париже. В США отменяется введенный в 1934 году запрет золотой оговорки: юридически можно увязывать сумму будущего платежа с ценой золота в бумажных долларах. Можно сказать, что в этих и подобных случаях золото косвенно выступает в роли меры стоимости, точнее, меры обесценения кредитно-бумажных денег. Конечно, те, кто считает демонетизацию золота полной и завершенной, возразят: с таким же успехом можно привязать сумму погашения займа или долга к цене серебра, цинка, нефти и вообще любого товара и набора товаров. Действительно, наборы товаров порой применяются для такой индексации. Но как отдельный товар в этой функции, насколько известно, применяется все же только золото. В бесконечном море товаров оно и теперь занимает особое место. В большой мере это отражение той роли, которую золото еще играет в международной экономической сфере. В конце концов, центральные банки не хранят запасы меди, олова и даже серебра, но продолжают упорно хранить запасы золота. На стороне денежного бытия золота мощная вековая традиция, его блестящее прошлое. Было бы опрометчиво сбрасывать со счетов этот фактор.

Мировые деньги — та функция, которую золото сохраняет дольше всего. Это вполне естественно: замена золота кредитно-бумажными деньгами в сфере, где не действует юрисдикция национального государства, особенно затруднена и в современных условиях до конца едва ли возможна.

Некоторые думают, что без золота нельзя обойтись как без мерила ценности национальных денежных единиц. Это не так. Золотые паритеты валют в настоящее время отменены, и это не оказало на экономику заметного влияния. Гораздо важнее роль золота как потенциального и реального международного платежного средства. Это единственный вид резервов, для которого не стоит вопрос о доверии и признании. Любые другие фор-

мы резервов представляют собой в экономическом смысле *кредит*. Накопленные средства в долларах — это долги США другим странам со всеми вытекающими отсюда последствиями: они обесцениваются инфляцией, могут быть при определенных условиях заморожены правительством США, используются им как средство давления. Хотя резервы стран в Международном валютном фонде и специальные права заимствования (СДР) опираются на коллективный кредит многих государств, они тоже надежны лишь в обстановке международного доверия, в нормальных условиях. Никто не может гарантировать, что эти условия не изменятся, что стране не потребуются в какой-то обстановке резервы, стоимость и ликвидность которых не зависят от внешних факторов, от чужой воли. Этим требованиям соответствует золото, и пока не видно, чтобы что-то могло его в этой функции успешно заменить.

Золото, по-видимому, не утратило роли военно-стратегического резерва — разумеется, не как сырье, а как всеобщее платежное средство, как резерв мировых денег. Многократное повышение цены золота резко увеличило реальную рыночную ценность золотых запасов. Соответственно возросла их способность погашать дефициты платежных балансов. В новых формах возобновляется движение золота между централизованными запасами и рынком. Поскольку одни страны продают его на рынке, а другие покупают, в конечном счете металл переходит от одних государств к другим. Но это и есть традиционная функция, которую он всегда выполнял на мировом рынке.

Желтый металл, объявленный в качестве денег варварским пережитком и вроде бы «изгнанный из хорошего общества», упорно не желает уходить со сцены. На специальном языке эти обратные прорывы золота в денежную сферу иногда называют *ремонетизацией*.

История не повторяется. Представляется невероятным возврат к золотому стандарту в какой-либо из его традиционных форм. Но едва ли правильно исключать известное восстановление денежных или квазиденежных (деньгоподобных, «как бы» денежных) функций золота, особенно в международной сфере. Такие прогнозы можно встретить порой там, где их вовсе не ожидаешь. В 1976 году вышла заметная книга, соавтором которой является Герман Кан, директор Гудзоновского институ-

та в США, один из самых известных футурологов. В экономической части прогноза развития западного мира на ближайшие двадцать лет авторы предвидят «широкое развитие индексированных контрактов и финансовых документов и, возможно, возобновление роли золота в международной валютной системе (последнее главным образом в виде средства сохранения стоимости и, может быть, в виде счетных денег). СДР (специальные права заимствования) тоже будут развиваться в качестве мировых денег, но почти наверняка не получают всеобщего признания»¹².

После заключения бреттон-вудских соглашений распространилось мнение, что создана какая-то устойчивая и длительная международная валютная система. В известной мере это подтвердилось. Ныне ничего подобного нет. «Мини-реформа» 1976 года никакой новой системы не создала. Существующий валютный порядок рассматривается как временный, переходный. Нет, однако, никакой ясности, к чему готовится переход, когда и при каких условиях такой переход может произойти.

В 1967 году, когда еще доллар был обратим в золото и действовала бреттон-вудская система, американский профессор Киндлбергер опубликовал любопытную работу «Проблема международных денег и мирового языка». Он сравнивал в ней золото как мировые деньги с латинским языком и говорил, что ностальгические мечты о возрождении монетарной роли золота столь же утопичны, как проекты восстановления латыни в качестве космополитического языка. СДР он уподобил эсперанто, отметив безуспешность попыток его введения в международный оборот. Что же остается? Киндлбергер делает вывод: как английский язык стихийно становится главным международным языком, так американский доллар практически является лучшими международными деньгами. Кстати сказать, предлагавшуюся тогда «академическими экономистами» систему плавающих курсов и более или менее равного участия многих валют в международном обороте он сравнивал с вавилонским столпотворением¹³. Согласно Библии сооружение гигантской башни в древнем Вавилоне было сорвано отсутствием общего языка у строителей.

Прежде всего заметим, что «вавилонское столпотворение» в валютной сфере стало фактом. Курсы плавают, и другие валюты, помимо доллара, стали шире использо-

ваться в качестве международных резервов. Нынешний доллар совсем не тот, которому профессор прочил роль естественных и вечных международных денег. И этот доллар, инфляционный, неразмennyй, обесценивающийся, все же служит эрзацем международных денег. Все равно что английский язык был бы мировым языком, хотя и не имел бы, например, формы будущего времени.

ЗОЛОТО В ЭКОНОМИКЕ КАПИТАЛИЗМА

В томе «Нового энциклопедического словаря» (русской энциклопедии досоветского времени), вышедшем накануне первой мировой войны, статья о золоте начинается так: «Экономическое значение золота огромно. Не говоря уже об его техническом применении, на золоте покоятся — и теперь больше, чем когда-либо — денежные системы почти всего мира. Есть основание полагать, что эта функция золота, равно как и размеры его добычи, близки к своему апогею». Автор далее отмечал: «Денежные системы современности обнаруживают... признаки перехода к другим формам платежных средств, расширяя обращение бумажных знаков, покоящееся на юридической силе и экономически регулирующей деятельности государства»¹⁴.

В отношении размеров добычи золота прогноз не вполне оправдался: с 1913 по 1970 год она возросла в капиталистическом мире вдвое. Что касается денежных функций желтого металла, то они действительно достигли апогея к началу первой мировой войны. В целом экономическое значение золота по сравнению с началом XX века уменьшилось. Едва ли слово «огромно» было бы теперь уместно при его характеристике. Это объясняется, конечно, тем, что золото перестало быть основой денежных систем.

Попытаемся проверить этот тезис на «модели гиперболоида». Я имею в виду упомянутый во введении сюжет фантастического романа А. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Допустим, фантазия Толстого и мечта обаятельного и преступного авантюриста Гарина осуществились: найден способ производства золота с издержками, не превышающими, скажем, издержки производства меди. Что произойдет с экономической системой капитализма в этой ситуации? Мыслим ли экономический

кризис и политический крах существующего строя в США, как в «Гиперболоиде»?

Скажем прямо: такие последствия удешевления золота, пусть даже тысячекратного, представить себе трудно. Возможно, произошли бы какие-то бурные события: толпы людей в первое время осаждали бы места, где золото продавалось бы по несколько долларов за килограмм; организованные рынки золота закрылись бы; акции золотодобывающих компаний покатались бы вниз, это могло бы даже вызвать общую биржевую панику. Утратили бы ценность централизованные золотые запасы, тезавраторы потеряли бы тем больше, чем большая доля их состояния оказалась бы вложенной в золото. Далее началась бы более долгосрочная перестройка: изменилась бы экономика ювелирной промышленности, электронная промышленность и некоторые другие отрасли стали бы шире применять золото...

Но все это далеко от экономической и социально-политической катастрофы, от крушения системы. Общий (абсолютный) уровень товарных цен и ставок заработной платы в долларах и других денежных единицах не изменился бы или, в крайнем случае, незначительно изменился бы под влиянием косвенных и отдаленных эффектов удешевления золота. Относительные цены товаров тоже не сдвинулись бы, если не считать многократное падение покупательной способности золота и, возможно, какое-то воздействие на цены товаров-заменителей и т. п. Хотя золото перестало бы играть роль валютного актива, в международной валютной системе тоже не произошло бы, вероятно, внезапных катастрофических сдвигов. В частности, соотношения между валютами, что играет ныне решающую роль, не изменились бы.

Впрочем, пора из области фантастики вернуться к реальности. Наша модель иллюстрирует лишь хорошо известный факт уменьшения денежных функций золота в современном капитализме. Но, как мог видеть читатель, с экономическим бытием золота в целом дело обстоит достаточно сложно. Произошло и происходит не только и, можно сказать, не столько сокращение, сколько *изменение* экономической роли золота.

Уже говорилось: потребительная стоимость (экономическая полезность) любого товара носит исторический характер. Может быть, к золоту это относится даже больше, чем к другим товарам: его полезность больше

определяется чисто социальными факторами. Новые формы использования золота отчасти обусловлены развитием производительных сил — способов производства, техники, новых видов продукции. Электроника представляет самый очевидный пример. С другой стороны, влияют социально-экономические факторы — эволюция капитализма как общественного строя, изменения в структуре общества, в роли государства, в социальной психологии. Эти факторы обусловили уменьшение денежных функций желтого металла. Но они же порождают новые сферы применения, новые формы экономического бытия золота. Факторы первого и второго рода тесно переплетаются. Рост ювелирного применения золота отчасти отражает развитие производительных сил и закономерные сдвиги в структуре потребления. Но в еще большей степени он связан с развитием структуры буржуазного общества, со специфическими чертами буржуазного образа жизни. Золото обслуживает показное и престижное потребление, накопительство, укрывание доходов и богатства от правосудия и фиска. Эти черты искони присущи капитализму и только укрепляются с его развитием. Как мы знаем, они не исчезают сами собой и после ликвидации капитализма. Это те пережитки в психологии и поведении людей, с которыми сталкивается и социализм.

Инфляция, экономическая и социально-политическая неустойчивость создают особую сферу применения и спроса на золото в условиях современного капитализма. Это инвестиционный, тезаврационный и спекулятивный спрос. Нет никаких оснований ожидать, что значение этих факторов будет ослабевать. Скорее наоборот.

Золото объективно не может быть основой современной валютной системы. Но может ли эта система удовлетворительно и долго существовать без золота — это отнюдь не доказано. Будущее покажет, до каких пределов и в каких условиях возможно освобождение международной валютной системы, *кредитной* по своей экономической природе, от золота.

Желтый дьявол может менять свое обличье. Он прячется за благопристойным фасадом прогресса, кредита, техники, искусства. Но пока существует капитализм, жив и желтый дьявол. В сознании людей он по-прежнему остается символом буржуазной цивилизации, цивилизации денег. И с полным основанием.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. ВВЕДЕНИЕ: ЗОЛОТО В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

¹ Большая Советская Энциклопедия, 3-е изд. Т. 9. М., 1972, с. 567.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 225, 226.

³ О. Бальзак. Гобсек. Собр. соч. в 24-х т. Т. 1. М., «Правда», 1960, с. 353.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 104.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 49.

⁶ А. Н. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина. Полн. собр. соч. Т. 5. М., ГИХЛ, 1947, с. 251.

⁷ E. Chanel. L'or. Denoël, 1974.

II. КАК ЗОЛОТО СТАЛО ДЕНЬГАМИ

¹ Цит. по: Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. Избранные экономические произведения. Т. 2. М., Соцэкгиз, 1959, с. 360.

² И. А. Трахтенберг. Бумажные деньги. — В кн.: Денежное обращение и кредит при капитализме. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 83.

³ Цит. по: К. Менгер. Основания политической экономии. Общая часть. Одесса, 1903, с. 273—274.

⁴ I, 94 (Геродот. История в девяти книгах. Л., «Наука», 1972, с. 42).

⁵ I, 50 (Геродот. Указ. соч., с. 25).

⁶ Валюты стран мира. Справочник. Под ред. С. М. Борисова и др. М., «Финансы», 1976, с. 368.

⁷ R. Triffin. The Evolution of the International Monetary System: Historical Reappraisal and Future Perspectives. Princeton Univ., 1964, p. 59.

⁸ A. Nussbaum. A History of the Dollar. N. Y., 1957, p. 104.

III. ДОБЫЧА ЖЕЛТОГО МЕТАЛЛА

¹ Ф. Кривин. Несерьезные Архимеды. М., «Молодая гвардия», 1971, с. 60.

² А. С. Пушкин. Скупой рыцарь. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 4. М., «Художественная литература», 1975, с. 278.

³ Н. В. Петровская. Самородное золото. Общая характеристика, типоморфизм, вопросы генезиса. М., «Наука», 1973, с. 95.

⁴ E. Chanel. L'or. Paris, Denoël, 1974, p. 233.

⁵ Ibid., p. 38.

⁶ Н. В. Петровская. Указ. соч., с. 13.

⁷ В. И. Соболевский. Благородные металлы. Золото. М., «Знание», 1970, с. 17.

⁸ Там же, с. 40.

⁹ Н. Quiring. Geschichte des Goldes. Die goldenen Zeitalter in ihrer kulturellen und wirtschaftlichen Bedeutung. Stuttgart, F. Enke, 1948, S. 217.

¹⁰ Н. В. Петровская. Указ. соч., с. 237.

¹¹ О. Л. Алмазова, И. П. Боженко, И. Г. Доронин. Производство, потребление и рынки золота в капиталистических странах. — «Бюллетень иностранной коммерческой информации», прилож. 3, НИКИ МВТ СССР, 1974, с. 61.

¹² Д. Лондон. Золотой каньон. Избранные произведения. Т. 2. М., «Художественная литература», 1976, с. 82.

¹³ Т. Green. The World of Gold Today. L. a. o., Arrow Books Ltd., 1973, p. 53.

¹⁴ О. Л. Алмазова и др. Указ. соч., с. 114.

¹⁵ E. Chanel. Op. cit., p. 26.

¹⁶ F. Hobbs. Gold. The Real Ruler of the World. Chicago, The Business Foundation Publishers, 1943, p. 125.

¹⁷ Н. Quiring. Op. cit., S. 44.

¹⁸ Ibid., S. 123.

¹⁹ См.: Д. Дефо. Робинзон Крузо. БВЛ. Серия 2, т. 52. М., «Художественная литература», 1974, с. 32.

²⁰ A. Soetbeer. Edelmetallproduktion und Wertverhältniss zwischen Gold und Silber seit der Entdeckung Amerika's bis zur Gegenwart. Gotha, Justus Perthes, 1879, SS. 107—111.

²¹ Н. Quiring. Op. cit., SS. 286—287.

²² A. Soetbeer. Op. cit., S. 110.

²³ Ibid., S. 39.

²⁴ Т. Green. Op. cit., pp. 30—31.

²⁵ С. Цвейг. Открытие Эльдorado. Собр. соч. в 7-ми т. Т. 3. М., «Правда», 1963, с. 91—99.

²⁶ E. Suess. Die Zukunft des Goldes. Wien, W. Braumuller, 1877.

²⁷ P. Einzig. The Future of Gold. N. Y., Macmillan, 1935, pp. 67, 63.

²⁸ Валюты стран мира, с. 362—363.

²⁹ «The Diamond News and South African Jeweller», Kimberley, November 1977, p. 33.

³⁰ Н. Quiring. Op. cit., SS. 43, 112, 113.

³¹ Ibid., S. 156.

³² Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золото. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 6. М., «Художественная литература», 1955, с. 74, 78.

³³ Г. В. Фосс. Золото. Типы месторождений, история добычи, сырьевые базы. М., Госгеолтехиздат, 1963, с. 119—120.

³⁴ A. P. Cartwright. The Gold Miners. Cape Town and Johannesburg, Purnell and Sons, 1962, p. 85.

³⁵ Т. Green. Op. cit., p. 67.

³⁶ Ibid., p. 60.

IV. КУДА ИДЕТ ЗОЛОТО

¹ С. М. Борисов. Золото в экономике современного капитализма. М., «Финансы», 1968, с. 9.

² А. Кладт, В. Кондратьев. Быль о «золотом эшелоне». М., Политиздат, 1966, с. 100.

³ T. Green. The World of Gold Today. L. a. o., Arrow Books Ltd., 1973, p. 127.

⁴ «International Financial Statistics» (Wash., International Monetary Fund), March 1978.

⁵ T. Green. Op. cit., p. 173.

⁶ «New York Times», 24.IX.1974; «New York Herald Tribune», 24.IX. 1974.

⁷ R. Sedillot. Les secrets du marché de l'or. P. Recueil Sirey, 1948, pp. 36—37.

⁸ Г. Мюрдаль. Мировая экономика. Проблемы и перспективы. М., ИЛ, 1958, с. 548.

⁹ «Banker», L., March 1975, p. 8.

¹⁰ T. Green. Op. cit., p. 134.

¹¹ «Economic Impact», Wash., 1975, N 10, p. 46.

¹² Расчеты по данным, опубликованным в источниках: «Banker», March 1975; Gold. Consolidated Gold Fields, L., 1977,

¹³ T. Green. Op. cit., p. 250.

¹⁴ R. Sedillot. Histoire de l'or. P. Fayard, 1972, p. 351.

¹⁵ T. Green. Op. cit., p. 250.

¹⁶ Gold. Consolidated Gold Fields, 1977, pp. 2, XIII.

¹⁷ R. Sedillot. Les secrets du marché de l'or, p. 49.

¹⁸ T. Green. Op. cit., p. 263.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ш. Монтескье. Избранные произведения. М., Госполитиздат, 1955, с. 365.

²¹ A. Hailey. The Moneychangers. N. Y. a. o., Bantam Books, 1975, p. 323.

²² T. Green. Op. cit., p. 192.

²³ «За рубежом», 1975, № 50, с. 18.

²⁴ T. Green. Op. cit., p. 238.

²⁵ R. Sedillot. Histoire de l'or, p. 353.

²⁶ Цит. по: Г. Уэллс. Павлов и Фрейд. М., ИЛ, 1959, с. 492.

²⁷ Gold. Consolidated Gold Fields, 1977, p. 22.

²⁸ С. М. Борисов. Указ. соч., с. 251.

²⁹ Gold. Consolidated Gold Fields, 1977, p. 12.

³⁰ R. Sedillot. Histoire de l'or, p. 339.

³¹ T. Green. Op. cit., p. 24.

³² R. Sedillot. Op. cit., p. 337.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 100.

V. ЗОЛОТОЙ ГЕНОЦИД

¹ А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2. М., «Художественная литература», 1974, с. 96.

² I, 87 (Геродот. История в девяти книгах. Л., «Наука», 1972, с. 70).

³ H. Quiring. Geschichte des Goldes. Stuttgart, F. Enke Verlag, 1948, S. 99.

⁴ Jul. 54. (Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., «Наука», 1964, с. 22).

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 247.

⁶ H. Quiring. Op. cit., S. 124.

⁷ Б. де Лас Касас. История Индий, 21. Л., «Наука», 1968, с. 146—147.

⁸ **Х. Колумб.** Письмо Сантанхелю и Санчесу. Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. М., Изд-во географической литературы, 1961, с. 70.

⁹ Там же, с. 461.

¹⁰ **Б. де Лас Касас.** Кратчайшая история разрушения Индий. Цит. по вступительной статье к изданию «Путешествия Христофора Колумба», с. 9.

¹¹ **H. Quiring.** Op. cit., S. 206.

¹² **A. Soetbeer.** Edelmetallproduktion... Gotha, 1879, S. 107.

¹³ **В. И. Гуляев.** По следам конкистадоров. М., «Наука», 1976, с. 86, 27.

¹⁴ **H. Quiring.** Op. cit., SS. 219—220.

¹⁵ **Х. А. Льоренте.** Критическая история испанской инквизиции. Т. 1. М., 1936, с. 190.

¹⁶ **H. Roden.** Treasure Seekers. A Chronicle of Fortunes Lost and Hidden and the Efforts Made to Salvage Them. L. a. o., G. Harrap and Co. Ltd, 1966, Ch. 6.

¹⁷ **Р. Л. Стивенсон.** Остров сокровищ. Собр. соч. в 5-ти т. Т. 2. М., «Правда», 1967, с. 178—180.

¹⁸ Данные из справочника: All the Monies of the World. A Chronicle of Currency Values. F. Pick, R. Sedillot, ed. Pick Publ. Co., N. Y., 1972.

¹⁹ **A. Del Mar.** A History of the Precious Metals from the Earliest Times to the Present. L., G. Bell and Sons. 1880, p. 211.

²⁰ **Gold Rush Album.** J. H. Jackson, ed. N. Y., Ch. Scribner's Sons, 1949, p. 22.

²¹ **W. P. Morrel.** The Gold Rushes. L., A. and Ch. Black, 1940, p. 190.

²² «США — экономика, политика, идеология». М., 1977, № 8, с. 126—127.

²³ **Ф. И. Михалевский.** Золото в период мировых войн. М., Политиздат, 1945, с. 184.

²⁴ **H. Roden.** Op. cit., Ch. 18, 19.

²⁵ **F. Wilson.** Labour in the South African Gold Mines. L. and Cambr., Cambridge Univ. Press, 1972, p. 21.

²⁶ Международная конференция труда. 59-я сессия 1974, 10-й специальный доклад об апартеиде. Женева, Международное бюро труда, 1974, с. 58.

²⁷ Там же, с. 58—59.

²⁸ **T. Green.** The World of Gold Today. L. a. o., 1973, p. 78.

²⁹ **K. Blakemore.** The Book of Gold. N. Y., Stein and Day, 1971, p. 50.

³⁰ **А. Дюрер.** Дневники. Письма. Трактаты. Т. 1. Л.—М., «Искусство», 1957, с. 118.

VI. ВЛАСТЬ ЗОЛОТА

¹ **А. М. Горький.** Город Желтого дьявола. — Полн. собр. соч., т. 6. М., «Наука», 1970, с. 247, 248.

² **F. Hobbs.** Gold. The Real Ruler of the World. Chicago, The Business Foundation Publishers, 1943, pp. 96, 181 et al.

³ **J. K. Galbraith.** Money, 1975, p. 100.

⁴ См. подробнее: **А. В. Аникин.** Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., Политиздат, 1975, гл. 5.

- ⁵ А. С. Пушкин. Сцены из рыцарских времен. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 4. М., «Художественная литература», 1975, с. 353.
- ⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 142.
- ⁷ R. Sedillot. Histoire de l'or. P., 1972, pp. 7, 10.
- ⁸ Быт., II, 10—12.
- ⁹ H. Quiring. Geschichte des Goldes. Stuttgart, 1948, S. 26.
- ¹⁰ Быт., XIII, 2.
- ¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 102.
- ¹² F. Hobbs. Op. cit., p. 211.
- ¹³ Ibid., p. 192.
- ¹⁴ R. Sedillot. Op. cit., p. 2.
- ¹⁵ P. Einzig. The Destiny of Gold. L. a. o., 1972, p. 14.
- ¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 143.
- ¹⁷ P. Einzig. Op. cit., p. 6.
- ¹⁸ Ф. Кривин. Несерьезные Архимеды. М., 1971, с. 149.
- ¹⁹ G. B. Shaw. The Intelligent Woman's Guide to Socialism and Capitalism. L., Constable and Co. Ltd., 1932, p. 263.
- ²⁰ F. Hobbs. Op. cit., p. 227.
- ²¹ З. С. Каценеленбаум. Южноафриканское золото и обострение англо-американских противоречий. М., Госфиниздат, 1954, с. 95.
- ²² М. А. Барг. Шекспир и история. М., «Наука», 1976, с. 162.
- ²³ У. Шекспир. Тимон Афинский, IV, 3. — Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 143.
- ²⁴ У. Шекспир. Полн. собр. соч., т. 7. М., «Искусство», 1960, с. 481.
- ²⁵ Economistes financiers du XVIII-e siècle, publ. par E. Daire. P., 1843, pp. 394—395.
- ²⁶ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Полн. собр. соч. Т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938, с. 383.
- ²⁷ J. M. Keynes. A Tract on Monetary Reform. L., Macmillan and Co. Ltd., 1924, p. 172.
- ²⁸ A. Hailey. The Moneychangers. N. Y. a. o., 1975, p. 145.
- ²⁹ Pick's Currency Yearbook 1973, N. Y., Pick Publishing Company, 1973, p. 593.
- ³⁰ A. P. Cartwright. The Gold Miners. Cape Town and Johannesburg, 1962, p. 82.
- ³¹ E. Chanel. L'or. P., 1974, p. 233.
- ³² A. P. Cartwright. Op. cit., p. 194.
- ³³ E. Chanel. Op. cit., p. 15.

VII. ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ И ЕГО АГОНИЯ

- ¹ I, IV (A. Smith. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations, vol. 1. Oxford, Clarendon Press, 1976, p. 46).
- ² J. K. Galbraith. Money. Whence it Came, Where it Went. Boston, Muffin, 1975, p. 41.
- ³ Цифровые данные по книгам: С. М. Борисов. Золото в экономике современного капитализма. М., «Финансы», 1968, с. 9, 92, 107, 112; R. Triffin. The Evolution of the International Monetary System... Princeton, 1964, p. 57.
- ⁴ W. Röpke. Le rideau de fer monétaire. — «Revue économique et sociale». P., Janvier 1950, p. 32.
- ⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 120.
- ⁶ Там же, с. 156.

- ⁷ J. K. Galbraith. Op. cit., p. 168.
- ⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т 25, ч. II, с. 33.
- ⁹ С. М. Борисов. Указ. соч., с. 22, 253.
- ¹⁰ См.: Ф. И. Михалевский. Золото в период мировых войн. М., Политиздат, 1945, с. 140.
- ¹¹ J. K. Galbraith. Op. cit., p. 258.
- ¹² С. М. Борисов. Указ. соч. и статистика МВФ.
- ¹³ С. М. Борисов. Указ. соч., с. 184.
- ¹⁴ Цит. по: «За рубежом», 1965, № 7, с. 16.

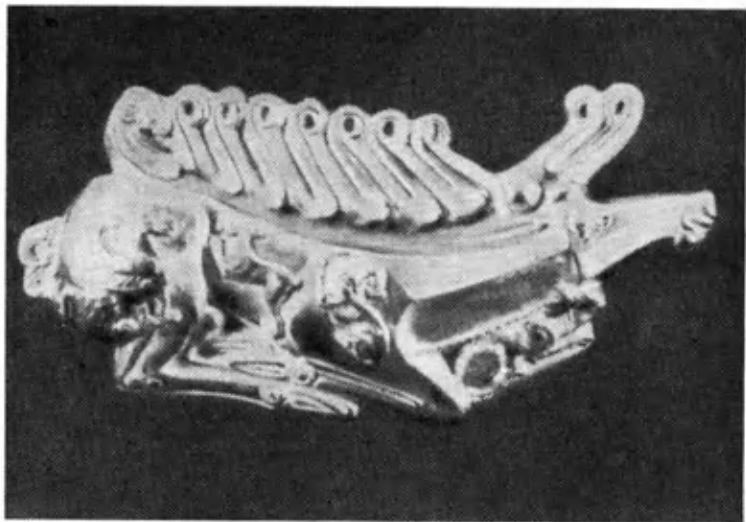
VIII. КРИЗИС И РЕФОРМА

- ¹ J. K. Galbraith. Money, 1975, pp. 298—299.
- ² «International Financial Statistics», March 1978.
- ³ «Newsweek», 30.VIII. 1971, p. 12.
- ⁴ R. Solomon. The International Monetary System 1945—1976. An Insider's View. N. Y. a. o., Harper and Row, 1977, p. 180.
- ⁵ Ibid., p. 205.
- ⁶ P. Einzig. The Destiny of Gold. L. a. o., Macmillan, 1972, p. 1.
- ⁷ R. Solomon. Op. cit., p. 235.
- ⁸ «International Financial Statistics», May 1977.
- ⁹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 98.
- ¹⁰ «International Financial Statistics», March 1978.
- ¹¹ R. Solomon. Op. cit, p. 315.
- ¹² Ibid., p. 319.
- ¹³ «Figaro», 21.IV.1978.
- ¹⁴ «Financial Times», 25.IV. 1978.

IX. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

- ¹ И. А. Трахтенберг. Денежное обращение и кредит при капитализме. М., 1962, с. 27.
- ² P. A. Samuelson. What Classical Monetary Theory Really Was.—«Canadian Journal of Economics», 1968, N 1, p. 1.
- ³ Ch. A. Fuller Jr. The World's Most Controversial Metal. — «Economic Impact», Wash., 1975, N 10, p. 51.
- ⁴ P. Vilar. Or et monnaie dans l'histoire 1450—1920. P., Flammarion, 1974, p. 97.
- ⁵ R. Triffin. The Evolution of the International Monetary System... Princeton, 1964, p. 13.
- ⁶ J. K. Galbraith. Money. Boston, 1975, p. 211.
- ⁷ Валюты стран мира. М., «Финансы», 1976, с. 364.
- ⁸ «Economist», L., 28.VII. 1973, p. 62.
- ⁹ Mineral Industry Yearbook, Wash., 1974.
- ¹⁰ Денежное обращение и кредит капиталистических стран. Под ред. Л. Н. Красавиной. М., «Финансы», 1977, с. 20.
- ¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 113.
- ¹² H. Kahn, W. Brown, L. Martel. The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N. Y., W. Morrow and Company, Inc., 1976, pp. 191—192.
- ¹³ C. P. Kindleberger. The Politics of International Money and World Language. Princeton. Princeton Univ. Press., 1967, pp. 10—11.
- ¹⁴ Новый энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон (изд.). Т. 18. Спб., 1914, с. 795.

Изделия из золота, созданные древними мастерами, — важные памятники культуры и искусства. Они хранятся в музеях мира как большие ценности и неизменно привлекают к себе интерес. Этим изделиям в далекие времена часто придавалось магическое и ритуальное значение, они сопровождали владельца в загробный мир. Таков, вероятно, этот золотой шлем, который найден в захоронении на территории современной Румынии и датируется V веком до нашей эры. Одна из лучших в мире коллекций древнего золота находится в ленинградском Эрмитаже. Там хранится и этот замечательный скифский олень (нижний снимок).

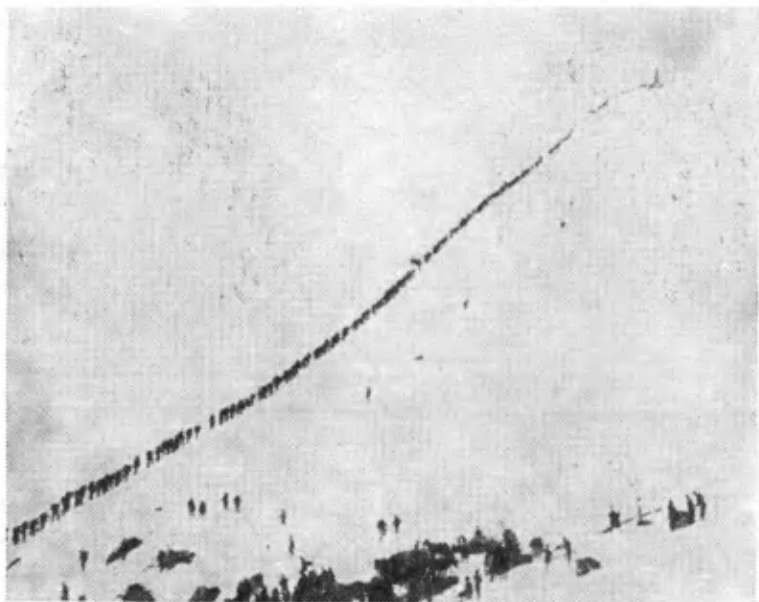

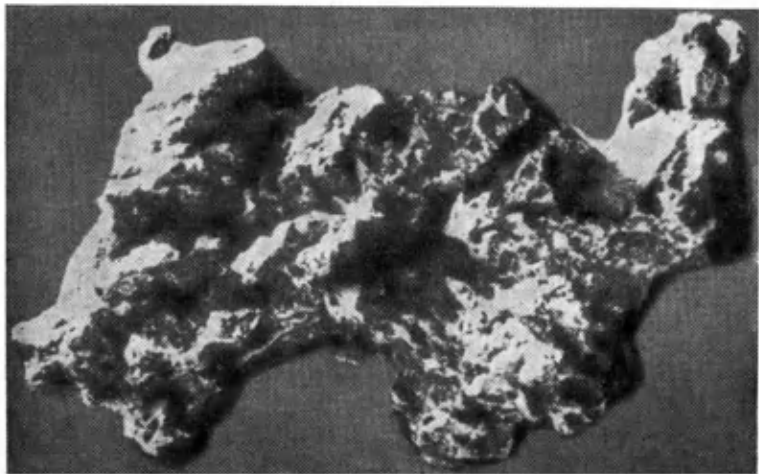
Редкие золотые монеты составляют гордость нумизматических коллекций. Колесница изображена на монете царя Филиппа II, отца Александра Македонского. Рядом — редкая римская монета III века, внизу — монета с профилем английского короля Карла I, отчеканенная незадолго до его казни.

Наиболее распространенные монеты эпохи золотого стандарта чеканились во многих миллионах экземпляров и не представляют обычно серьезной нумизматической ценности. Их ценность в большей мере определяется самим материалом. На снимках представлены монеты Франции, Великобритании (лицевая и оборотная сторона), США и Мексики. На фотографиях они увеличены против подлинного размера.

Крестный путь через Чилкутский перевал к золоту Клондайка удалось пройти далеко не всем. Десятки тысяч людей погибли в этой безумной погоне за золотом. На нижнем снимке изображен самый большой из известных самородков — найденный в Австралии «Желанный незнакомец». Размер в длину около 60 сантиметров.

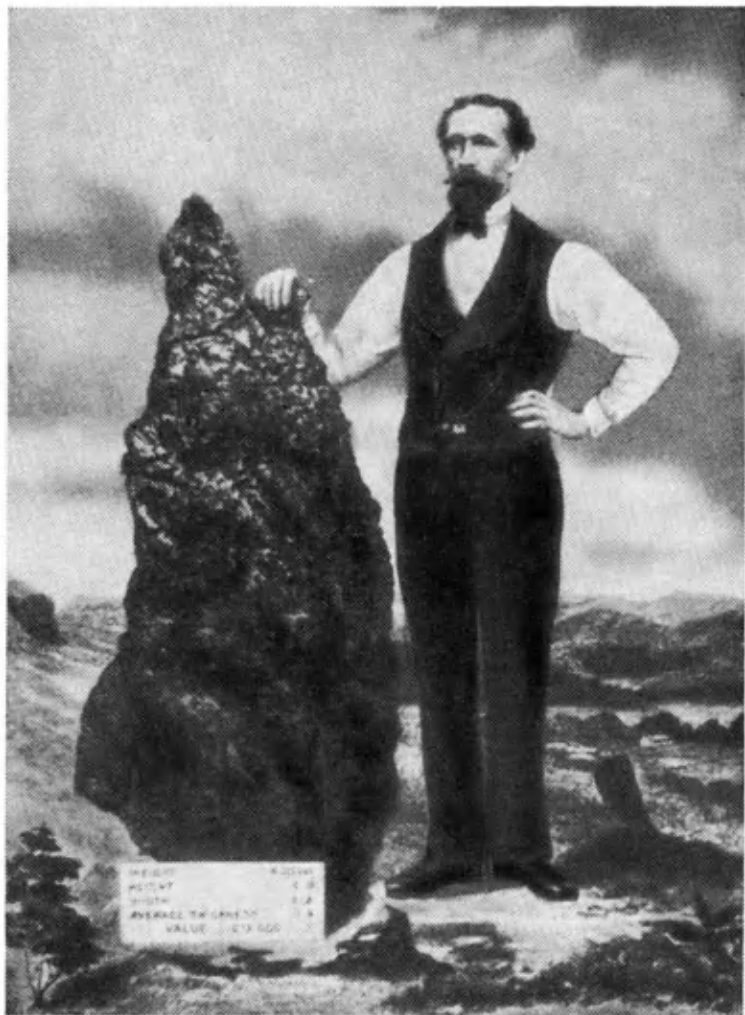

Клондайкский золотоискатель времен Джека Лондона располагал простейшим инвентарем — лопатой и лотком для промывки песка. Тысячи таких искателей счастья разорялись и погибали, единицы обогащались.

Эти снимки, напоминающие кадры из вестернов, изображают быт золотоискателей Аляски. Убогая хижина служила отелем. Весы для золота были необходимым предметом оборудования любой лавки и салуна, так как старатели расплачивались золотым песком.

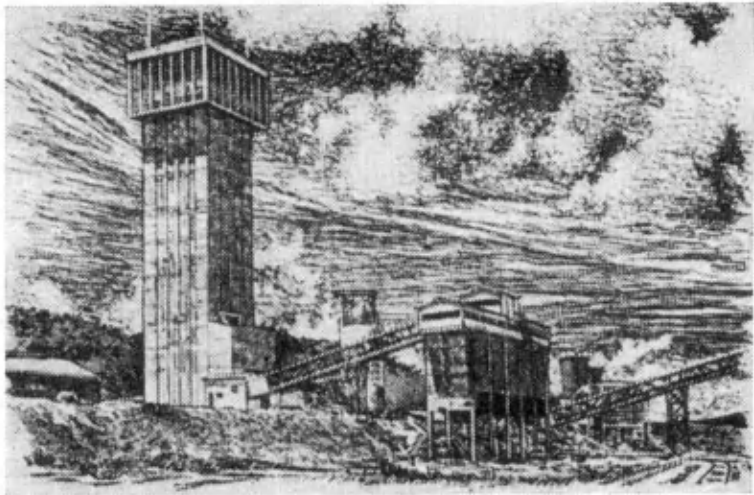

Золото образует замечательные явления природы. На снимке изображена так называемая плита Холтермана — найденный в Австралии в 1872 году обломок золотой жилы, содержащий по весу треть чистого золота.

промышленность ЮАР — крупнейшая отрасль хозяйства этой страны. Крупные компании вербуют совершенно неквалифицированных африканских рабочих и отправляют их на рудники после нескольких дней обучения. На снимке видно, как проходит это обучение.

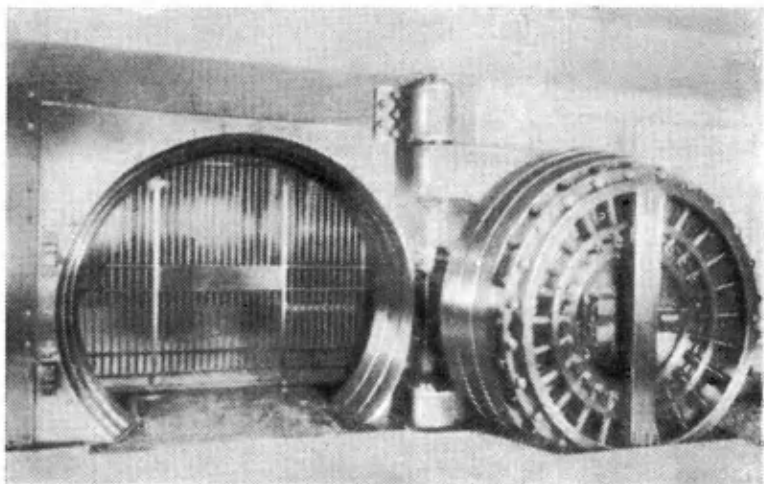
Золотые рудники ЮАР, где добывается три четверти всего золота капиталистического мира, — крупные современные предприятия. Но условия труда, особенно для рабочих-африканцев, чрезвычайно тяжелы. Работы ведутся на больших глубинах, при высокой температуре и влажности.

Высокая механизация одних процессов сочетается с ручным трудом у ленты транспортера с богатой рудой. На втором снимке — готовый продукт золотодобывающей промышленности — стандартные валютные слитки высокой пробы весом около 12,5 килограмма.

Бронированные сейфы с хитроумными замками и бдительной охраной — место, где находятся золотые запасы. На стандартном валютном слитке можно видеть номер, пробу, клейма фирм, которые изготовили его и проверили чистоту. Около половины всего накопленного золота капиталистического мира находится в государственных хранилищах, где штабеля слитков неподвижно ожидают своей судьбы.

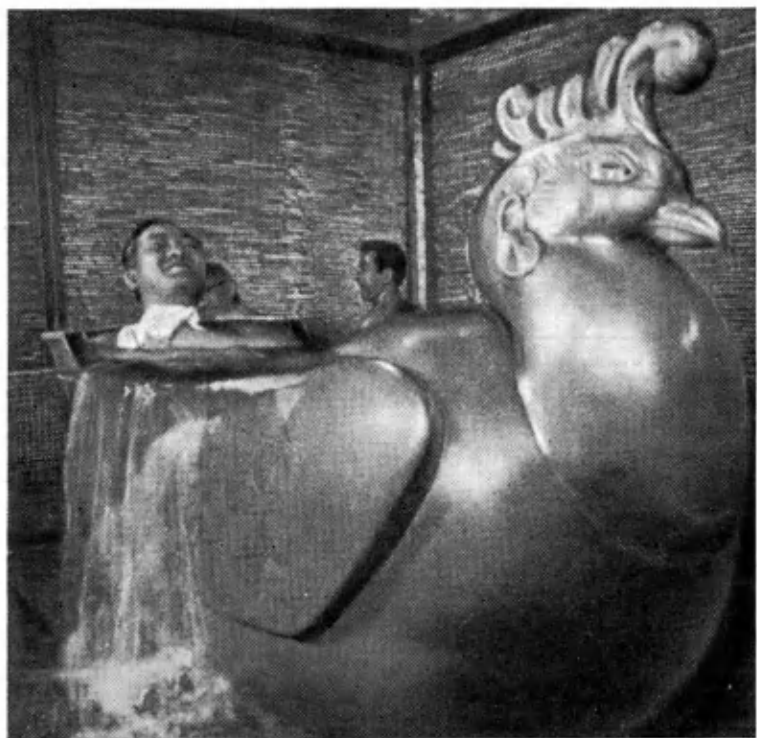

Золотая контрабанда — большой бизнес. Один из главных потоков этой контрабанды — из Западной Европы через Ближний Восток и страны Персидского залива — в Индию, Пакистан, Бангладеш. Для удобства тезавраторов и контрабандистов швейцарские банки изготавливают портативные слитки размером с шоколадку весом 10 тол (117 граммов). Десяток таких слитков умещается в ладони. Способов тайной перевозки золота много. Один из них показан на снимке справа: агент надевает под одежду специальный жилет с карманами для слитков. Сильный молодой человек может везти на себе до 40 килограммов металла.

Пятикратное повышение цены золота в 70-х годах одним из своих следствий имело оживление любительского старательства. Люди идут по следам героев Брет Гарта и Джека Лондона и моют золото на берегах горных рек, на заброшенных россыпях. Полезно для здоровья и, может быть, даже доходно.

Лишь небольшая часть ежегодно добываемого золота используется в электронной и других отраслях промышленности, воплощающих технический прогресс. Крупнейшим потребителем металла является ювелирная промышленность. Золото — показатель и символ богатства, общественного положения, солидности. Не исчезла вера в магические свойства желтого металла. Владелец отеля в Японии установил золотую ванну и рекламирует купание в ней как целебное средство. Плата взимается поминутно.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ВВЕДЕНИЕ: ЗОЛОТО В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	5
II. КАК ЗОЛОТО СТАЛО ДЕНЬГАМИ	15
Появление денег. — Металлические деньги. — Монета. — Два металла. — Золото и его заместители.	
III. ДОБЫЧА ЖЕЛТОГО МЕТАЛЛА	31
Химия, физика, геология. — Как его добывают. — Сколько, когда и где. — Труд и капитал.	
IV. КУДА ИДЕТ ЗОЛОТО	58
Где оно находится. — Как его продают и покупают. — Контрабанда. — Припрятанное золото: тезаврация. — Промышленность и искусство. — Деньги и не-деньги.	
V. ЗОЛОТОЙ ГЕНОЦИД	89
Древность. — Бог белого человека. — Пираты. — Золотые лихорадки. — Фашизм и золото. — Апартхейд. — Гибель искусства.	
VI. ВЛАСТЬ ЗОЛОТА	108
Золото, деньги, капитал. — Фетиш. — Гимны и проклятия. — Магнаты.	
VII. ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ И ЕГО АГОНИЯ	131
Как это было. — Механизм. — Между мировыми войнами. — Бреттон-Вудс. — Резервы и долги.	
VIII. КРИЗИС И РЕФОРМА	158
Капитализм 70-х годов. — Плавающие валюты. — Бумажное золото. — Мини-реформа. — Золото с аукциона.	
IX. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ	179
Стоимость, покупательная способность, цена золота. — Цена теперь и в будущем. — Демонетизация, ремонетизация... — Золото в экономике капитализма.	

Иллюстрации, помещенные в данном издании, заимствованы из книг: **H. Joswig.** Das Geld. Leipzig, Jena, Berlin, Urania—Verlag, 1968; **C. H. V. Sutherland.** Gold. L., Thames and Hudson, 1959; **K. Blakemore.** The Book of Gold. N. Y., Stein and Day, 1971; **A. P. Cartwright.** The Gold Miners. Cape Town and Johannesburg, Purnell and Sons, 1962; Gold in Australia, ed. by Ch. Barrett. L., 1951, а также из журнала «National Geographic Magazine» (Wash., D. C.), издателям которого автор и издательство выражают благодарность за любезное согласие на их воспроизведение.

ИБ № 1125

Андрей Владимирович АНИКИН

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ. Золото и капитализм

Редактор **И. Прохоров**

Художник **А. Волошин**

Художественный редактор **В. Неволин**

Технический редактор **Н. Носова**

Корректоры **Н. Павлова, А. Долидзе**

Сдано в набор 29.06.78. Подписано в печать 21.11.78. А06063. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. + 8 вкл. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 65 000 экз. Цена 60 коп. Т. П. 1978 г., № 1. Заказ 1142.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.